



День второй.

Кончается первый день Декамерона и наступает второй. Весь этот день, подъ управленіемъ Филомены, посвященъ разсказамъ о тѣхъ, кто, подвергшись всевозможнымъ приключеніямъ и превратностямъ судьбы, достигаетъ, сверхъ всякаго ожиданія, самыхъ благополучныхъ результатовъ.

Восходящее солнце озарило уже начинающійся день яркимъ своимъ свѣтомъ; птички дружно зачирикали на вѣтвяхъ тѣнистыхъ деревьевъ, весело перепархивая съ одного мѣста на другое,—когда дамы и трое молодыхъ людей встали и отправились въ садъ. Долго гуляли они тамъ, бродя по росистой травѣ, собирая цвѣты и сплетая изъ нихъ вѣнки. Этимъ новымъ днемъ распорядились они такъ же, какъ и прошлымъ. Позавтракали на свѣжемъ воздухѣ, и потанцовавъ потомъ немного, пошли отдыхать. Затѣмъ, часу въ десятомъ встали и, согласно выработанной новой королевой программѣ, расположились въ кружокъ, на зеленой лужайкѣ, обрамленной высокими тѣнистыми деревьями. Тутъ королева, смутившись, было, на мгновеніе отъ пристально устремленныхъ на нее восхищенныхъ взоровъ не только молодыхъ людей, но даже и дамъ (такъ она была хороша въ своемъ платьѣ нѣжно-розоваго цвѣта и съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ), поднявъ глаза, упавшіе случайно на Неифиле,—повелѣла ей начинать первую новеллу сегодняшняго дня. Та, не задумываясь долго, начала такъ:



Новелла I.

Притворный калѣка.

Мартеллино, притворившись разбитымъ параличемъ, дѣлаетъ видъ, будто получилъ исцѣленіе отъ прикосновенія къ мощамъ св. Арриго. Обманъ его открывается: его быють и сажаютъ въ тюрьму. Подвергаясь опасности быть повѣшеннымъ за свою кощунственную продѣлку, онъ получаетъ совершенно неожиданно избавленіе отъ грозившей ему непріятной перспективы и благополучно возвращается на родину.

Ужъ сколько разъ оправдывалось на дѣлѣ мудрое изрѣченіе, гласящее, что тотъ, кто смѣется надъ другимъ, особенно же надъ тѣмъ, что достойно особеннаго почитанія, даже поклоненія, самъ попадаетъ впросякъ и получаетъ достойное за свое издѣвательство возмездіе! И тѣмъ не менѣе люди попрежнему смѣются надъ другими, попрежнему дѣлаютъ предметомъ своихъ недостойныхъ шутокъ самыя священныя стороны нашего бытія!

Слѣдую приказанію королевы, я имѣю въ виду рассказать вамъ, милые друзья мои, исторію одного такого насмѣшника, вздумавшаго надругаться надъ святыней;—исторію, чуть было не кончившуюся для него весьма плачевнымъ образомъ; избавился онъ отъ бѣды совершенно случайно, благодаря неожиданно подоспѣвшей къ нему на выручку помощи! Вотъ эта исторія:

Не такъ давно тому назадъ въ Тривидже жилъ одинъ нѣмецъ Арриго, носильщикъ по профессіи. Человѣкъ онъ былъ бѣдный, такъ какъ занятіе его давало ему очень скудный заработокъ. Не смотря на это, однако, онъ пользовался большимъ уваженіемъ среди жителей города за свою трудовую, по мнѣнію многихъ, чуть ли не святую жизнь. Рѣшать вопросъ о томъ, насколько такое мнѣніе о немъ было справедливо, я не берусь. Передаю вамъ лишь факты и то, что слышалъ самъ, не входя въ критическую оцѣнку всего этого. Какъ бы то ни было, но въ день его смерти, по увѣренію жителей Тривидже, колоколь главнаго городского собора сталъ, вдругъ, звонить самъ собою.

Признавъ такое явленіе за чудо, они единогласно приписали его Арриго и рѣшили, что онъ — святой. Вѣсть о небываломъ чудѣ и о новомъ святомъ быстро разлетѣлась по всему городу. Уже нѣсколько часовъ спустя густая толпа народу повалила къ дому, гдѣ лежало тѣло покойника и перенесла его съ благоговѣніемъ въ соборъ. Желавшихъ поклониться праху новаго святого оказалась такая масса, что въ самомъ соборѣ вкормѣ не было, кажется, мѣста, гдѣ бы могло упасть яблоко. Вдругъ распространился слухъ, что одержанные какой-либо болѣзнию получаютъ исцѣленіе отъ одного лишь прикосновенія къ тѣлу праведника. Народу нахлынуло еще больше. Откуда ни возмись, появились массы хромыхъ, слѣпыхъ, калѣкъ и другихъ, тому подобныхъ немощныхъ. Всякій изъ нихъ старался, конечно, протискаться впередъ: слышались крики, визгъ... Поднялся настоящій содомъ. Не только вся громадная площадь, на которой помѣщался соборъ, но также и всѣ со-сѣднія выходившія на нее улицы, превратились вкормѣ въ цѣлое море головъ, — шумное и грозное.

Въ этотъ самый моментъ въ Тривидже пріѣхало трое нашихъ соотечественниковъ. Одного изъ нихъ звали Ореччи, другого Мартеллино и третьяго Марчезе. Всѣ трое были отчаянными головорѣзами, любившими выкинуть при случаѣ такое, какъ говорятъ, колѣнце, что другимъ оставалось только почесать у себя за ухомъ.

Пріѣхавъ въ городъ въ первый разъ и видя повсюду толны бѣгущаго куда-то народа, они, естественно, заинтересовались узнать, что случилось? Имъ объяснили, въ чемъ дѣло. Пріѣхавъ въ гостиницу наши пріятель рѣшаютъ также отправиться къ собору.

— Давайте, господа! — обратился къ двумъ прочимъ Марчезе, — отправитесь-ка поглазѣть на вновь испеченнаго святого! Только вотъ бѣда: — какъ намъ туда добраться? — прибавилъ онъ, ткнувъ себя при этомъ зачѣмъ-то въ лобъ. — Мнѣ только-что рассказывали, что на соборной площади разставлена, на случай могущихъ возникнуть безпорядковъ, цѣлая гуча вооруженной стражи! Да къ тому же не только церковь, но и вся площадь, говорятъ, до такой степени переполнены народомъ, что добраться туда прямо таки нѣтъ никакой возможности!

— Только-то всего? — возразилъ на это другой изъ пріятелей — Мартеллино. — Ну, господа, этому горю не такъ ужъ и трудно помочь! Я берусь пробраться не только къ собору, но даже и къ самому тѣлу святого!

— Какимъ такимъ образомъ? — воскликнулъ заинтересованный Марчезе.

— А вотъ какимъ! — отвѣтилъ тотъ. — Я представляюсь разбитымъ параличемъ: ты съ одной стороны, Стеччи — съ другой, будете поддерживать меня, какъ будто я не могу идти самъ. Затѣмъ вы сдѣлаете видъ, что хотите пробраться со мной къ тѣлу святого, чтобы тотъ исцѣлилъ меня. Увидите, что не найдется ни одного человѣка, который не потѣшился бы, чтобы дать намъ дорогу!

Остроумный способъ добраться такъ «легко и красиво» до самаго гроба святого, придуманный Мартеллино, очень понравился обоимъ его товарищамъ, которые вполне его одобрили.

Поэтому, не теряя времени, всѣ трое тотчасъ отправились по направлению къ соборной площади.

Войдя въ глухой переулочекъ, гдѣ не было ни души, они остановились: Мартеллино скрючилъ свои руки и пальцы, поджалъ ноги, скривилъ на сторону ротъ, закатилъ глаза, однимъ словомъ до такой степени измѣнилъ и свою физиономію и всего себя, что если бы его увидѣлъ въ такомъ видѣ даже кто-либо изъ прекрасно знавшихъ его, и то не призналъ бы въ немъ своего знакомаго: Марчезе и Стеччи подхватили новоиспеченнаго паралитика подъ руки и въ такомъ видѣ отправились дальше къ площади.

Подойдя къ ней и скорчивъ набожныя физиономіи, они стали жалобнымъ голосомъ просить тѣснившійся кругомъ народъ—пропустить ихъ съ несчастнымъ больнымъ къ гробу святого.

Видя перекалѣченнаго Мартеллино, сердобольные граждане повсюду разступались, давая имъ дорогу и даже крича стоявшимъ впереди ихъ: «больной! пропустите больного!».

Такимъ образомъ наше великолѣпное тріо очень скоро достигло мѣста, гдѣ стоялъ гробъ съ прахомъ святого Арриго.

Тотчасъ нѣкоторые изъ стоявшихъ тутъ же помогли двумъ нашимъ героямъ поднять ихъ больного товарища и всѣ сообща положили его на гробъ покойника.

Мартеллино, видя на себѣ тысячи устремленныхъ на него глазъ народа, ожидавшаго со страхомъ и трепетомъ великаго чуда отъ святого, съумѣлъ, какъ нельзя лучше, разыграть свою нелегкую роль.

Пролежавъ нѣсколько минутъ безъ всякаго движенія, онъ, вдругъ осторожно выпрямилъ сначала одинъ изъ своихъ скрюченныхъ пальцевъ, потомъ другой, затѣмъ и всю руку; дернулъ ногой; наконецъ вытянулъ и весь свой корпусъ и поднявшись, сталъ на ноги.

Взглянувъ только на одну физиономію ловкаго комедіанта, скорченную имъ при этомъ, вы бы тотчасъ сказали: «Боже, какая блаженная радость, смѣшанная съ какой-то боязнью разлита на лицѣ этого человѣка!»

Въ толпѣ, видѣвшей все происшедшее, послышался сначала глубокій вздохъ, потомъ трепетный шепотъ и вдругъ весь соборъ огласился такими криками восторга и умиленія по поводу совершившагося «великаго чуда», что, кажется, если бы въ эту минуту грянулъ громъ, то и онъ не заглушилъ бы восторженныхъ кликовъ народа.

Все, такимъ образомъ, шло для нашихъ друзей какъ по маслу, какъ вдругъ (и надо же было случиться такой бѣдѣ!) тутъ же, около самаго гроба стоялъ одинъ флорентинецъ, прекрасно знавшій злополучнаго Мартеллино, но не узнавшій его (что было, впрочемъ, прямо такъ и невозможно), когда его несли всего перекорюченнаго. Теперь же, вгля-

дѣвнись въ Мартеллино, когда тотъ выпрямился, и, признавъ въ немъ своего стараго знакомаго, онъ не могъ удержаться отъ хохота:

— Накажи его Богъ!—воскликнулъ онъ, — и вѣдь кто бы могъ не повѣрить, взглянувъ на этого шельму, что онъ дѣйствительно разбить параличемъ?!

— Какъ!—закричало нѣсколько человѣкъ, услышавшихъ эти слова, — развѣ онъ не былъ разбитъ параличемъ?!

— Нисколько, благодареніе Госпоу!—отвѣтилъ тотъ,—онъ всегда былъ такъ же здоровъ и крѣпокъ, какъ любой изъ насъ... но это такая продувная бестія, что въ любой моментъ разыграетъ вамъ комедію, подобную этой такъ ловко, что вы будете только хлопать глазами.

Между тѣмъ наши друзья, почувявъ бѣду съ первыхъ же словъ флорентинца (котораго, кстати сказать, Мартеллино замѣтилъ еще раньше), стремительно направились, протискиваясь черезъ разступившуюся передъ ними толпу, — къ выходу.

Но было уже поздно! Не успѣли они добраться еще и до середины собора, какъ раздались крики: «Держите того мошенника! держите его! Онъ вовсе не былъ болѣнъ и только притворился калѣкой! Онъ надругался надъ Богомъ и надъ нашимъ святымъ! Онъ пришелъ сюда насмѣхаться надъ нами! Держите, держите его!».

Мартеллино схватили и поволокли на площадь. Тутъ, поваливъ его на землю, оскорбленные въ своихъ святыхъ чувствахъ горожане, стали съ яростью наносить ему удары, куда попало: и въ спину, и въ грудь, и въ голову. Были цуцены въ ходъ не только руки, но и ноги, отъ которыхъ несчастному приходилось особенно плохо. Каждый изъ присутствующихъ, узнавъ въ чемъ дѣло, счелъ какъ бы священнымъ своимъ долгомъ нанести богохульнику хоть одинъ ударъ.

Не смотря на всѣ просьбы и мольбы несчастнаго, толпа, становившаяся все гуще и гуще, не унималась. Напротивъ: послѣ каждаго душу раздирающаго вопля несчастнаго, толпа набрасывалась на него съ еще большимъ остервененіемъ.

Что касается пріятелей Мартеллино — Стечки и Маризе, то они видя какой непріятный оборотъ приняло дѣло, но не рѣшаясь открыто заступиться за своего друга, боясь разъяренной толпы, которая легко могла-бы приняться тогда и за нихъ, также стали кричать вмѣстѣ съ другими: «лупите, лупите его! такъ, вотъ такъ!»

Но каждый изъ нихъ старался въ то-же время придумать, какимъ-бы путемъ спасти несчастнаго.

Наконецъ Маризе блеснула счастливая мысль.

Протискавшись съ большимъ трудомъ сквозь толпу, онъ стремительно подбѣжалъ къ полицейскому чиновнику, исполнявшему должность подести: — «Правосудія! — вскричалъ онъ; — меня обокрали... тамъ... у собора... одинъ жуликъ вытащилъ у меня изъ кармана кошелекъ съ

золотомъ... въ немъ было больше ста червонцевъ!... я укажу вамъ этого негодяя!»

Услыхавъ жалобу флорентинца, чиновникъ тотчасъ приказалъ десятку стоявшихъ тутъ-же сержантовъ немедленно схватить мошенника и отвести его къ судѣ.

Сержанты, добравшись до Мартеллино, избитаго почти до полусмерти, съ трудомъ вырвали его изъ рукъ все еще неунывающей разъяренной толпы и направились вмѣстѣ съ нимъ къ зданію суда, находившагося невдалекѣ отъ собора.

Толпа и тутъ не оставила своей жертвы и массой повалила вслѣдъ за нимъ.

Узнавъ по дорогѣ, что Мартеллино задержанъ за воровство кошелекѣ съ деньгами, многіе изъ толпы, желая воспользоваться представившимся удобнымъ случаемъ, чтобы отомстить надѣмбывшемуся надъ ними богохульнику, стали кричать: «и у меня этотъ негодяй стащилъ кошелекъ!»

Слыша такъ много обвиненій, направленныхъ противъ задержаннаго, судья, бывшій человѣкомъ суровымъ, рѣшивъ тотчасъ-же приняться за разсмотрѣніе дѣла, приказалъ отвести нашего героя въ судейскую комнату и сталъ допрашивать его.

Мартеллино, не чувствуя за собой вины въ взводимомъ на него преступленіи, несмотря на только-что полученную имъ солидную встряску, сталъ отвѣчать на вопросы, которые предлагалъ ему судья,—въ шутовскомъ тонѣ.

Такой тонъ не понравился блюстителю правосудія. Рѣшивъ, что передъ нимъ закоренѣлый преступникъ, онъ тотчасъ приказалъ отвести нашего героя въ застѣнокъ и сталъ пытать его.

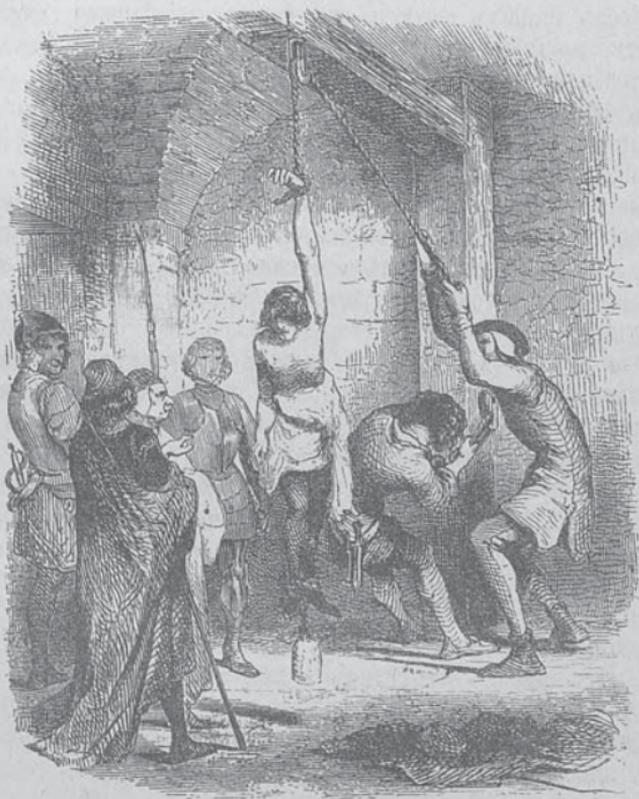
Видя, что дѣло плохо и не такъ ужъ пустяшно, какъ онъ подумалъ, было, въ первую минуту, Мартеллино призадумался.

Но и тутъ его выручила находчивость, которой онъ всегда отличался. Синьоръ!—обратился онъ къ судѣ,—я готовъ сказать вамъ всю правду; но прикажите сперва всѣмъ моимъ обвинителямъ указать вамъ, когда и гдѣ я стащилъ у каждаго изъ нихъ его кошелекъ?—и я чисто-сердечно признаюсь вамъ въ томъ, что дѣйствительно сдѣлалъ и скажу, въ чемъ не виноватъ.

Судья, найдя просьбу Мартеллино вполне основательной, тотчасъ приказалъ привести человѣкъ десять изъ обвинявшихъ его въ воровствѣ и спросилъ каждаго изъ нихъ, когда именно и гдѣ похитили у нихъ деньги?

Одинъ отвѣтилъ, что его кошелекъ украли у него дней восемь тому назадъ, другой—четыре, третій—два, другіе—наканунѣ; и лишь нѣсколько человѣкъ заявило, что у нихъ онъ украденъ въ тотъ-же день: у кого — утромъ, у кого — за нѣсколько часовъ до поимки «негодяя».

— Все они нагло лгутъ, синьоръ! — воскликнулъ тогда Мартеллино, — я могу дать вамъ неопровержимое доказательство справедливости этого моего утверждения и всего того, что сказалъ вамъ раньше о своей невинности! — Всего лишь часъ тому назадъ, въ первый разъ въ своей жизни, я имѣлъ несчастье попасть въ этотъ городъ! Тотчасъ по прїѣздѣ, я отправился въ соборъ, желая увидѣть святого, гдѣ меня такъ помяли, что я едва держусь теперь на ногахъ! Вы легко можете про-



вѣрить справедливость всего этого, наведя справку у чиновника, контролирующаго въѣздъ въ городъ иностранцевъ. Въ его книгѣ все записано. Тогда вы убѣдитесь въ моей невинности и не захотите, конечно, причинить мнѣ зло по одному лишь ложному заявленію всѣхъ этихъ скверныхъ людей!

Тѣмъ временемъ Маризе и Стечки, услыжавъ какъ судья приказывалъ отвести ихъ злосчастнаго товарища въ застѣнокъ, и видя, что

дѣло принимаетъ столь неожиданный, серьезный оборотъ,—не на шутку встревожились.

— Что намъ теперь дѣлать? — со страхомъ вопрошали они другъ друга, — вотъ ужъ подлинно: «изъ огня да въ полымя человѣкъ попалъ!» — А все благодаря намъ-же.

Не зная никого въ городѣ, пріятели отправились къ хозяину своей гостиницы и чистосердечно рассказали ему обо всемъ случившемся, прося его посовѣтывать, какъ имъ быть?

Хозяинъ, посмѣявшись отъ души надъ фокусомъ, выкинутымъ Мартеллино, повелъ нашихъ героевъ къ одному гражданину, нѣкому Сандро Аголанти, пріятелю губернатора города. Тотъ, выслушавъ рассказъ пріятелей о приключеніяхъ ихъ товарища, чуть было, не умеръ отъ смѣха. Онъ принялъ участіе въ положеніи Мартеллино, такъ жестоко поплачивающаго за свою шутку, отправился къ губернатору и упросилъ его потребовать задержаннаго къ себѣ.

Посланные за Мартеллино нашли его въ самомъ жалкомъ видѣ, въ одной рубашкѣ, измученнаго пыткой, которой тѣмъ временемъ подвергъ его судья, не желавшій слушать никакихъ оправданій и и имѣвшій повидимому страшное желаніе повѣсить во что-бы то ни стало, «закоренѣлаго преступника».

Сначала онъ не хотѣлъ было выдать Мартеллино, думая, что тутъ дѣло не ладно. Убѣдившись, однако, что пришедшіе дѣйствительно посланы самимъ губернаторомъ, — волей-неволей долженъ былъ, хоть и скрѣпя сердце, выпустить свою жертву.

Представъ предъ ясныя очи самого губернатора, Мартеллино рассказалъ ему все какъ было, не утаивъ, конечно и своей продѣлки, затѣмъ сталъ умолять губернатора сжалиться надъ нимъ, давъ ему возможность выбраться поскорѣе изъ города, гдѣ ему такъ не повезло.

Губернаторъ, оказавшійся человѣкомъ добродушнымъ, посмѣявшись надъ выходкой нашего героя, велѣлъ дать ему и двумъ его товарищамъ по платю и съ миромъ отпустилъ всѣхъ троихъ.

Нечего, я думаю и говорить, что наши пріятели успѣли, не теряя ни минуты времени, поскорѣе выбраться изъ города съ тѣмъ, чтобы ужъ никогда болѣе въ него не показываться.





Новелла II.

Молитва св. Юліану.

Ринальдо д'Асти, ограбленный разбойниками, приходитъ въ замокъ Гвильямо; здѣсь получаетъ пріютъ у одной богатой вдовы, сторицею вознаграждается ею за всѣ свои бѣды и благополучно возвращается домой.

Дамы долго и отъ души смѣялись надъ приключеніями Мартелино. Изъ молодыхъ людей Филострато, сидѣвшій рядомъ съ Нейфиле смѣялся особенно заразительно, посему и все общество, глядя на него, долго не могло успокоиться. Наконецъ, королева, обратившись къ Филострато, приказала ему разсказать слѣдующую новеллу. Тотъ не заставляя себя ждать, всталъ съ своего мѣста и началъ такимъ образомъ:

— Прелестныя дамы! новелла, которую я собираюсь разсказать вамъ, повѣтствуетъ о предметахъ религіозныхъ, перемѣшанныхъ съ разными приключеніями и любовными сценами. Выслушать ее, думаю, будетъ не бесполезно и для васъ, хотя особенно поучительна она для тѣхъ, кому приходится путешествовать по опаснымъ теченіямъ любви, когда нерѣдко тотъ, кто позабылъ прочесть молитву святому Юліану, можетъ найти плохой пріютъ, хотя и при мягкой постели. И такъ, слушайте-же внимательно:

Дѣло было во времена маркиза Аццо изъ Феррары. Въ Болонью пріѣхалъ какъ-то по торговымъ дѣламъ нѣкій богатый купецъ — Ринальдо д'Асти. Покончивъ съ ними и направляясь обратно къ себѣ въ Верону, онъ повстрѣчался недалеко отъ Феррары съ нѣсколькими людьми, показавшимися ему съ виду путешественниками, но которые оказались потомъ разбойниками. Ринальдо завязалъ съ ними разговоръ и поѣхалъ дальше вмѣстѣ.

Разбойники, узнавъ, что Ринальдо купецъ и значить долженъ имѣть при себѣ деньги, порѣшили ограбить его при первомъ удобномъ случаѣ. Не желая поэтому возбудить въ немъ какихъ-либо подозрѣній относительно себя, они стали бесѣдовать съ Ринальдо о вещахъ самыхъ высшихъ, о благородствѣ, чести и т. п. Однимъ словомъ, разыграли изъ себя какъ нельзя лучше людей самыхъ благонамѣренныхъ и честныхъ. Ринальдо былъ прямо въ восторгъ отъ своей встрѣчи съ

«такими почтенными людьми»: тѣмъ болѣе, что ѣхалъ одинъ со своимъ слугой.

Путешествуя такимъ образомъ и бесѣдуя о томъ, о семъ, они затронули между прочимъ вопросъ религiи; зашелъ разговоръ о молитвахъ, съ какими люди обращаются обыкновенно къ Богу, прося его о чемъ-либо.

При этомъ одинъ изъ разбойниковъ — ихъ было трое — обратился къ Ринальдо съ такимъ вопросомъ:

— А вы, синьоръ! какую молитву читаете во время своихъ путешествiй?

На что тотъ отвѣтилъ:

— Говоря откровенно, — я человекъ неученый и матеріалистъ; много молитвъ не знаю, живу по старинному — считаю два солда за двадцать четыре динарiя... Однако, всегда когда уѣзжаю во время своего путешествiя изъ какой-нибудь гостиницы, гдѣ провелъ ночь, читаю «Отче нашъ» и «Богородицу» за упокой души родителей святого Юліана; а затѣмъ прошу Бога и святого Юліана послать мнѣ на слѣдующую ночь хорошей ночлеги. Сколько разъ уже подвергался я втеченіи своей жизни во время путешествiй самымъ серьезнымъ опасностямъ! — И всегда не только избѣгалъ ихъ, но и находилъ хорошей ночлеги! Я твердо вѣрю въ то, что это святой Юліанъ, къ которому я обращался съ такой просьбой, выпрашивалъ для меня у Господа Бога все эти милости. Мнѣ кажется, что если-бы я случайно какъ-нибудь забылъ вдругъ помолиться утромъ этому святому, — то ни весь тотъ день, ни слѣдующая ночь не прошли-бы благополучно!

На эти слова тотъ-же разбойникъ снова спросилъ Ринальдо:

— А сегодняшнее утро вы тоже читали эту молитву?

На что получилъ въ отвѣтъ:

— О да, конечно!

Тогда вопрошавшій, только уемѣхнувшись, пробормоталъ про себя: — «эта молитва понадобится тебѣ, другъ, еще разъ, такъ какъ, если насъ не ждетъ неудача, ты, едва-ли, получишь на сегодняшний день хорошей ночлеги!» — Затѣмъ, обратясь къ Ринальдо, сказалъ, вслухъ:

— Знаете, я тоже не мало на своемъ вѣку путешествовалъ, — но никогда не читалъ такой молитвы, хотя и слышалъ не разъ отъ многихъ будто она замѣчательно помогаетъ. И представьте себѣ, несмотря на это, всегда пользовался прямо-таки великолѣпнымъ ночлегомъ! — Правда, вмѣсто этой молитвы я имѣю обыкновеніе читать «Dirupisti», «Intererata» или-же, наконецъ, «De profundis». Молитвы эти, какъ не разъ говорила мнѣ моя покойница бабушка, — также очень помогаютъ въ дѣлахъ!

Бесѣдуя такимъ образомъ о томъ, о семъ, они продолжали свой путь и разбойники только выжидали удобнаго случая, чтобы осуществить свой преступный замыселъ.

Однажды подь вечерь, когда успѣло уже стемнѣть, наши путники переправлялись вбродь черезъ небольшую рѣчку. Болѣе удобнаго момента трудно-бы было даже и подыскать!

Въ то время какъ Ринальдо ступалъ на противоположный берегъ рѣчки, разбойники, всѣ разомъ, неожиданно набросились на него, отобрали его, что называется,—до нитки; увели съ собою, само собою разумѣется и лошадь, оставивъ несчастнаго въ одной рубашкѣ. При этомъ одинъ изъ нихъ, именно тотъ, который велъ съ Ринальдо бесѣду о «душеспасительности молитвъ» закричалъ ему со смѣхомъ: «Ступай и помотримъ, дастъ-ли тебѣ твой святой хорошиі ночлегъ на сегодняш-



нюю ночь! О насъ не безпокойся: нашъ дастъ намъ самый расprechудесный!»

Затѣмъ разбойники скрылись.

Что касается до слуги Ринальдо, то онъ, увидя какъ разбойники напали на его господина, какъ презрѣнный трусъ, даже и не подумалъ защитить его, далъ шпоры своему коню и безъ оглядки, что было мочи пустился вскачь, пока не достигъ замка Гвильямо. Тутъ, нисколько не заботясь объ участи своего хозяина, онъ забрался въ харчевню и заснулъ самымъ спокойнымъ, безмятежнымъ сномъ...

Ринальдо, брошенный на произволь судьбы босымъ, въ одной рубашкѣ, не зналъ, что ему дѣлать; былъ сильный морозъ, снѣгъ падалъ

громкими хлопьями. А между тѣмъ становилось все темнѣе и темнѣе, ночь быстро надвигалась.

Несчастный, дрожа отъ холода сталъ озираться вокругъ, въ надеждѣ замѣтить хоть какое-нибудь строеніе, гдѣ-бы ему можно было провести ночь, или, хотя-бы только укрыться отъ стужи, чтобы не замерзнуть. Но не видя ничего, дрожа отъ холода, онъ бросился бѣжать обратно, въ замокъ Гвильямо, въ надеждѣ, что Богъ его не оставитъ и пошлетъ ему тоже спасеніе. Однако, до города оставалось еще съ добрыхъ-полмили, когда совсѣмъ уже стемнѣло, пришлось идти медленнѣе, такъ что, когда Ринальдо подошелъ къ замку, всѣ ворота его оказались запертыми, всѣ мосты поднятыми. Войти внутрь не представлялось никакой возможности. Въ отчаяніи, горько кляня свою судьбу, несчастный сталъ высматривать какое-нибудь мѣстечко, гдѣ-бы ему можно было хоть укрыться отъ непогоды и снѣга,—какъ вдругъ его взоръ упалъ совершенно случайно на сосѣдній домъ, который нѣсколько выступалъ за ограду города, образуя въ одномъ мѣстѣ небольшой навѣсъ. Несказанно обрадовавшись своему открытію, несчастный рѣшилъ провести здѣсь ночь и дожидаться утра. Войдя туда, онъ замѣтилъ въ углубленіи небольшую дверь; но она, къ несчастію, была заперта. Передъ ней лежала небольшая кучка соломы, и Ринальдо продолжая проклинать свою судьбу и ропталъ на Святого Юліана, за то, что тотъ поступилъ съ нимъ такъ неблагородно, несмотря на его глубокую вѣру въ него,—улегся на солому. А между тѣмъ святой Юліанъ не дремалъ; пока Ринальдо горько плакался да причиталъ на него, онъ готовилъ ему самый лучшій ночлегъ:

Дѣло въ томъ, что въ замкѣ Гвильямо жила въ то время одна вдова,—женщина рѣдкой красоты и дивнаго сложенія. Ее помѣстилъ здѣсь маркизь Аццо, любившій молодую женщину больше жизни. Красавица жила въ томъ самомъ домѣ, подъ навѣсомъ котораго злополучный Ринальдо нашелъ себѣ убѣжище. Наканунѣ того дня маркизь собирался быть у своей возлюбленной, думая провести съ ней ночь. Онъ приказалъ поэтому приготовить къ вечеру ванну и вкусный ужинъ. Все было уже готово; вдова поджидала только своего любовника, какъ вдругъ къ маркизу прискакалъ гонецъ съ извѣстіями, заставившими его немедленно уѣхать въ сосѣдній городъ. Красавица, узнавъ объ этомъ, очень огорчилась. Предвкушая заранѣе мысль объ ожидавшихъ ее наслажденіяхъ, она пришла въ отчаяніе... Однако, понявъ, что дѣла тѣмъ не поправишь, рѣшила одна принять приготовленную ванну и затѣмъ поужинавъ лечь въ постель.

И вотъ, съѣла она въ ванну, находящуюся именно въ той комнатѣ, у двери которой въ то время сидѣлъ нашъ бѣдный Ринальдо. Услыхавъ за стѣной какой-то странный шумъ, она приложила къ ней ухо и такимъ образомъ разслышала вполнѣ явственно чье-то щелканье зубами и бормотаніе.

Позвавъ свою горничную, вдова приказываетъ ей подняться на верхъ, и узнать, кто тамъ за дверью, и что дѣлаетъ?

Та тотчасъ посѣшила исполнить приказаніе своей госпожи; отправилась, куда ей было сказано, съ фонаремъ въ рукѣ и увидѣла бѣднаго Ринальдо, сидѣвшаго подъ навѣсомъ, какъ извѣстно, въ одной рубашкѣ, босого и дрожащаго отъ пронизывавшаго его насквозь холода и стужи.

— Кто ты такой и какъ попалъ сюда?—спросила онъ его.

Ринальдо, у котораго отъ сильнаго мороза языкъ точно приростъ къ гортани, съ трудомъ, объяснилъ ей кое-какъ въ короткихъ словахъ, кто онъ, что съ нимъ случилось и какъ онъ попалъ подъ этотъ навѣсъ, и сталъ умолять ее впустить его въ домъ и не дать замерзнуть.

Сердобольная горничная сжалилась надъ несчастнымъ, продрогшимъ Ринальдо и быстро побѣжала къ своей госпожѣ и рассказала ей все видѣнное и слышанное.

Вдова, тронутая участіемъ несчастнаго купца, не менѣе своей горничной и вспомнивъ что у нея есть ключъ отъ этой двери, черезъ которую къ ней приходилъ, чтобы не быть замѣченнымъ маркизь, говоритъ своей горничной:

— Пойди открой ему поскорѣе! У насъ вотъ кстати ужинъ. А положить его мѣста слава Богу, довольно!—

Горничная, превознося доброту и великодушіе своей госпожи, быстро взяла ключъ и просѣшила поскорѣе впустить нашего героя.

Вдова, увидя что тотъ почти ооченѣлъ отъ холода, воскликнула!

— Батюшки, да онъ совсѣмъ замерзъ! голубчикъ, живѣе въ ванну, согрѣйся, она не совсѣмъ еще остыла!—

Ринальдо, не заставляя себя долго упрашивать, быстро полѣзъ въ ванну. Согрѣвшись въ ней, онъ почувствовалъ себя точно воскресшимъ.

Тѣмъ временемъ сердобольная вдова приказала все той-же горничной принести гостю платье и бѣлье ея покойнаго незадолго передъ тѣмъ умершаго мужа. Платье ему пришлось такъ хорошо, точно было сшито именно на него. Ожидая дальнѣйшихъ распоряженій своей благодѣтельницы, Ринальдо принялся за благодарственную молитву святому Юліану, спасшему его отъ неминуемой опасности замерзнуть на дворѣ и посланному ему, кромѣ того, насколько можно было судить до сихъ поръ, отличный пріютъ. Между тѣмъ красавица приказала натопить въ одной изъ своихъ комнатъ и отправила горничную узнать, какъ чувствуетъ себя ея гость.

Посланная вернулась съ такимъ отвѣтомъ:

— Синьора, онъ уже одѣлся; это очень красивый молодой человекъ и по всему видимому принадлежить къ людямъ хорошаго общества!

— Пойди-же, — поспѣшила сказать вдова, — и пригласи его сюда, поближе къ огню; пусть, бѣдняга, согрѣется! Кстати и поужинаетъ, такъ какъ я готова биться объ закладъ, что онъ голоденъ!

Ринальдо, войдя въ комнату и увидя сидѣвшую въ креслѣ у камина вдову, почтительно поклонился ей и сталъ въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ благодарить за великодушный поступокъ, благодаря которому онъ избавился отъ неизбѣжно грозившей ему смерти отъ холода.

Красавица при видѣ Ринальдо вполне согласилась съ мнѣніемъ своей горничной относительно привлекательной виѣшности своего гостя; выслушавъ же его благодарность, высказанную въ особенно изящныхъ выраженіяхъ, пришла отъ него прямо въ восторгъ. Она усадила его рядомъ съ собой, у камина и стала распрашивать о несчастіи, приведемъ его сюда.

Ринальдо рассказалъ ей подробно, все какъ было.

Вдова, знавшая обо все этой исторіи уже и раньше отъ прискакавшаго за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ въ замокъ слуги нашего героя, вполне, конечно повѣрила его разсказу. Она поспѣшила въ свою очередь передать своему гостю все, что знала о его слугѣ и разсказать ему, гдѣ и какъ онъ можетъ найти его на слѣдующее утро.

Тѣмъ временемъ успѣли подать ужинъ, и Ринальдо, уступая просьбамъ радушной хозяйки, сѣлъ вмѣстѣ съ нею за столъ. Нашъ герой былъ мужчиной среднихъ лѣтъ, съ красивымъ, привлекательнымъ лицомъ и прекрасными, полными изящества, манерами.

Онъ сразу понравился вдовѣ, не спускавшей съ него за все время ужина глазъ. Отчасти благодаря представительной виѣшности Ринальдо, отчасти же благодаря обманутымъ надеждамъ на неявившагося маркиза, вдова вдругъ воспылала къ нему самой пылкой страстью.... Въ ея головѣ уже проносились образы и сцены одна другой заманчивѣе и привлекательнѣе.

Едва окончивъ ужинъ, она вышла изъ комнаты и стала совѣтоваться со своей горничной, желая узнать ея мнѣніе и относительно ихъ гостя и относительно того, какъ она думаетъ: правильно-ли было бы съ ея стороны, разъ маркизъ не пріѣхалъ и обманулъ ея ожиданія, — воспользоваться блаженствомъ, посланнымъ ей именно въ такую минуту и навѣрное, конечно, свыше.

Горничная поняла свою госпожу и постаралась, какъ могла, убѣдить ее воспользоваться посылаемымъ благомъ.

Вдова съ успокоенной совѣтью тотчасъ вернулась обратно въ комнату, гдѣ оставила своего гостя и, сѣвъ какъ можно ближе къ нему, стала глядѣть на него съ еще большею нѣжностью во взорѣ:

— О чемъ вы такъ задумались, Ринальдо?! — обратилась она, наконецъ, послѣ минутнаго молчанія къ своему гостю. — Или васъ

огорчаетъ такъ сильно потеря лошади и платья? Успокойтесь: не стоитъ того... Помните, что вы здѣсь, все равно что у себя дома! Мало того: я не скрою отъ васъ, что всякій разъ какъ я взгляну на васъ и вижу, какъ идетъ къ вамъ платье моего покойнаго мужа, мнѣ кажется, точно-бы я видѣла передъ собою его и у меня уже сотни разъ явилось



страстное желаніе заключить васъ въ свои объятія и расцѣловать!... И если-бы не страхъ сдѣлать вамъ непріятное,—я давно-бы ужъ, конечно, сдѣлала это!..—

Ринальдо былъ человѣкомъ далеко не глупымъ. Взглянувъ при этихъ словахъ на молодую, пынную красавицу и увидя, какимъ

страстнымъ огнемъ горѣли ея глаза, онъ бросился къ ней съ распростертыми объятіями, воскликнувъ:

— Синьора! Когда я вѣспомню о томъ, что только благодаря вамъ я избавился отъ неизбѣжно грозившей мнѣ смерти, могу-ли я не итти всею душою, всемъ сердцемъ навстрѣчу малѣйшему желанію вашему?! Не сдѣлать того, что можетъ доставить вамъ хоть какое-нибудь удовольствіе, было-бы съ моей стороны по отношенію къ вамъ самой черной неблагодарностью, поэтому дѣлайте со мною все что хотите: обнимайте, цѣлуйте меня... и я радъ сдѣлать то-же съ неменьшимъ восторгомъ!...

Дальнѣйшія объясненія были излишни. Красавица, вся охваченная страстной истомой, бросилась къ Ринальдо въ объятія, обвила его шею руками и страстно прижавшись къ нему стала цѣловать его несчетное число разъ. Ринальдо отвѣчалъ ей тѣмъ-же съ неменьшимъ, конечно, пыломъ. Наконецъ влюбленные успѣли укрыться подалеже отъ нескромныхъ взглядовъ въ комнату красавицы....

Заря занималась на небѣ, когда наши влюбленные встали, боясь быть замѣченными кѣмъ-либо. Затѣмъ вдова, чтобы не возбудить къ ней подозрѣній, дала своему гостю плохенькое платьє, но зато туго набила его кошелекъ и взяла съ него слово держать все въ строжайшей тайнѣ. Указавъ ему потомъ, гдѣ ему слѣдуетъ искать своего слугу, она выпустила его черезъ ту-же самую дверь, въ которую онъ вошелъ къ ней.

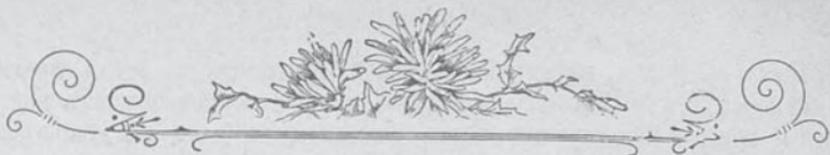
Когда разсвѣло совершенно, Ринальдо, вошелъ въ городъ черезъ отворенные уже ворота, дѣлая видъ точно, только что пришелъ издалека.

Вскорѣ онъ разыскалъ своего слугу, переодѣлся въ свое собственное платьє, спрятанное въ чемоданѣ, бывшемъ у его слуги и собирався уже сѣсть на его лошадь,—когда узналъ, къ великой своей радости, что всѣ три ограбившихъ его разбойника пойманы на мѣстѣ другого преступленія, совершеннаго ими въ ту-же ночь и посажены въ городскую тюрьму.

Разбойники сознались и въ ограбленіи Ринальдо. Судья вернулъ послѣднему все отнятое у него: его лошадь, платьє и деньги. Не оказалось лишь пары подвязокъ, о которыхъ и сами грабители не знали, что съ ними осталось.

Обрадованный Ринальдо сѣлъ, недолго думая, на коня и, помолившись предварительно св. Юліану, такъ чудесно избавившему его отъ столькихъ грозившихъ ему бѣдъ, направился вмѣстѣ со своимъ слугою въ дальнѣйшій путь—домой, куда и вернулся вполне благополучно уже безъ всякихъ приключеній.

А трое разбойниковъ на слѣдующій-же день отправились на висѣлицу—«болтаются ногами по вѣтру».



Новелла III.

Неожиданная свадьба.

Трое юношей проматывают свое громадное состояніе и впадаютъ въ нищету. Племянникъ ихъ, возвращаясь къ себѣ на родину, знакомится въ дорогѣ совершенно неожиданно съ однимъ аббатомъ, который оказывается переодѣтой дочерью англійскаго короля. Последняя выходитъ за него замужъ. Племянникъ возвращаетъ затѣмъ своимъ дядямъ ихъ состояніе и прежнее положеніе.

Разсказъ о приключеніяхъ Ринальдо д'Асти былъ выслушанъ съ видимымъ удовольствіемъ. И дамы, и мужчины, все стали восхвалять Ринальдо за его набожность; воздали также благодареніе Богу и св. Юліану, испославшимъ несчастному свою помощь какъ разъ въ то самое время, когда онъ наиболѣе въ ней нуждался. Къ прелестной вдовѣ, сумѣвшей воспользоваться испосланнымъ ей свыше благомъ, отнеслись не особенно строго, особенно, конечно, мужчины, которые даже похвалили ее за то, хотя и не вслухъ, высказывая при томъ разныя предположенія относительно пріятной, проведенной героями повѣсти, ночи.

Тѣмъ временемъ Пампинея, сидѣвшая рядомъ съ Филострато, видя, что очередь разсказывать теперь за ней, по знаку, данному королевой, начала такъ:

— Прелестныя дамы! Чѣмъ больше слушаешь разсказы о превратностяхъ судьбы, тѣмъ больше, кажется, можешь повѣдать о нихъ, особенно если подумаешь хорошенько. Удивляться этому никто изъ насъ, конечно, не будетъ: мы, вѣдь, знаемъ прекрасно, что все то, что люди по глупости своей считаютъ дѣломъ своихъ рукъ, своего ума,—есть ничто иное, какъ проявленіе безплотной силы тяготящаго надъ нами рока. Все находится въ рукахъ этого рока. Силою его, а не чего-либо другого, все совершающееся переходитъ непрерывною цѣпью отъ одного существа къ другому и обратно, независимо отъ нашей воли, по законамъ, которыхъ мы не знаемъ и знать не можемъ. Доказательство тому, самыхъ неопровержимыхъ, наглядныхъ, какъ мы видимъ, не мало на каждомъ шагѣ. Высказанное мною убѣжденіе на этотъ счетъ было под-

тверждено съ такой изумительной силой почти что во всѣхъ предыдущихъ новеллахъ... И однако, покорная велѣніямъ нашей уважаемой королевы, которой благоугодно было пожелать, чтобы и всѣ дальнѣйшія, разсказываемыя нами сегодня новеллы имѣли своимъ сюжетомъ все ту же идею зависимости нашей отъ судьбы, я повѣдаю вамъ повѣсть съ этой именно ясно выраженной идеей. Я думаю, она вамъ понравится; тѣмъ болѣе, что, полагаю, останется не безъ пользы для всѣхъ. Вотъ эта повѣсть:

Жилъ да былъ въ нашей странѣ, не мало лѣтъ тому назадъ одинъ знатный дворянинъ, по имени Тедалдо. Вопросъ о томъ, къ какому роду принадлежалъ нашъ герой, въ точности не выясненъ. Одни утверждали, будто онъ принадлежалъ къ роду Ламберти, другіе приписывали его происхожденіе отъ Аголанти (иглочники), основываясь при этомъ, главнымъ образомъ, на профессіи, которою занимались сыновья Тедалдо. Впрочемъ, вопросъ этотъ, мало для насъ, правду сказать, существенный, мы оставимъ въ сторонѣ. Важно лишь то, что синьоръ Тедалдо былъ однимъ изъ богатѣйшихъ дворянъ своего времени; онъ имѣлъ троихъ сыновей, изъ которыхъ старшаго звали Ламберто, второго — Тедалдо и, наконецъ, младшаго — Аголанте. Всѣ трое были красивыми стройными юношами.

Самому старшему изъ нихъ не исполнилось еще и восемнадцати лѣтъ, какъ синьоръ Тедалдо умеръ, оставивъ послѣ своей смерти громадное состояніе, которое и перешло, конечно, къ его сыновьямъ какъ къ единственнымъ законнымъ наслѣдникамъ, (онъ былъ вдовцомъ, потерявъ свою жену задолго передъ тѣмъ).

Молодые люди, сдѣлавшись обладателями такихъ богатствъ, заключавшихся и въ наличныхъ деньгахъ, и въ громадныхъ пространствахъ земли, стали безъ всякаго счета сорить деньгами направо и налево. Содержали многочисленный штатъ прислуги, множество дорогихъ лошадей, завели цѣлую свору собакъ, массу всякаго рода птицъ; устраивали пышные турниры и богатые пиры, поражали всѣхъ своей щедростью. Малѣйшія прихоти свои исполняли во что бы то ни стало, не останавливаясь даже передъ невозможнымъ и тратя на нихъ самыя баснословныя деньги. Такая жизнь продолжалась не долго; да иначе и быть не могло! Наличныя деньги, оставленныя имъ отцомъ, вышли очень скоро. Перестало хватать имъ на такую жизнь и доходовъ, получаемыхъ съ земель и другихъ недвижимыхъ имуществъ. Пришлось, наконецъ, приняться и за эти послѣднія, что братья и не преминули сдѣлать, то закладывая, а то и продавая ихъ постепенно одно за другимъ.

Не прошло еще и года со дня смерти богача Тедалдо, какъ сыновья его очутились чуть ли не нищими.

Тутъ только спохватились они, но было уже поздно: бѣдность раскрыла передъ ними свои могучія объятія; открыла имъ, наконецъ, глаза, ослѣпленныя все это время богатствомъ.

Видя, что дѣло совсѣмъ плохо, старшій изъ сыновей, Ламберто, пригласилъ своихъ братьевъ къ себѣ и сталъ держать передъ ними такую рѣчь:

Братья! Отецъ нашъ оставилъ намъ имя, честное, незапятнанное; оставилъ намъ несмѣтныя богатства! Своей безумной расточительностью мы довели себя до полной почти нищеты, промотавъ почти все свое состояніе. По моему мнѣнію теперь, пока положеніе наше извѣстно еще не всѣмъ, намъ остается одно: продать тѣ крохи, которыя успѣли еще уцѣлѣть и выбраться отсюда какъ можно скорѣе!

И Тедалдо, и Аголанте вполне согласились съ мнѣніемъ своего старшаго брата и рѣшили послѣдовать его умному совѣту.

Обративъ въ наличныя деньги оставшееся еще у нихъ, какъ я сказала, имущество, не простившись ни съ кѣмъ, они уѣхали совершенно незамѣтно изъ Флоренціи, и, сѣвъ на корабль, поплыли въ Англію.

Благополучно добравшись туда, они расположились недалеко отъ Лондона, нанявъ себѣ здѣсь небольшой домикъ, въ которомъ и стали жить скромно, тратя деньги лишь на самое необходимое; остальные стали отдавать въ займы подъ большіе проценты.

Судьба, точно желая вознаградить братьевъ за ихъ энергію и предпримчивость, не отвернулась отъ нихъ. Счастье улыбнулось имъ снова: черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ своего переселенія въ Англію, братья скопили значительныя суммы денегъ.

Не желая, однако, въ то же время бросать своего прибыльнаго дѣла въ Англію, они выписали туда вмѣсто себя одного изъ своихъ племянниковъ, красиваго юношу, котораго звали Алессандро.

Перебравшись, такимъ образомъ, окончательно во Флоренцію наши братья вскорѣ успѣли позабыть, къ какимъ послѣдствіямъ привела ихъ расточительная жизнь и хотя и успѣли за это время жениться и обзавестись семьями, стали снова жить очень роскошно, тратя еще болѣе прежняго. Пользуясь неограниченнымъ кредитомъ и въ банкахъ, и у мѣстныхъ купцовъ, они занимали у тѣхъ и другихъ громадныя суммы.

Втеченіи первыхъ двухъ, трехъ лѣтъ они могли удовлетворять свои страсти и прихоти при помощи денегъ, которыя высылалъ имъ ихъ племянникъ Алессандро, продолжавшій за своихъ дядей давать взаимныя англійскимъ лордамъ и баронамъ подъ залогъ ихъ имѣній и другихъ цѣнностей, за что получалъ громадныя барыши.

Но пока наши братья продолжали жить съ такой роскошью, дѣлая все новые и новые долги, попрежнему твердо рассчитывая на своего племянника и на Англію, страхась вдругъ неожиданно, нежданно новая бѣда:

Между англійскимъ королемъ и однимъ изъ его сыновей началась междоусобная война, раздѣлившая всю страну на двѣ враждебныя другъ другу партіи, изъ которыхъ одна стояла за короля, другая — за его сына.

Алессандро пересталъ получать доходы съ заложенныхъ вельможами помѣстій. Мало того,—онъ потерялъ, такимъ образомъ, даже всякую гарантію въ возможности полученія отданныхъ имъ въ долгъ денегъ.

Въ надеждѣ на скорое окончаніе междоусобицы, и на то, что тогда ему будетъ возвращенъ и капиталъ и слѣдующіе проценты, Алессандро не покидалъ острова; а между тѣмъ трое его дядей, во Флоренціи, нисколько не думали о сокращеніи своихъ безумныхъ расходовъ, продолжали попрежнему дѣлать все большіе и большіе долги.

Прошло еще нѣсколько лѣтъ. Война въ Англіи все не прекращалась. Наконецъ, братья не только потеряли кредитъ, но подверглись еще кромѣ того преслѣдованію своихъ кредиторовъ, требовавшихъ уплаты долговъ. Оставшагося имущества оказалось недостаточнымъ для покрытія всѣхъ предъявленныхъ къ нимъ требованій; до уплаты остального они посажены были въ тюрьму; ихъ жены и дѣти разбрелись, куда кто могъ, влача жалкое существованіе выпрашиваніемъ милостыни Христа ради.

Алессандро, проживъ еще нѣкоторое время въ Англіи въ надеждѣ на скорый конецъ возгорѣвшейся войны и вида, что всѣ его надежды оказываются тщетными и что война не только не ослабѣваетъ, но напротивъ того, разгорается все болѣе и болѣе, рѣшилъ, наконецъ, покинуть Лондонъ, тѣмъ болѣе, что наступали времена, когда нельзя было ручаться за безопасность дальнѣйшаго тамъ пребыванія,—и отправился въ Италію.

Выѣзжая изъ Брюгге, онъ увидѣлъ, что одновременно съ нимъ изъ того же города выѣзжаетъ какой-то аббатъ изъ блага духовенства, въ сопровожденіи массы монаховъ и многочисленныхъ слугъ. Сзади всей этой кавалькады тянулся длинный обозъ. Рядомъ съ аббатомъ ѣхало двое знатныхъ вельможъ, приближенныхъ короля; Алессандро былъ съ ними знакомъ, завязалъ съ ними разговоръ: тѣ, узнавъ, что Алессандро ѣдетъ въ Италію, предложили ему ѣхать вмѣстѣ, на что тотъ охотно согласился.

Дорогой онъ спросилъ своихъ знакомыхъ, кто эти монахи, ѣдущіе съ такой массой свиты и слугъ и куда они направляются, на что одинъ изъ вельможъ отвѣтилъ:

— Тотъ вотъ, что ѣдетъ впереди всѣхъ—нашъ родственникъ, избранный на-дняхъ аббатомъ одного изъ богатѣйшихъ приходовъ Англіи: но онъ еще слишкомъ молодъ: не достигъ еще возраста требуемаго законами церкви для занятія такого важнаго поста. Вотъ мы и ѣдемъ съ нимъ въ Римъ, съ цѣлью упросить святого отца утвердить его, не смотря на это, въ его званіи. Но ради Бога, не проболтайте никому объ этомъ; дѣло это хранится пока въ великой тайнѣ.

Молодой аббатъ, ѣхавшій, какъ то обыкновенно дѣлаютъ вельможи во время своихъ путешествій, то впереди своей свиты, то сзади ея, замѣтилъ какъ то Алессандро, который съ перваго же взгляда произвелъ на него очень хорошее впечатлѣніе и даже понравился ему.

Я сказала уже, если не ошибаюсь, что Алессандро былъ очень красивый молодой человекъ съ пріятными чертами лица и большими черными глазами. Онъ обладалъ кромѣ того замѣчательной мягкостью въ обращеніи и прекрасными манерами.

Все это вмѣстѣ взятое не могло не броситься въ глаза юному аббату, который сразу же приблизилъ его къ себѣ и сталъ спрашивать его о томъ, кто онъ такой, откуда ѣдетъ и куда направляется.

Тотъ чистосердечно объяснилъ ему свое положеніе и въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ предложилъ аббату свои услуги, прося его располагать имъ, какъ ему угодно.

Откровенность Алессандро, его манера говорить и умѣніе держать себя поразили аббата еще болѣе и произвели на него такое сильное



впечатлѣніе, что онъ привязался къ своему красавцу-спутнику еще больше. Аббатъ рѣшилъ, что Алессандро принадлежитъ, несмотря на постыдное ремесло, которымъ занимался, къ родовитому дворянству и не утратилъ присущихъ этому классу людей природныхъ чертъ. Принявъ близко къ сердцу все рассказанное Алессандро о его неудачахъ, аббатъ сталъ дружески утѣшать его и убѣждалъ не терять надежды, говоря, что если онъ будетъ уповать на Бога, Онъ не только поставитъ его въ то самое положеніе, котораго онъ лишился, но дастъ ему еще больше въ награду за долготерпѣніе и покорность Его волю. Узвавъ, что Алессандро также отправляется въ Тоскану, онъ предложилъ ему ѣхать вмѣстѣ, сказавъ, что будетъ ему за то очень благодаренъ. Алессандро поблагодарилъ аббата за его сердечное участіе и за-

явилъ въ свою очередь, что радъ исполнить все, что можетъ доставить тому пріятное.

Во время путешествія юный аббатъ привязывался къ Алессандро съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе. Въ немъ зарождалось къ случайному знакомому совершенно иное, новое чувство... Черезъ нѣсколько дней безостановочнаго пути, наши подошли путешественники къ маленькому городишку. Было уже темно. Аббатъ чувствовалъ себя очень утомленнымъ и потому, несмотря на то, что городокъ гостиницами не изобилуеалъ, рѣшилъ провести здѣсь ночь.

Алессандро, уснѣвшій за все это время стать своего рода сенишаломъ аббата, немедленно же принялся за нелегкую задачу размѣщенія его и его свиты по гостиницамъ. Самому ему онъ предложилъ остановиться въ гостиницѣ, оказавшейся наиболѣе сносной во всемъ городкѣ; хозяину ея, бывшему когда-то долгое время его слугой, онъ приказалъ приготовить для аббата самую лучшую комнату. Всѣхъ же остальныхъ расположилъ въ прочихъ гостиницахъ.

Было уже далеко за полночь, когда аббатъ и его свита, поужинавъ, разошлись по своимъ комнатамъ.

Алессандро обратился тогда къ хозяину гостиницы (той самой, гдѣ остановился юный аббатъ) съ просьбой указать, наконецъ, и ему мѣсто, гдѣ бы можно было провести ночь.

На эту просьбу хозяинъ отвѣтилъ ему:

— Прямо таки не знаю, гдѣ-бы мнѣ помѣстить васъ?! Вы видите: весь домъ переполненъ; мнѣ самому и моей семьѣ, намъ приходится забираться чуть ли не на чердакъ! Впрочемъ да; въ комнатѣ аббата есть небольшая ниша:—тамъ можно устроить васъ. Я внесу вамъ туда небольшую перину и вы превосходно выспитесь.

— Ну вотъ еще!—возразилъ на это Алессандро.—Да какъ же я пройду-то въ комнату аббата? вѣдь она такъ мала, что намъ не удалось помѣстить въ ней вмѣстѣ съ аббатомъ хоть одного изъ его монаховъ?! Эхъ! Если-бы я зналъ о существованіи этой ниши раньше, то положилъ бы туда тѣхъ двухъ монаховъ, что спать въ маленькой комнаткѣ, а самъ расположился бы въ ней.

— Ну что говорить о томъ, чего уже не передѣлать,—замѣтилъ хозяинъ.—Дѣло сдѣлано и вамъ не остается ничего другого, какъ послѣдовать моему совѣту! Аббатъ навѣрное давно уже заснулъ и спитъ теперь, какъ убитый. Шторы въ его комнатѣ спущены! Вотъ сейчасъ я устрою все безъ малѣйшаго шума и ложитесь себѣ!

Видя, что все дѣло можно дѣйствительно устроить, нисколько не безпокоя при этомъ аббата, Алессандро сдася, наконецъ, на доводы своего бывшего слуги, и пробрался, какъ можно осторожнѣе, въ указанное ему мѣсто.

Между тѣмъ аббатъ не спалъ: обуреваемый, проснувшейся въ немъ страстью къ Алессандро, онъ не могъ сомкнуть глазъ. Онъ услышалъ

отъ слова до слова весь разговоръ этого послѣдняго съ хозяиномъ гостиницы и несказанно обрадовался, когда увидѣлъ какъ юноша вошелъ въ его комнату и сталъ располагаться въ указанной ему хозяиномъ нишѣ.

— Господь посылаетъ мнѣ удобный случай—подумалъ онъ—удовлетворить свои желанія. Если я не воспользуюсь имъ теперь, другого такого случая, быть можетъ, и не представится.

Онъ позвалъ вполголоса Алессандро и предложилъ ему лечь вмѣстѣ съ нимъ.

Тотъ сначала отказывался, чувствуя извѣстную неловкость, но потомъ, уступая настоятельной просьбѣ аббата, раздѣлся и легъ рядомъ съ нимъ.



Тогда аббатъ положилъ свою руку на грудь своего сосѣда и сталъ ее гладить; это очень, конечно, удивило Алессандро, заподозрившаго было аббата въ постыдномъ влеченіи къ нему. Понялъ ли тотъ, благодаря какому-либо движенію, сдѣланному Алессандро, что внушилъ ему также подозрѣніе къ себѣ, или почему-либо другому, только онъ улыбнулся. Сбросивъ съ себя быстро сорочку, мнимый аббатъ схватилъ правую руку Алессандро и положивъ ее на свою обнаженную грудь, проговорилъ:

— Алессандро, оставь свое подозрѣніе; тронь мою грудь и ты узнаешь мою тайну, которую я тщательно скрывалъ до сихъ поръ отъ тебя!

Алессандро ощутилъ подъ своей рукой два маленькихъ круглыхъ возвышенія, упругихъ и точно выточенныхъ изъ слоновой кости. Видя,

что передъ нимъ женщина, онъ быстро, не ожидая дальнѣйшихъ приглашеній, обнялъ ее и хотѣлъ уже поцѣловать, когда та, вырвавшись изъ его объятій, слегка отстранила его отъ себя:

— Выслушай меня сперва,—проговорила она!—Я, какъ видишь женщина, а не мужчина. Я ушла изъ своего дома чистой и направлялась въ Римъ къ святому отцу, съ намѣреніемъ просить выдать меня замужъ. На горе-ли, или на радость свою, не знаю; но съ того самаго дня, какъ я увидѣла тебя,—я полюбила тебя такъ горячо, такъ страстно, какъ никогда еще ни одна женщина не любила мужчины... Я рѣшила стать твоей женой; ни за кого другого я не пойду! Итакъ, подумай: хочешь-ли ты быть моимъ мужемъ, хочешь-ли, чтобы я стала твоей женой? Если нѣтъ, то уйди, оставь меня и ложись въ свою кровать! Къ какому-бы рѣшенію ты ни пришелъ, умоляю тебя, какъ честнаго человѣка, сохранить все происшедшее, такъ же какъ и нашъ разговоръ въ глубокой тайнѣ!

Алессандро, хотя и не зная, кто она такая, но судя по той свитѣ, которая провожала ее, рѣшилъ, что она должна быть знатной и богатой дамой; къ тому-же она ему понравилась. Поэтому, не задумываясь слишкомъ долго, онъ поспѣшилъ отвѣтить:

— Если таково ваше желаніе, синьоритта, то я счастливъ исполнить его и съ восторгомъ готовъ быть вашимъ мужемъ!

Услыша такой отвѣтъ Алессандро, молодая дѣвушка встала и обратившись лицомъ къ иконѣ Спасителя, висѣвшей надъ самой кроватью, надѣла на палецъ своего будущаго супруга кольцо. Совершивъ такимъ образомъ обрядъ своего обрученія, молодые отдались своему чувству, осыпая другъ друга самыми нѣжными, жгучими ласками...

Ночь прошла быстро... Чуть забрезжило утро, Алессандро всталъ, обнявъ въ послѣдній разъ свою возлюбленную, и, условившись съ ней относительно дальнѣйшаго, вышелъ никѣмъ незамѣченный изъ комнаты. Никто, такимъ образомъ, не зная, гдѣ онъ провелъ ночь.

Веселый и жизнерадостный продолжалъ онъ на слѣдующій день вмѣстѣ съ мнимымъ аббатомъ и свитой дальнѣйшей свой путь.

Спустя нѣсколько дней они прибыли, наконецъ, въ Римъ.

Отдохнувъ нѣсколько съ дороги, аббатъ въ сопровожденіи двухъ лордовъ и Алессандро отправился къ папѣ, и послѣ обычныхъ въ такихъ случаяхъ привѣтствій, обращенныхъ къ его святости, сказалъ святому отцу:

— Вы, святой отецъ, болѣе чѣмъ кто-либо другой, знаете, что всякій, желающій жить хорошо, добродѣтельной жизнью, долженъ по мѣрѣ силъ своихъ избѣгать такихъ положеній, которыя могли-бы совершенно невольно натолкнуть его на какой-либо грѣхъ. Я жажду жить честно, не уклоняясь отъ исполненія предписанныхъ намъ завѣтовъ Бога; вотъ почему я бѣжала тайно, переодѣвшись, чтобы не быть узанной, въ платье, въ которомъ вы меня видите, отъ отца моего—англійскаго короля! Онъ хотѣлъ выдать меня замужъ за престарѣлаго

шотландскаго короля. Вы видите: я такъ молода!., Я отправилась въ путь съ цѣлью испросить у Васъ, святой отецъ, подходящаго мужа себѣ. Бѣжать къ вамъ побудила меня не только старость шотландскаго короля сама по себѣ, а также страхъ совершить въ случаѣ выхода за него замужъ, въ силу моей молодости, какое-либо дѣяніе, противное божественнымъ законамъ и недостойное моего высокаго происхожденія. Разеуждая такимъ образомъ, я и отправилась въ путь, когда Господь, знающій лучше всѣхъ нужды каждаго изъ насъ, послалъ мнѣ по дорогѣ по волѣ, по великому милосердію Своему того, котораго Ему угодно было назначить моимъ мужемъ. Вотъ онъ!—продолжала она, указывая на Алессандро;—этотъ молодой человѣкъ, котораго вы видите рядомъ со мною. Онъ не принадлежитъ по крови, текущей въ его жилахъ, ни къ королевскому роду, ни даже къ знати: но благородныя манеры, возвышенный умъ и блестящія качества его души дѣлаютъ его вполне достойнымъ любви самой знатнѣйшей принцессы. Какого-бы мнѣнія ни былъ о томъ мой отецъ или кто-бы то ни было, я хочу имѣть своимъ мужемъ его лишь одного и никого другаго. Такимъ образомъ первоначальная цѣль, съ которой я отправилась въ путь, болѣе не существуетъ, но несмотря на это я рѣшила во всякомъ случаѣ довершить свое путешествіе, какъ для того, во-первыхъ, чтобы посѣтить здѣшнія свята мѣста и преклониться передъ Вашимъ святѣйшествомъ; во-вторыхъ же и главнымъ образомъ съ тѣмъ, чтобы объявить открыто передъ Вами и передъ всѣми людьми о бракѣ, заключенномъ нами предъ лицомъ Бога... Мы дали уже другъ другу клятву во взаимной вѣрности на всю жизнь. Смирненно прошу Васъ, святой отче, не противиться тому, что благоугодно было Господу Богу и чему такъ рада я. Я льщу себя радостной надеждой, на то, что Вы не откажетесь дать намъ обоимъ свое благословеніе, дабы мы могли жить и умереть со спокойною совѣстью въ любви и согласіи другъ съ другомъ, во хвалу Бога и Вашу.

Легко можете себѣ представить, какъ былъ пораженъ нашъ герой узнавъ, что его нареченная—дочь англійскаго короля.

Конечно, обрадовался онъ этому новому открытію несказанно. Еще болѣе изумились оба сопровождавшихъ ихъ лорда; они были до такой степени раздражены всѣмъ происшедшимъ, что не произойди все дѣло передъ самимъ папой, не миновать бы, навѣрное, бѣды ни Алессандро, ни даже самой принцессы.

Самъ святой отецъ немало удивился и переодѣванію, и принцессѣ и сдѣланному ею выбору. Однако, видя, что теперь, когда молодые люди успѣли уже соединиться другъ съ другомъ, сдѣланнаго не воротить,—онъ сдался на доводы принцессы и рѣшилъ исполнить ея просьбу. Замѣтивъ на лицѣ лордовъ раздраженіе, онъ успѣшилъ успокоить ихъ и даже примирилъ ихъ съ принцессой и Алессандро. Затѣмъ, благословивъ всѣхъ, милостиво ихъ отпустилъ, приказавъ своимъ прелатамъ сдѣлать всѣ необходимыя приготовленія къ предстоящему торжеству бракосочетанія.

Въ назначенный заранѣе день папа, въ присутствіи всѣхъ кардиналовъ и массы приглашенныхъ знатныхъ особъ, встрѣтилъ молодыхъ въ своемъ роскошномъ дворцѣ. Невѣста въ королевскомъ платьѣ была такъ хороша, что возбудила всеобщій восторгъ всѣхъ присутствующихъ. И не даромъ: высокаго роста, стройная, съ прелестными голубыми глазами и роскошными золотистыми волосами она походила на фею изъ сказочнаго царства. Алессандро въ богатомъ, расшитомъ золотомъ платьѣ, и по своей осанкѣ и манерамъ казался настоящимъ принцемъ крови. Никто, взглянувъ на него теперь, не сказалъ бы, что передъ нимъ простой смертный, занимавшійся къ тому же ростовничествомъ.

Обрядъ бракосочетанія совершенъ былъ самимъ папой. Торжество закончилось роскошнымъ пиромъ, заданнымъ въ честь высокихъ новобрачныхъ.

Нѣсколько дней спустя молодая чета покинула Римъ и отправилась во Флоренцію, куда успѣла уже дойти вѣсть обо всемъ происшедшемъ.

Флорентинцы приняли ихъ съ большимъ почетомъ. Юная супруга Алессандро уплатила всѣ долги троихъ его дядей, освободивъ ихъ, такимъ образомъ, изъ заключенія, и дала имъ и ихъ семьямъ выкупить вновь всѣ свои владѣнія.

Напутствуемые восторженными кликами гражданъ, Алессандро съ супругой своей отбыли на слѣдующій день изъ Флоренціи и, захвативъ съ собою Аголанте, направились въ дальнѣйшій путь черезъ Францію и остановились по дорогѣ въ Парижъ.

Французскій король принялъ ихъ съ большими почестями. Въ Парижѣ оба лорда разстались съ принцессой и ея супругомъ и отправились впередъ въ Лондонъ, съ цѣлью приготовить ко всему короля и добиться отъ него прощенія его дочери. Они настолько успѣли въ этомъ, что король простилъ свою дочь и принялъ ее и ея мужа очень милостиво. Послѣдняго нѣсколько времени спустя сдѣлалъ лордомъ и далъ ему герцогство Корнуэльское.

Алессандро вскорѣ обнаружилъ большія способности. Онъ примирилъ все еще враждовавшихъ другъ съ другомъ короля съ его сыномъ, за эту услугу, оказанную странѣ, онъ приобрѣлъ у жителей ея всеобщую любовь и уваженіе къ себѣ.

Что до Аголанте, пріѣхавшаго, какъ сказано, въ Лондонъ вмѣстѣ съ молодыми, то вернувъ полностью, при содѣйствіи своего племянника, все, что должны ему были его кредиторы, онъ возвратился во Флоренцію очень богатымъ, и къ тому же пожалованнымъ герцогомъ Алессандро въ рыцари.

Герцогъ жилъ долго въ мирѣ и согласіи со своей женой. Утверждаютъ даже, что Шотландія вскорѣ послѣ этого была завоевана исключительно благодаря его уму и необычайной отвагѣ, конечно при содѣйствіи его тестя, и что самъ онъ былъ коронованъ шотландскимъ королемъ.





Новелла IV.

Ландольфо.

Нѣкій Ландольфо Руффоло, раззорившись, становится пиратомъ и попадаетъ въ плѣнъ къ генуезцамъ, потерпѣвшимъ вскорѣ послѣ того кораблекрушеніе; онъ спасается ухватившись за плывшій сундукъ, оказывающійся потомъ наполненнымъ драгоценностями. Его прибываетъ вѣтромъ къ острову Корфу; получивъ здѣсь пріютъ у одной женщины, онъ возвращается на родину богаче прежняго.

Рядомъ съ Пампинеей сидѣла Лауретта. Увидя, что та окончила свою новеллу, она начала такъ:

— Прелестныя дамы! Возвышеніе простаго смертнаго изъ крайней нищеты до положенія вѣнценоснаго короля, случай разсказанный такъ живо Пампинеей, — есть примѣръ самаго величественнаго и притомъ самаго нагляднаго дѣйствія судьбы! Другого, болѣе величественнаго дѣйствія ея трудно, мнѣ кажется, и придумать! И однако, въ виду того, что каждый изъ насъ, согласно повелѣнію королевы, долженъ разсказать сегодня свою новеллу на ту же самую тему; — я повѣдаю вамъ повѣсть, сюжетъ которой не заставитъ меня, надѣюсь, краснѣть. Моя повѣсть не имѣетъ, правда, такой блестящей развязки, какъ повѣсть Пампинеи; зато герой ея претерпѣваетъ еще болѣшія несчастія. Я знаю, что послѣ новеллы Пампинеи, мою вы будете слушать съ меньшимъ интересомъ. Но большее не въ моихъ силахъ; а потому я прошу заранѣе вашего благосклоннаго снисхожденія и ко мнѣ и къ моему разсказу!

Береговая полоса моря, простирающаяся отъ Реджіо до Гаэте, считается издавна однимъ изъ прелестнѣйшихъ уголковъ Италіи. Здѣсь, невдалекѣ отъ Салерно, есть невысокій горный кряжъ, спускающійся довольно крутыми уступами къ морю. Жители называютъ его кряжемъ Амальфи. Вся обширная мѣстность вокругъ сплошь усеяна небольшими чистенькими городками, изобилуетъ множествомъ садовъ и рѣчекъ; населена она людьми въ высшей степени предприимчивыми, занимающимися очень успѣшно торговлей и потому богатыми.

Среди всей массы городковъ этой Богомъ избранной страны есть, между прочимъ, одинъ, называемый Равелло, и теперь найдется въ немъ немало богатыхъ людей, тогда же проживалъ въ немъ одинъ богатѣйшій купецъ по имени Ландольфо Руффоло.

Не довольствуясь своими богатствами, онъ вздумалъ какъ-то ихъ удвоить, — и чуть было не потерялъ и сокровищъ своихъ и не погибъ самъ вмѣстѣ съ ними.

Выработавъ себѣ заранее извѣстный планъ для осуществленія своего намѣренія, купилъ онъ большой морской корабль, нагрузилъ его массою самыхъ разнообразнѣйшихъ товаровъ, потративъ на это чуть ли не все свои деньги и сѣвъ на него поплылъ со своими товарами къ острову Кипру.

Добравшись благополучно до острова, онъ увидѣлъ въ его гавани нѣсколько другихъ кораблей, нагруженныхъ такими же точно товарами, какіе привезъ сюда самъ. Въ виду этого, онъ принужденъ былъ волею-неволею продать свои товары по самой низкой цѣнѣ, а многіе, успѣвшіе въ дорогѣ попортиться, даже прямо выбросить, какъ негодный хламъ, въ море. Въ результатъ онъ разорился почти совершенно.

Ставъ, такимъ образомъ, изъ богача въ такой короткій срокъ чуть ли не нищимъ, онъ пришелъ въ отчаяніе и въ первую минуту, не желая возвращаться къ себѣ на родину въ такомъ ужасномъ положеніи, рѣшилъ было лишиться себя жизни или ограбить кого-нибудь.

Впрочемъ, мысль о самоубійствѣ онъ тотчасъ бросилъ; зато вторую свою идею, быстро созрѣвшую въ его мозгу, рѣшилъ осуществить во что бы то ни стало.

И вотъ, найдя покупателя на свой громадный корабль, онъ продаетъ его и на деньги, вырученныя отъ этой продажи, равно какъ и отъ продажи своихъ товаровъ, покупаетъ небольшое легкое судно и вооруживъ его какъ можно лучше, начинаетъ заниматься морскимъ разбоемъ, дѣлая главнымъ образомъ смѣлые набѣги въ турецкія воды.

Въ этомъ дѣлѣ судьба сразу же улыбнулась ему и стала благоприятствовать гораздо болѣе, чѣмъ въ дѣлѣ продажи товаровъ.

Не прошло и года, какъ Ландольфо захватилъ въ плѣнъ и ограбилъ столько турецкихъ кораблей, что не только вернулъ все свое состояніе, но даже удвоилъ его. Поэтому, позабывъ про свою старую неудачу и наученный предыдущимъ горькимъ опытомъ, онъ рѣшилъ не рисковать вторично и, довольствуясь приобретеннымъ, вернуться къ себѣ на родину.

Боясь, однако, обратить награбленное имъ въ наличныя деньги, онъ рѣшилъ увезти все на томъ же самомъ суднѣ, при помощи котораго и приобрѣлъ его.

Итакъ, взявшись за весла, онъ пустился безъ дальнѣйшихъ разсужденій въ путь.

Ландольфо добрался уже до Архипелага, какъ вдругъ, откуда ни возьмись, поднялся сирокко, дувшій какъ разъ ему навстрѣчу, море разбушевалось до того, что легкое суднышко Ландольфо не могло бороться съ разсвирѣвшею стихіей; поэтому онъ поспѣшилъ убраться отъ

нея въ небольшую бухту, образуемую маленькимъ островкомъ и рѣшилъ дожидаться здѣсь попутнаго вѣтра.

Нѣсколько минутъ спустя невдалекѣ показались два большихъ генуэзскихъ карака, шедшихъ изъ Константинополя.

Скрываясь отъ бури, они съ трудомъ проникли въ ту-же бухточку почти тотчасъ вслѣдъ за Ландольфо.

Замѣтивъ здѣсь судно Ландольфо и видя, что путь къ бѣгству для него закрытъ, люди сидѣвшіе на каракахъ, подошли къ нему по ближе и узнавъ его, какъ люди алчные и мастера пограбить при случаѣ, рѣшили ограбить его, тѣмъ болѣе что знали его хозяина за чело-вѣка очень богатаго.



Не откладывая задуманнаго дѣла въ долгій ящикъ, они тотчасъ высадили на берегъ съ десятокъ людей, вооруженныхъ самострѣлами, и размѣстили ихъ такъ, что никто не могъ сойти съ осажденнаго ими судна, не рискуя быть тотчасъ же обращеннымъ въ рѣшето стрѣлами.

Затѣмъ благодаря попутному вѣтру, они быстро прошли небольшое разстояніе, отдѣлявшее ихъ отъ небольшого суденышка Ландольфо и овладѣли имъ во мгновеніе ока безъ всякаго съ его сторонѣ сопротивленія (которое было-бы совершенно бесполезно), не потерявъ при томъ ни одного чело-вѣка. Переведа Ландольфо и всю его добычу на одинъ изъ своихъ караковъ, самое судно его они затопили, хозяина же захватили въ плѣнъ, оставивъ на немъ одиѣ жалкія лохмотья.

Къ утру буря ушѣла стихнуть; подулъ попутный вѣтерокъ и оба карака, поднявъ наурса поплыли по направленію къ западу.

Весь этотъ день они плыли вполне счастливо. Но къ вечеру снова

поднялся сильный встрѣчный вѣтеръ. Море вздулось; появились мгновенно громадные волны; караки развѣдило.

Вихрь былъ такъ силенъ, что каракъ, на которомъ находился злополучный Ландольфо, понесло съ необычайной быстротой къ острову Кефалоніи, гдѣ онъ ударился носомъ о большую, торчавшую изъ моря скалу и разбился вдребезги, какъ какое нибудь стеклышко.

Море сразу покрылось цѣлой массой плавающихъ по его поверхности товаровъ: разными ящиками, столами и т. п. предметами.

Несмотря на ночь и бурно вздымавшуюся бездну, несчастные потерпѣвшіе начали плыть (тѣ, покрайней мѣрѣ, кто умѣлъ), хватаясь за каждый попадавшійся имъ подъ руку предметъ.

Среди нихъ находился и нашъ герой. Передъ крушеніемъ находясь въ плѣну, онъ не разъ призывалъ къ себѣ смерть, предпочитая умереть, чѣмъ вернуться снова нищимъ на родину. Но теперь, видя эту смерть такъ близко, какъ то всегда бываетъ съ человѣкомъ въ подобныя минуты, онъ испугался ея.

Увидя передъ собой небольшой столъ, онъ поспѣшилъ ухватиться за него въ надеждѣ на то, что милосердый Господь не захочетъ его смерти и пошлетъ ему скорую помощь.

Вскарабкавшись съ большимъ трудомъ на столъ, онъ усѣлся на него верхомъ. Бросаемый вѣтромъ и волнами во все стороны, онъ кое какъ продержался на своемъ импровизированномъ конѣ до утра.

Озираясь со страхомъ и надеждой вокругъ, онъ не увидѣлъ ничего кромѣ безконечнаго пространства моря и неулегшихся еще окончательно волнъ, да еще сундука, довольно большихъ размѣровъ, приближавшагося по временамъ къ великому ужасу, очень близко къ нему. Ландольфо боялся, что вотъ, вотъ, онъ наскочитъ на него и сброситъ его въ воду.

Поэтому, всякій разъ, какъ сундукъ подплывалъ къ нему саишкомъ близко, онъ старался, насколько то позволяли его ослабѣвшія силы, отодвинуть его, какъ можно дальше отъ себя.

Нѣсколько разъ операція эта удавалась ему, какъ нельзя лучше. Все шло хорошо; какъ вдругъ сильнымъ порывомъ вѣтра злополучный сундукъ погнало къ Ландольфо: онъ ударился со всего размаху о столъ на которомъ сидѣлъ несчастный, съ такой силой, что опрокинулъ его: Ландольфо пошелъ ко дну.

Вынырнувъ черезъ нѣсколько мгновеній, онъ началъ плыть, скорѣе подѣ влияніемъ охватившаго его ужаса, чѣмъ благодаря своей силѣ.

Столъ егочежду тѣмъ далеко отогнало минутой. Чувствуя, что силы его слабѣютъ съ каждой минутой и, видя, что ему до стола не доплыть, — онъ добрался кое-какъ до злополучнаго сундука, который сыгралъ съ нимъ такую злую шутку и плавалъ тутъ-же близко отъ него, легъ на него животомъ, хотя и не безъ страха и сталъ кое-какъ управлять своимъ новымъ судномъ при помощи рукъ.

Въ такомъ положеніи, бросаемый волнами то въ одну сторону, то

въ другую, томимый голодомъ, зато утоляя свою жажду болѣе, чѣмъ то могло казаться приятнымъ, не зная, гдѣ онъ, и не видя вокругъ ничего, кромѣ моря и неба,—провелъ онъ весь день и всю слѣдующую ночь.

На утро онъ окончательно выбился уже изъ силъ и сталъ почти терять сознание и какъ то обыкновенно дѣлають въ такія минуты тонушіе, крѣпко видѣвшись обѣими руками въ края сундука.

Но тутъ, по волѣ-ли Господней, или силою вѣтра, его прибило къ берегу острова Корфу, гдѣ случайно, какъ разъ въ это время одна бѣдная женщина чистила пескомъ свою кухонную посуду.

Увидѣвъ приближавшуюся къ берегу какую-то безформенную массу, она испугалась и съ крикомъ бросилась бѣжать прочь.

Ландольфо, потерявшій уже почти совершенно, какъ я сказалъ, сознание, слышалъ крикъ женщины, самой ея не видѣлъ и подать голоса не могъ.

Его несло между тѣмъ все ближе и ближе къ берегу. Женщина распознала наконецъ форму сундука. Вглядѣвшись въ него пристальнѣе, она увидѣла торчавшія руки и, наконецъ, тѣло Ландольфо. Понявъ тогда, въ чемъ тутъ дѣло, движимая чувствомъ состраданія къ утопающему, она подняла свое платье вошла въ успѣвшее уже успокоиться море и вытаскала несчастнаго за волосы вмѣстѣ съ его сундукомъ, на берегъ.

Съ трудомъ оторвала она отъ сундука его руки. Затѣмъ дала нести сундукъ бывшей съ ней дочери; сама же схватила на руки Ландольфо, и какъ ребенка понесла его къ своему домику, находившемуся по близости. Тутъ положила его въ ванну съ теплой водой и стала растирать его до тѣхъ поръ, пока тотъ не очнулся. Послѣ того она вынула несчастнаго изъ ванны и влила ему въ ротъ вина. Сердобольная женщина возилась такимъ образомъ съ нашимъ злополучнымъ героемъ до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, на второй или на третій день онъ не пришелъ окончательно въ себя. Къ нему мало по малу вернулись силы и онъ узналъ наконецъ, гдѣ находится.

Тогда женщина сочла своей обязанностью вернуть ему и спасенный ею ящикъ.

Ландольфо не помнилъ ничего рѣшительно. Однако взялъ принесенный ему ящикъ, сообразивъ, что онъ имѣетъ хоть какую нибудь цѣнность и что его можно будетъ, слѣдовательно, продать.

Приподнявъ ящикъ онъ увидѣлъ, что онъ очень легокъ; потому онъ сразу же сильно разочаровался въ своихъ надеждахъ. Тѣмъ не менѣе, когда хозяйка ушла изъ дому, онъ открылъ его, чтобы посмотреть, что въ немъ такое. Можете представить себѣ радость моего героя, когда онъ нашелъ въ немъ цѣлую кучу драгоценныхъ камней, и отшлифованныхъ уже и самородковъ. Зная нѣсколько толкъ въ камняхъ и увидя, что многіе изъ нихъ имѣють громадную цѣнность, Ландольфо возблагодарилъ Господа, который и на этотъ разъ не оставилъ его своей милостью, и вновь воспрянулъ духомъ.

Но, какъ человѣкъ, успѣвшій въ такой короткій срокъ подвергнуться уже дважды превратностямъ судьбы, опасаясь какъ-бы она не сыграла съ нимъ новой шутки, — рѣшилъ, что при перевозкѣ драгоценностей домой нужно быть какъ можно осторожнѣе. Поэтому онъ завернулъ камни какъ можно тщательнѣе въ нѣсколько найденныхъ имъ на полу грязныхъ тряпокъ и, когда спасительница его вернулась домой, отдалъ ей пустой уже ящикъ, говоря, что онъ ему не нуженъ и прося дать ему взамѣнъ его мѣшокъ.

Добрая женщина охотно, конечно, исполнила просьбу Ландольфо.

Поблагодаривъ ее отъ всей души за свое спасеніе и за оказанный ему пріютъ и услуги, онъ взвалилъ себѣ на плечи мѣшокъ и двинулся въ путь.

Добравшись до ближайшаго приморскаго города, онъ сѣлъ на корабль, который привезъ его въ Бриндизи; оттуда добрался, идя все время пѣшкомъ по берегу, до Трани, гдѣ встрѣтилъ нѣсколькихъ знакомыхъ соотечественниковъ — купцовъ, торговавшихъ сукнами. Когда онъ разсказалъ имъ все свои приключенія, не обмолвившись, впрочемъ, ни единымъ словомъ о ящикѣ съ драгоценными камнями, купцы, отнесшіеся къ нему очень сочувственно, — одѣли его, дали ему лошадь и даже провозатаго до Фавелло, куда онъ теперь направлялся.

Прибывъ, наконецъ, послѣ столькихъ злоключеній въ свой родной городъ, и чувствуя себя здѣсь въ полной безопасности, Ландольфо еще разъ горячо возблагодарилъ Бога и за полученное спасеніе, и за благополучное возвращеніе на родину. Затѣмъ развязалъ свой мѣшокъ и сталъ съ особеннымъ вниманіемъ разматривать камни. Послѣ тщательнаго осмотра, онъ пришелъ къ заключенію, что продавъ ихъ даже по самой низкой цѣнѣ, онъ будетъ вдвое богаче, чѣмъ былъ при отъѣздѣ.

Покупатели вскорѣ нашлись, и Ландольфо, получивъ за свои камни дѣйствительно громаднѣйшее состояніе, тотчасъ послалъ значительную сумму денегъ въ Корфу женщинѣ, вытащившей его изъ моря и спасшей, такимъ образомъ, отъ неминуемой смерти. Такую же сумму послалъ онъ также и купцамъ въ Трани, которые одѣли его. Остальныя деньги онъ оставилъ себѣ и, не желая заниматься болѣе торговлей, сталъ себѣ жить да поживать тихо, мирно до конца своихъ дней.





Новелла V.

Рубинъ.

Андруччіо ди-Пьетро прѣѣзжаетъ въ Неаполь для покупки лошадей и подвергается здѣсь въ теченіи одной ночи тремъ серьезнымъ приключеніямъ; однако благополучно выпутывается изъ всѣхъ ихъ и возвращается домой съ крупнымъ рубиномъ.

Камни, найденные Ландольфо, начала бывшая на очереди Фіаметта, навела меня на мысль, рассказать вамъ, любезныя подруги мои, новеллу, тракующую о не меньшихъ опасностяхъ чѣмъ та, которую только что повѣдала намъ Лауретта. Впрочемъ, отъ послѣдней она отличается тѣмъ, что, тогда какъ описанныя въ той приключенія совершались на протяженіи нѣсколькихъ, быть можетъ, лѣтъ,—въ моей, какъ вы сейчасъ услышите, всѣ, случились втеченіи одной только ночи.

Жилъ нѣкогда въ Перузѣ юноша по имени Андруччіо ди-Пьетро, занимавшійся торговлей лошадьми. Услыхавъ какъ-то, что въ Неаполѣ лошади очень дешевы, онъ отправился туда вмѣстѣ съ нѣсколькими знакомыми кушцами, захвативъ съ собой пятьсотъ флориновъ. Въ Неаполѣ онъ прибылъ поздно вечеромъ въ воскресенье, на слѣдующій же день, распросивъ хорошенько обо всемъ хозяина гостиницы, раненько отправился на базаръ. Онъ пересмотрѣлъ много лошадей; многія изъ нихъ ему понравились; чуть-ли не ко всѣмъ имъ онъ прицѣпывался, но въ концѣ концовъ ни на одной изъ нихъ не могъ остановиться окончательно. Желая, однако, показать, что пришелъ дѣйствительно съ намѣреніемъ купить, а не такъ только, онъ, какъ дуракъ, нѣсколько разъ вытаскивалъ на глазахъ прохожихъ свой кошелекъ, вынимая изъ него деньги. Въ одинъ изъ такихъ моментовъ, совершенно случайно проходила мимо молодая прелестная сицилианка, готовая однако отдаться первому встрѣчному за самое скромное вознагражденіе. Увидявъ рукахъ неосторожнаго Андруччіо столько денегъ,

она подумала про себя: — «эхъ, кабы эти денежки да мнѣ! Вотъ хорошо-то было-бы!»

Вмѣстѣ съ прелестницей шла старуха, тоже сицилианка. Увидѣвъ Андруччіо, она радостно подбѣжала къ нему и, схвативъ его въ свои объятія, начала цѣловать юношу. Тотъ обернулся и узнавъ старуху, очень обрадовался ей. Пообщавъ юношѣ зайти къ нему непременно вечеркомъ, старуха попрощалась и отошла. Андруччіо снова принялся торговаться, но такъ и не купивъ ничего въ то утро, отправился къ себѣ въ гостиницу.

Между тѣмъ прелестная сицилианка, видѣвшая, конечно, всю эту трогательную сцену встрѣчи, ни слова не говоря, отошла въ сторону и поджидая старуху, задумалась: ей вдругъ блеснула мысль, воспользо-вавшись всеѣмъ только что видѣннымъ ею, главнымъ образомъ знакомствомъ своей старухи съ юношей, выманить у послѣдняго если не все, то хоть часть его денегъ.

Поэтому, когда старуха, распрощавшись съ юношей, снова подошла къ ней, она стала выпрашивать ее, кто этотъ молодой человѣкъ, откуда онъ, чѣмъ занимается и какимъ образомъ она его знаетъ. Та рассказала ей все, что знала объ Андруччіо, прибавивъ, что долгое время служила у отца юноши въ Сициліи, а затѣмъ въ Перузѣ; наконецъ назвала и гостиницу, гдѣ онъ остановился.

Освѣдомленная такимъ образомъ до тонкости относительно всей семьи юноши, его самого и имени его родителей и прочихъ родственниковъ, молодая женщина съ невѣротнымъ лукавствомъ построила на этомъ весь планъ своихъ дѣйствій. Вернувшись домой, она поспѣшила задать старухѣ работу на цѣлый день, чтобы та не могла, такимъ образомъ, отправиться къ вечеру, какъ хотѣла, къ Андруччіо.

Затѣмъ, отвѣдя въ сторону одну изъ своихъ служанокъ, которую специально вымуштровала для такого рода службы, она послала ее при наступленіи ночи въ гостиницу, гдѣ остановился Андруччіо. Тотъ какъ разъ въ это время стоялъ на порогѣ входной двери. Горничная, не знавшая юноши въ лицо, обратилась къ нему съ просьбой указать ей Андруччіо. И услыжавъ въ отвѣтъ, что это онъ самъ и есть, — отвела его въ сторону и сказала:

— Синьоръ, одна благородная дама этого города очень желала-бы поговорить съ вами!

Андруччіо, окинувъ съ ногъ до головы молодую дѣвушку и сообразивъ, что она — горничная самой дамы, рѣшилъ, что та, очевидно, влюбилась въ него, какъ въ самаго красиваго юношу въ городѣ. Поэтому тотчасъ поспѣшилъ отвѣтить, что готовъ исполнить желаніе дамы и спросилъ горничную, гдѣ и когда ея госпожа желаетъ его видѣть; на что та отвѣтила:

— Синьоръ! Она ждетъ васъ у себя и готова принять васъ, когда вамъ угодно!

Андруччіо, не предупредивъ никого въ гостиницѣ, съ живостью сказалъ:

— Прекрасно! Въ такомъ случаѣ иди впередъ: я пойду за тобой!— Молодая дѣвушка, не ожидая вторичнаго приказанія, немедля-же повела нашего героя къ своей госпожѣ, жившей на улицѣ Мопертюи, что значитъ скверная дыра: самое названіе ея показываетъ, что это была за улица. Но Андруччіо, не зная, ни названія улицы, но тѣмъ паче нѣкоторыхъ присущихъ ей особенностей, ничего, конечно, не подозрѣвалъ, думая, что идетъ въ прекраснѣйшее мѣсто и къ благородной дамѣ. Онъ смѣло вошелъ вслѣдъ за горничной въ домъ и сталъ подниматься по лѣстницѣ. Въ то время горничная вызвала уже свою госпожу, говоря:—«Вотъ, синьоръ Андруччіо».

Послѣдній поднявъ при этихъ словахъ голову и увидѣлъ на верхней площадкѣ уже поджидавшую его, красивую, высокаго роста, стройную женщину, очень еще молодую, одѣтую въ пышное платье. Едва увидя юношу, она стремительно бросилась ему навстрѣчу съ распростертыми объятіями и, обхвативъ его шею, нѣсколько мгновений оставалась въ такомъ положеніи, точно замеревъ отъ избытка чувствъ и не будучи въ состояніи вымолвить ни одного слова. Наконецъ, вся въ слезахъ, нѣжно поцѣловала его въ лобъ и дрожащимъ отъ волненія голосомъ вымолвила:

— О, мой Андруччіо, какъ я счастлива, что ты пришелъ!

Изумленный такими нѣжными ласками, Андруччіо до того растерялся, что только и могъ пробормотать чуть слышно:—Я также очень счастливъ, сударыня!

Между тѣмъ молодая женщина взяла нашего героя за руку и ввела его въ гостиную, а оттуда, не говоря ни слова, въ свою спальню, благоухавшую розами, флеръ-доранжемъ и другими цвѣтами и духами. Здѣсь у противоположной къ двери стѣны стояла подъ роскошнымъ пологомъ большая двуспальная кровать, вся въ чудной рѣзьбѣ; рядомъ съ ней, на вѣшалкахъ, по тамошнему обычаю висѣло множество роскошнѣйшихъ богатыхъ платьевъ, расшитыхъ золотомъ и убранныхъ тонкими кружевами. Увидя все это, равно какъ и прочую обстановку комнаты, Андруччіо, какъ человѣкъ совершенно неопытный и не знающій жизни, тотчасъ рѣшилъ, что находится у очень знатной, богатой дамы.

Пока его взоръ перебѣгалъ такимъ образомъ съ одного предмета на другой; молодая женщина усадила его на низенькую оттоманку, стоявшую недалеко отъ постели и сѣвъ затѣмъ рядомъ съ нимъ, начала такъ:

— Андруччіо! Я понимаю, что ты долженъ быть удивленъ и тѣми ласками, которыя я расточаю передъ тобой и моими слезами, такъ какъ ты не только не знаешь меня, но и никогда даже обо мнѣ, быть можетъ, и не слыхалъ! Сейчасъ ты узнаешь вещь, которая удивитъ тебя еще болѣе. Я рѣшила открыть тебѣ мою тайну: знай-же что я—твоя сестра! Смѣло могу сказать, что теперь, когда милосердный Господь послалъ мнѣ такое великое счастье увидѣть одного изъ своихъ братьевъ,—

(а какъ бы мнѣ хотѣлось увидѣть всѣхъ ихъ!)—я могу умереть спокойно! А если ты никогда ничего обо всемъ этомъ не слышалъ, такъ я расскажу тебѣ. Пьетро, нашъ общій отецъ, проживалъ, какъ то тебѣ навѣрное извѣстно, долгое время въ Палермо, гдѣ пріобрѣлъ всеобщую любовь за свою доброту и мягкость характера. Еще и до сихъ поръ не всѣ о немъ забыли! Среди многихъ любившихъ его была между прочимъ и моя мать, благородная дама, бывшая въ то время вдовой. Она полюбила его болѣе всѣхъ другихъ: полюбила его до того, что несмотря на страхъ передъ своимъ отцомъ и братьями, забывъ про свою честь, отдалась ему... и вотъ я родилась, какъ ты видишь, впрочемъ.—Вскорѣ потомъ Пьетро принужденъ былъ покинуть Палермо и вернуться въ



Перузу. Онъ оставилъ меня совсѣмъ маленькой вмѣстѣ съ моей матерью и съ тѣхъ поръ, насколько мнѣ извѣстно, никогда не вспомнилъ ни одного разу ни обо мнѣ, ни о моей матери, которая такъ его любила, бѣдная! Если-бы онъ не былъ моимъ отцомъ, я презирала-бы его за неблагодарность, по отношенію къ моей матери, которая, не зная даже, кто онъ такой, подъ впечатлѣніемъ одного лишь чувства безпредѣльной любви своей, отдала ему все свое состояніе, пожертвовала для него даже тѣмъ, что было для нея дороже всего:—своею честью. Я не говорю уже о той привязанности, которую онъ долженъ былъ бы питать ко мнѣ, дочери, рожденной не отъ какой-нибудь служанки или презрѣнной жен-

щины, а отъ такой знатной дамы, какой была моя мать! Э! да что и говорить то! не даромъ говорится, вѣдь, что сѣверныя дѣянiя легче порицать, чѣмъ исправлять:

— Итакъ, твой отецъ покинулъ меня совсѣмъ маленькой въ Палермо. Мать моя осталась тамъ жить и, когда я выросла, выдала меня, (она была очень богата) за одного дворянина изъ Джерженти. Мужъ мой изъ любви ко мнѣ и къ моей матери переселился къ намъ въ Палермо. Здѣсь, принадлежа къ партiи гвельфовъ, онъ вошелъ въ сношенiе съ нашимъ королемъ Карломъ; объ этихъ сношенiяхъ узналъ король Фридрихъ: обстоятельство это принудило насъ бѣжать изъ Сицилiи, какъ разъ въ то время, когда я должна была сдѣлаться знатнѣйшей дамой всей страны. Захвативъ съ собою самые пустяки, самое необходимое, (я говорю пустяки, по сравненiю съ тѣми колоссальными богатствами, которыми мы обладали), мы покинули наши земли, замки и укрылись здѣсь въ Неаполѣ. Король Карлъ оказался, впрочемъ, къ намъ очень великодушнымъ: онъ возмѣстилъ большую часть понесенныхъ нами изъ за него убытковъ, подарилъ намъ много земли и нѣсколько замковъ, наконецъ пожаловалъ моему мужу, твоему зятю, ежегодно крупную пенсiю. Онъ и до сихъ поръ не оставляетъ насъ своими милостями, что ты и самъ, впрочемъ, видишь! Вотъ какимъ образомъ нахожусь я теперь въ Неаполѣ, гдѣ, наконецъ, скорѣе благодаря Божьей милости, чѣмъ твоему желанiю, привелось мнѣ увидѣть тебя, дорогой братъ мой.

Сказавъ это, она снова схватила юношу въ свои объятiя и рыдая, начала нѣжно цѣловать его.

Слушая всю эту басню, придуманную такъ естественно, такъ складно, рассказанную притомъ молодой женщиной съ изумительной простотой (во все время рассказа ни одно слово не застряло, какъ говорится, у нея между зубами), Андруччио вспомнилъ, что отецъ его дѣйствительно жилъ будучи еще молодымъ въ Палермо. Кромѣ того, онъ зналъ по самому себѣ влюбчивый характеръ молодыхъ людей, готовыхъ воспылать самой пылкой страстью къ любой юбкѣ. Увидѣлъ, наконецъ эти слезы радости, эти нѣжные объятiя и поцѣлуи.—И все то вмѣстѣ взятое привело его къ безусловной вѣрѣ во все то, что ему говорили. Когда рассказчица умолкла, онъ обратился къ ней съ такою рѣчью:

— Синьора! Васъ не должно поражать мое удивленiе по поводу всего того, что я слышу. Отецъ мой дѣйствительно никогда не упоминалъ ни о вашей матери, ни о васъ, или если и говорилъ, то не при мнѣ. Поэтому я совершенно не зналъ васъ, какъ будто бы васъ и не существовало. Повѣрьте, что я болѣе чѣмъ счастливъ, что нашелъ здѣсь сестру, такъ какъ я бобыль,—у меня нѣтъ никого,—и никогда не ожидалъ такой неожиданной, прiятной находки. Я не могу себѣ представить человѣка, какое бы высокое положенiе онъ ни занималъ, которому вы могли-бы не быть дороги. Тѣмъ болѣе дороги должны

вы быть для меня, простого купца. Но скажите, пожалуйста, какъ узнали вы, что я здѣсь, въ Неаполь?

— Я узнала объ этомъ,—отвѣтила молодая женщина,—только сегодня утромъ отъ одной бѣдной женщины, которая приходитъ отъ времени до времени въ мой домъ исполнять кое-какія работы. Она сказала мнѣ, что долгое время жила у нашего отца и въ Палермо и въ Перузі. Если бы не то, что мнѣ казалось болѣе удобнымъ, чтобы ты пришелъ ко мнѣ, чѣмъ итти самой мнѣ, въ совершенно незнакомый для меня домъ, то я ужъ давно, конечно, была-бы у тебя.

Затѣмъ она стала просить юношу сообщить ей новости объ ихъ родственникахъ, называя всѣхъ ихъ по именамъ. Тотъ исполнилъ ея просьбу, еще больше убѣдившись въ правдивости всего имъ слышаннаго.

Бесѣда ихъ была продолжительна, а жара велика; поэтому молодая женщина приказала принести греческаго вина и сладостей. Выпивъ предложенный ему стаканъ, герой нашъ собрался было уходить, такъ какъ наступало уже время ужина но названная сестра его ни за что не хотѣла отпустить его; она сдѣлала видъ, будто очень огорчена и обнявъ юношу, воскликнула:

— Увы! Я прекрасно вижу, что совсѣмъ для тебя не дорога! Кто бы подумалъ, что ты со своей сестрой, съ которой видишься въ первый разъ; что ты у нея въ домъ, гдѣ долженъ бы былъ, пріѣхавъ въ Неаполь, остановиться! А ты хочешь уйти отъ нея и итти ужинать въ гостиницу! Полно, милый мой! Поужинай вмѣстѣ со мной, у меня! Хотя моего мужа и нѣтъ, къ сожалѣнію, дома, все же я сумѣю, какъ хозяйка, угостить тебя на славу.

На это Андруччіо, положительно не зная, что ему и отвѣтить, сказалъ:

— Вы мнѣ дороги, повѣрьте! Дороги такъ, какъ только можетъ быть дорога сестра; но если я не пойду въ мою гостиницу, гдѣ меня ждутъ мои знакомые, то поступлю очень невѣжливо, тѣмъ болѣе, что меня будутъ ждать!

— Слава Тебѣ Господи!—возразила на это радушная хозяйка,—неужели у меня мало слугъ, чтобы послать предупредить въ твою гостиницу, чтобы тебя не ждали?! Собственно говоря, самое лучшее, что бы ты могъ и даже долженъ былъ сдѣлать,—это пригласить твоихъ знакомыхъ отужинать сегодня у меня; затѣмъ, если бы тебѣ такъ очень ужъ захотѣлось непременно уйти къ себѣ, ты могъ бы отправиться вмѣстѣ съ ними!

Андруччіо отвѣтилъ на это, что товарищей своихъ приглашать считаетъ неудобнымъ, тѣмъ болѣе, что уже поздно, самъ же охотно готовъ остаться, чтобы доставить ей удовольствіе.

Та сдѣлала видъ, будто посылаетъ въ гостиницу предупредить, чтобы Андруччіо не ждали къ ужину.

Поговоривъ затѣмъ еще нѣкоторое время о томъ, о семь, братъ и сестра сѣли за прекрасно сервированный столъ; ужинъ былъ великолѣпный. Хозяйка постаралась, конечно, затянуть его до поздняго вечера.

Вставъ, наконецъ, по окончаніи его изъ-за стола, Андруччіо снова собрался уходить, но нѣжная сестрица возразила, что ни за что этого не допустить; что Неаполь не такой, молъ, городъ, гдѣ бы можно было идти среди ночи, не рискуя быть ограбленнымъ, особенно же иностранцу; что пославъ въ гостиницу предупредить, чтобы его не ждали къ ужину, она велѣла сказать также, что онъ не будетъ и ночевать дома. Андруччіо повѣрилъ ей и остался.

Пробесѣдовавъ со своимъ гостемъ далеко за полночь, хозяйка отвела его, наконецъ, въ его комнату и, оставивъ при немъ для услугъ мальчика и пожелавъ ему покойной ночи, ушла къ себѣ.

Въ комнатѣ было страшно жарко. Поэтому, очутившись, наконецъ, одинъ на свободѣ, герой нашъ тотчасъ же поспѣшилъ скинуть съ себя верхнее платье. Почувствовавъ затѣмъ естественную потребность облегчить свой желудокъ, онъ спросилъ мальчика, гдѣ можно это продѣлать. Тотъ проводилъ его въ сосѣднюю комнату и, указавъ на находившуюся въ углу ея дверь, сказалъ: «пожалуйте, сюда!»

Андруччіо открылъ указанную ему дверь; ничто же сумняшеся шагнулъ за нее, но ступилъ на доску, противоположный конецъ которой былъ оторванъ, не случайно, конечно, отъ балки,—и полетѣлъ вмѣстѣ съ нею внизъ. Господь былъ къ нему настолько милостивъ, что онъ не причинилъ себѣ своимъ паденіемъ никакого вреда, хотя и упалъ съ порядочной сравнительно высоты; зато весь измазался въ нечистотахъ, которыми было полно мѣсто, гдѣ онъ очутился.

Для того, чтобы для васъ было понятіе сказанное, равно какъ и послѣдующее, я долженъ вамъ описать это мѣсто.

Между двумя сосѣдними, тѣсно соприкасающимися другъ съ другомъ домами, укрѣплены были двѣ балки; на нихъ прибито нѣсколько досокъ и устроено мѣсто для сидѣнья. Вотъ съ одной изъ такихъ досокъ, очевидно не приколоченной умышленно, и свалился нашъ герой. Очутившись, такимъ образомъ, на днѣ ямы и струсивъ не на шутку, онъ началъ звать прислуживавшаго ему мальчика; послѣдній, между тѣмъ, едва лишь увидѣлъ, что несчастный полетѣлъ въ яму, поспѣшилъ сообщить объ этомъ своей госпожѣ: та прибѣжала на всѣхъ парахъ... посмотреть... здѣсь ли платье ея гостя. Найдя его, такъ же какъ и его деньги, которыя онъ, никому не довѣряя, по глупости своей, носилъ всегда при себѣ, она возликовала. Главная цѣль ея добыть деньги, изъ-за которыхъ она придумала такъ тонко всю эту хитрую исторію, превратившись въ бывшую жительницу Палермо и дочь перуца, удалась, такимъ образомъ, какъ нельзя лучше. Итакъ, сунувъ въ свой карманъ деньги злополучнаго Андруччіо, нѣжная сестрица его, нѣсколько, конечно,

не интересуясь дальнейшей его судьбою, закрыла дверь, чрезъ которую онъ «вышелъ» и отправилась въ свою комнату.

А тотъ тѣмъ временемъ, видя, что мальчикъ не отзывается, сталъ кричать еще громче, но, увы, безъ результата. Тутъ ужъ, хотя и смутно, сталъ онъ подозрѣвать, къ сожалѣнію слишкомъ поздно, что дѣло что-то не ладно и что его надули. Векарабавшись кое-какъ на невысокую стѣнку, отдѣляющую злачное мѣсто отъ улицы и очутившись передъ самымъ домомъ прелестной сицилианки, онъ подошелъ къ двери ея, которую отлично узналъ, и снова сталъ кричать что было силы, но все такъ же безуспѣшно.

Убѣдившись, наконецъ, что онъ обмануть самымъ жестокимъ образомъ, онъ зарыдалъ и сталъ причитывать: «О, я несчастный! Въ такое короткое время потерялъ и пятьсотъ флориновъ и сестру». Затѣмъ снова принялся стучать въ дверь и кричать, да такъ громко, что нѣкоторые изъ сосѣдей, разбуженные столь страннымъ шумомъ, встали: въ окно высунулось якобы заспанное лицо одной изъ служанокъ обманщицы.

— Кто тамъ стучитъ?—закричала она сердито.

— О!—воскликнулъ Андруччіо,—неужели ты не узнаешь меня? Я Андруччіо,—братъ госпожи Фіердолизо.

— Послушай, милый!—возразила на это та,—ты, я вижу, не въ мѣру, должно быть, сегодня глотнулъ; поэтому ступай-ка да выпись лучше!.. А то вздоръ какой-то мелешь. Я не понимаю, какое такое анруччо, о которомъ ты говоришь! Ступай же себѣ съ Богомъ и не мѣшай намъ, пожалуйста, спать!

— Какъ!—заоралъ Андруччіо,—ты не понимаешь, что я говорю?! О! ты прекрасно понимаешь все; но если ужъ родственныя связи въ Сициліи забываются въ такое короткое время, то отдай мнѣ, по крайней мѣрѣ, мое платье, которое я оставилъ у васъ наверху,—и тогда я охотно уйду!

— Другъ любезный! Ты, видимо, бредишь!

Затѣмъ, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, она захлопнула окно и закрылась.

Тутъ ужъ герой нашъ не вытерпѣлъ. Убѣдившись окончательно въ своемъ злосчастіи, онъ пришелъ въ ярость: рѣшивъ во что бы то ни стало, хоть при помощи оскорбленій, достать то, чему не помогли ни просьбы, ни увѣщанія, онъ схватилъ большой камень, яростно набросился на ничѣмъ неповинную дверь, колотя въ нее своимъ камнемъ еще сильнѣе прежняго и пробизнося всевозможныя ругательства.

При этомъ новомъ шумѣ сосѣди, которыхъ онъ успѣлъ, какъ я сказала, разбудить уже раньше, рѣшивъ, что имѣютъ дѣло съ какимъ-нибудь сумасшедшимъ, который оретъ такъ нарочно, для того только, чтобы досадить благородной дамѣ, повисовывались изъ своихъ оконъ и, подобно собакамъ, лающимъ на чужую, забредшую невзначай, стали кричать:

— Что это за наглость прійти въ такой поздній часъ къ дому женщины и наносить ей подобныя оскорбленія! Убирайся-ка, братецъ, по добру по здорову и не мѣшай намъ, пожалуйста, спать! Если у тебя есть къ этой дамѣ какое-нибудь дѣло, то приходи завтра, но не надобъ-дай намъ среди ночи!

Очевидно ободренный этими словами, въ одномъ изъ оконъ «благородной» дамы показался какой-то субъектъ, повидимому ея любовникъ, котораго раньше герой нашъ въ домѣ не замѣтилъ и закричалъ грубымъ, громкимъ голосомъ:

— Кто тамъ такой?

При звукѣ этого голоса, Андруччіо поднялъ голову и увидѣлъ



субъекта, показавшагося ему, со своей густой черной бородой, очень важной персоной; онъ зѣвалъ и протиралъ свои глаза, точно сейчасъ только что всталъ съ кровати. Андруччіо не безъ страха отвѣтилъ:

— Я братъ дамы, которая живетъ въ этомъ домѣ!

Тотъ, не ожидая, пока Андруччіо окончатъ говорить, заоралъ еще сильнѣе:

— Не знаю, право, что только удерживаетъ меня сойти и на-костылять тебѣ, какъ слѣдуетъ, дубиной, чтобы ты убрался поживѣе, негодяй ты эдакій, пьяница! Проваливай-ка лучше отъ грѣха подальше... а то!..

Не окончивъ своей угрозы, онъ захлопнулъ съ трескомъ окно и скрылся.

Нѣкоторые изъ сосѣдей, знавшихъ превосходно «благородную» профессію «важной персоны», начали уговаривать Андруччіо, чтобы тотъ поскорѣе убрался:

— Ради самого Создателя, — говорили они, — уходи, милый человекъ, если не хочешь, чтобы тебя убили здѣсь; уходи; право, это самое благоразумное, что ты можешь только сдѣлать!

Андруччіо, испугавшись уже одного вида чернобородаго субъекта и его грубаго голоса, услыхавъ такія увѣщанія добрыхъ сосѣдей, говорившихъ, очевидно, не зря и къ тому же отъ добраго сердца, посигъшилъ послѣдовать ихъ совѣту. Хоть и скрѣпя сердце, страшно горюя и приходя въ отчаяніе при одной мысли о томъ, что потерялъ все свои деньги, направился онъ къ своей гостиницѣ по той самой дорогѣ, по которой вела его наканунѣ горничная его сестрицы. Пройдя, однако, первую улицу, онъ не зналъ, какъ идти дальше. Отъ невыносимаго, исходившаго отъ него запаха у него стала кружиться голова. Желая, поэтому, избавиться какъ-нибудь отъ него, онъ рѣшилъ отправиться по направленію къ морю, чтобы помыться, — и вошелъ въ улицу, называвшуюся Каталонской.

Андруччіо подходилъ уже почти къ самому краю города, какъ вдругъ замѣтилъ двухъ какихъ-то субъектовъ, съ фонаремъ въ рукѣ, шедшихъ прямо на него. Боясь, не полисмены-ли это, или какіе-либо злоумышленники, онъ скрылся, желая избѣжать ихъ, въ находившуюся въ сторонѣ, подуразвалившуюся лачугу. Но тѣ, точно сговорившись, также вошли въ то же мѣсто и, поставивъ на землю фонарь и сваливъ съ плечъ какіе то желѣзные инструменты, начали ихъ осматривать и разсуждать о томъ, какъ употребить ихъ въ дѣло. Бесѣдуя, такимъ образомъ, одинъ изъ нихъ замѣтилъ:

— Что бы это могло значить? Я чувствую такую отчаянную вонь, какой-никогда еще не нюхивалъ.

Сказавъ это, онъ приподнял нѣсколько фонарь и увидѣлъ нашего злосчастнаго героя. Изумленные такимъ неожиданнымъ явленіемъ, оба злоумышленника закричали въ одинъ голосъ:

— Кто тамъ?!

Андруччіо молчалъ. Тогда они подошли къ нему со своимъ фонаремъ поближе и снова спросили его, что онъ тутъ дѣлаетъ въ такомъ видѣ? На что Андруччіо разсказалъ имъ все, что съ нимъ случилось. Тѣ стали соображать, гдѣ бы это могла произойти такая исторія. «О! это, какъ пить дать, въ домѣ Скарабоне Буттафуоко!» — рѣшили они. — И обратившись къ нему, одинъ изъ нихъ сказалъ:

— Ну, пріятель! Хотя ты и потерялъ свои деньги, но долженъ благодарить Господа за то, что упалъ въ ровъ и что не могъ вернуться въ домъ, такъ какъ, если бы ты не упалъ, то, повѣрь мнѣ, едва бы ты успѣлъ уснуть, какъ тебя бы убили и, такимъ образомъ, вмѣстѣ съ деньгами ты потерялъ бы и свою жизнь. Но какого лѣшшаго нюни рас-

пускать то теперь?! Все равно, вѣдь, не достать ужъ тебѣ теперь твоихъ денегъ, какъ звѣздъ съ неба. Мало того: тебя прекраснѣйшимъ образомъ могутъ еще укокошить, если узнаютъ, что ты рассказалъ объ этой исторіи кому-нибудь хоть словечко!

Сказавъ это, они посовѣтывались нѣсколько минутъ между собою и обратились къ нему съ такого рода рѣчью:

— Послушай, братъ! Намъ жалко тебя; поэтому, если ты согласишься помочь намъ въ одномъ проектируемомъ нами дѣлѣ, то получишь на свою долю, навѣрное, гораздо больше того, что потерялъ сегодня!

Какъ разъ въ этотъ день похоронили одного неаполитанскаго архіепископа, отца Филиппа Минутоло. Онъ былъ положенъ въ гробъ въ богатѣйшемъ облаченіи, съ массой дорогихъ украшеній и между прочимъ съ крупнымъ рубиномъ на пальцѣ, который одинъ только стоилъ, какъ увѣряли, болѣе пятисотъ флориновъ. Вотъ субъекты, повстрѣчавшіеся съ нашимъ героемъ, и рѣшили ограбить архіепископа. Объявивъ ему свое намѣреніе, они предложили ему помочь имъ въ этомъ дѣлѣ. Тотъ согласился послѣдовать за ними, скорѣе, впрочемъ, изъ любви къ чѣмъ изъ алчности. Такимъ образомъ, безъ дальнѣйшихъ разговоровъ, всѣ трое направились къ собору. Отъ Андруччіо такъ сильно разлило, что одинъ изъ жуликовъ сказалъ:

— Нельзя ли его какъ-нибудь помыть, хоть немножко, чтобы онъ не вонялъ такъ ужасно?!

— Да еще какъ!—отвѣтилъ на это другой.—Здѣсь есть недалеко колодезь; тамъ мы найдемъ и веревку и ведро; пойдемъ туда и великогубно его тамъ вымоемъ!

Подойдя къ колодцу, они на самомъ дѣлѣ нашли при немъ веревку, но ведро оказалось съ нея снятымъ. Поэтому они рѣшили привязать Андруччіо къ веревкѣ и спустить его такимъ образомъ въ колодезь, а затѣмъ, когда онъ вымоется хорошенько, снова втащить его точно такимъ же путемъ обратно. Сказано—сдѣлано.

Но едва лишь успѣли они спустить его туда, какъ завидѣли вдали нѣсколькокихъ полименовъ, которые, влѣдствіе ли жары или потому, что гнались за какимъ-нибудь злоумышленникомъ, или къ тому же колодцу утолить свою жажду. Наши собратья, увидѣвъ ихъ, тотчасъ бросились бѣжать, такъ что тѣ ихъ и не замѣтили. Андруччіо, успѣвъ, между тѣмъ, вымыться на днѣ колодца, сталъ дергать за веревку, чтобы его вытащили.

Подоспѣвшіе къ тому времени блюстители порядка, сложивъ на землю свои каски и оружіе и мучимые жаждой, стали тянуть за веревку, въ полной, конечно, увѣренности, что тащатъ полное ведро съ водой. Андруччіо, между тѣмъ, очутившись, такимъ образомъ, наверху у самыхъ верхнихъ краевъ колодца, отпустилъ веревку и ухватился обѣими руками за его края. Увидя это, обезумѣвшіе отъ ужаса полщмены,

даже не вскрикнувъ, выпустили въ свою очередь изъ рукъ веревку и безъ оглядки пустились бѣжать.

Андруччіо, ничего не подозревая, очень, конечно, этому удивился: не ухватись онъ такъ крѣпко за края колодца, навѣрное упалъ бы при томъ на дно его и, если бы не убили на смерть, то во всякомъ случаѣ покалѣчился бы основательно. Выбравшись, наконецъ, наверхъ и ступивъ на землю, онъ увидѣлъ каски и оружіе. Зная, что у его товарищей не было ни того, ни другого, онъ удивился еще болѣе. Не понимая, что бы все это могло значить и постоявъ въ раздумьи еще нѣсколько минутъ, онъ рѣшилъ, не трогая ничего, идти дальше и двинулся, самъ не зная, куда придетъ.

Бродя, такимъ образомъ, по незнакомымъ, пустыннымъ улицамъ, онъ встрѣтилъ двухъ собратовъ своихъ, возвращавшихся къ колодцу, чтобы вытащить его оттуда. Увидавъ нашего героя, они очень удивились и стали спрашивать его, кто его вытащилъ. Тотъ отвѣтилъ, что и самъ того не знаетъ и рассказалъ имъ все какъ было, а также и то, что онъ нашелъ при выходѣ изъ своей ванны, на землѣ. Появъ, въ чемъ дѣло, они расхохотались и объяснили ему, почему они удрали и кто были люди, вытащившіе его изъ колодца.

Было уже часа два ночи. Поэтому, не тратя времени на дальнѣйшія разглагольствованія, все трое направились къ собору.

Войдя въ него безъ малѣйшаго шума, они подошли къ громадному, мраморному гробу и подняли при помощи своихъ инструментовъ крышку его настолько, что туда могъ свободно пролѣзть человекъ. Сдѣлавъ это, одинъ изъ жуликовъ спросилъ:

— Кто войдетъ туда?

На это другой отвѣтилъ:—конечно не я!

— Ну, ужъ и не я!—возразилъ первый.— Пускай, вотъ, лѣзетъ Андруччіо!—

— Ни за что!—возразилъ тотъ.

Тогда оба собрата, обернувшись къ нашему герою, воскликнули:

— Какъ?! Ты туда не войдешь?!—Если ты вздумаешь упрямиться, то, ей Богу-жъ, мы всыпемъ тебѣ вотъ этимъ маленькимъ дротикомъ (при этомъ одинъ изъ нихъ указалъ на большой тяжеловѣсный лумъ) такъ, что ты едва ли выйдешь отсюда живымъ!

Дрожа отъ страха, Андруччіо, безъ дальнѣйшихъ разговоровъ полѣзъ въ гробъ. Но при этомъ сталъ размышлять самъ съ собою такимъ образомъ: <Да, они заставляютъ меня войти туда для того, чтобы потомъ могли меня надуть! Когда я дамъ имъ все, что тамъ находится и пока я буду выбираться оттуда, они возьмутъ да и удерутъ,— и я останусь ни съ чѣмъ!>

Поэтому онъ рѣшилъ позаботиться прежде всего о себѣ самомъ. Вспомнивъ о драгоценномъ перстнѣ, о которомъ ему рассказывали злоумышленники, онъ первымъ долгомъ стащилъ его съ пальца архіепис-

копа и надѣлъ на свой и затѣмъ ужъ сталъ подавать имъ: сначала посохъ, потомъ митру и перчатки; ограбивъ, такимъ образомъ, тѣло онъ передалъ имъ все, заявляя, наконецъ, что больше нѣтъ ничего. Тѣ стали увѣрять его, что должно быть непременно кольцо, и нас-



таивали, чтобы онъ хорошенько поискалъ его. Андруччио, сдѣлавъ видъ, точно ищеть, отвѣтилъ черезъ нѣсколько минутъ, что не можетъ найти его, затѣмъ сталъ еще шарить, думая, такимъ образомъ надуть сообщниковъ.

Но тѣ оказались не менѣе хитрыми. Повторяя по-прежнему, чтобы онъ искалъ хорошенько, они, вдругъ, вытащили ломъ, который

поддерживалъ крышку гроба и убѣжали, оставивъ, такимъ образомъ, несчастнаго, запертымъ въ гробу.

Всякій можетъ себѣ легко представить, что долженъ почувствовать Андруччіо, очутившись въ такомъ ужасномъ положеніи. Онъ попытался, было, приподнять всею своимъ туловищемъ крышку своей тѣсной темницы, но, увы, напрасно! Наконецъ, измученный и подавленный отчаяніемъ, онъ лишился чувствъ и упалъ на трупъ архіепископа.

Если-бы кто увидѣлъ его тогда, едва-ли могъ рѣшить безошибочно, кто изъ двоихъ былъ болѣе похожъ на мертвеца: онъ-ли, или самъ архіепископъ?!

Нѣсколько времени спустя онъ пришелъ въ себя. Понявъ, что ему предстоитъ одно изъ двухъ: либо умереть съ голоду и отъ зловонія, среди червей въ случаѣ если никто не откроетъ крышки; или же быть повѣшеннымъ какъ грабитель, если откроютъ и найдутъ его здѣсь, — онъ горько и глухо зарыдалъ. Вдругъ, онъ услышалъ звукъ чихъ-то шаговъ по собору, а затѣмъ различилъ и голоса нѣсколькихъ человекъ. Вскорѣ онъ понялъ, что эти были люди, пришедшіе сюда съ той-же самой цѣлю, съ какой явился сюда самъ. Страхъ его усилился, поѣтому, еще болѣе.

Между тѣмъ, новые посѣтители, приподнявъ крышку гроба, заспорили, кому войти въ него. Никто не хотѣлъ этого дѣлать. Наконецъ, послѣ долгихъ споровъ, одинъ изъ нихъ, какъ потомъ оказалось, священникъ, воскликнулъ:

— Чего вы все боитесь! Что вы думаете, что, онъ васъ съѣстъ, что-ли? Мертвые не ѣдятъ, вѣдь, живыхъ! Я войду!

Сказавъ это, онъ легъ на край гроба и, высунувъ наружу голову, сталъ просовывать свои ноги внутрь, чтобы, такимъ образомъ, легче забраться туда.

Увидя это, Андруччіо приподнялся, схватилъ священника за ногу и сталъ тащить его къ себѣ. Тотъ, почувствовавъ, что его тащатъ, испустилъ пронижительный крикъ и выскочилъ вонъ изъ гроба.

Перепуганные этимъ крикомъ, товарищи бросились стремительно бѣжать, да такъ шибко, точно за ними гналось сто тысячъ чертей.

Обрадованный такимъ неожиданнымъ, приятнымъ для него оборотомъ дѣла Андруччіо поспѣшилъ, не теряя времени, обратиться изъ своего невольнаго заточенія и бросился вонъ изъ собора.

Проколесивъ почти до самаго утра по городу, онъ очутился, наконецъ, на берегу моря и вскорѣ набрелъ на свою гостиницу. Здѣсь онъ нашелъ своихъ товарищій-кушцовъ и самого хозяина, которые страшно все это время за него безпокоились. Андруччіо рассказала имъ все свои приключенія. Выслушавъ все это, хозяинъ гостиницы посоветовалъ ему уѣзжать немедленно-же изъ Неаполя, что герой нашъ и поспѣшилъ, разумѣется, сдѣлать, и вернулся, въ Перузу съ рубиновымъ кольцомъ, промѣнявъ, такимъ образомъ, на него свои деньги и не купивъ ни одной лошади.



Новелла VI.

Отысканныя дѣти.

Одну синьору, по имени Беритола, нашли на островѣ вмѣстѣ съ двумя ланями. Бѣдная женщина, потерявъ своихъ обоихъ сыновей, отправляется ихъ отыскивать въ Луниджьяну. Одинъ изъ ея сыновей поступаетъ на службу къ синьору этой области; но онъ такъ неостороженъ, что вступаетъ въ связь съ дочерью синьора и за это его заключаютъ въ тюрьму. Между тѣмъ, въ Сициліи происходитъ возмущеніе противъ короля Карла. Мать узнаетъ своего сына и онъ женится на обольщенной имъ дочери синьора; второго сына Беритола также находитъ и возвращается съ большими почестями на родину.

Какъ дамы, такъ и молодые люди много смѣялись надъ приключеніями Андруччіо, о которыхъ имъ такъ забавно рассказала Фіамметта. Когда новелла была окончена, королева приказала Эмилиі начать рѣчь.

— Обыкновенно въ серьезные и тягостныя событія бываютъ только превратностями судьбы; о нихъ хотя и говорится что-либо, но нашъ умъ слишкомъ мало бываетъ ими занятъ; онъ легко успокоивается нѣжными ласками Фортуны; такимъ образомъ, по моему мнѣнію, полезно бываетъ послушать объ этомъ и баловнямъ судьбы, и гонимымъ рокомъ. Счастливыя сдѣлаются осторожнѣе и осмрительнѣе, а обездоленныхъ нашъ рассказъ нѣсколько утѣшитъ; хотя объ этомъ много говорилось, но все же я хочу познакомить васъ съ одною исторіею, которая безусловно правдива и очень трогательна. Хотя она благополучно окончилась, но горе, перенесенное дѣйствующими лицами, было такъ ужасно и такъ продолжительно, что врядъ-ли его могла совершенно изгладить послѣдовавшая за этими несчастіями неожиданная радость.

— Дорогія синьоры! Вамъ, конечно, извѣстно, что послѣ смерти императора Фредерико II на королевскій престолъ Сициліи вступилъ Манфредъ. При дворѣ самое высокое мѣсто занималъ одинъ вельможа изъ Неаполя, его звали Генрико Капечи. Супруга этого вельможи также была родомъ изъ Неаполя и отличалась замѣчательною красотою, звали ее Беритола Карачьола. Генрико пришлось принять въ свои руки бразды правленія Сициліею, такъ какъ король Карлъ I разбилъ сицилійскія войска подъ Беневентомъ и приказалъ убить Манфреда, а его царство присвоилъ себѣ. Генрико было хорошо извѣстно, что нельзя полагаться

на преданность жителей Сициліи, и потому онъ приготовился къ бѣгству, такъ какъ не желалъ стать на сторону враговъ своего государя. Жители Сициліи узнали о томъ, что онъ собирается бѣжать, и тогда Карлъ I приказалъ его ввергнуть въ тюрьму вмѣстѣ съ другими друзьями и слугами Манфреда, а самъ овладѣлъ всѣмъ островомъ.

Беритола, при такомъ оборотѣ дѣла, рѣшительно не знала, что стало съ Генрико и, опасаясь позора, бросила все свое имущество и вмѣстѣ съ восьмилѣтнимъ сыномъ Джусфреди и готовящаяся еще стать матерью второго ребенка, сѣла на небольшой корабль, чтобы уѣхать въ Липари. Тамъ у Беритолы явился на свѣтъ второй мальчикъ и она дала ему имя Скачатто, что значитъ Изгнанникъ. Она наняла для новорожденнаго кормилицу и предполагала ѣхать въ Неаполь къ своимъ родителямъ; но ея предположеніе не оправдалось: вслѣдствіе сильнаго вѣтра корабль свернуло съ пути и его прибило къ острову Понцѣ; тутъ всѣ пассажиры укрылись въ маленькой бухтѣ, чтобы выждать лучшей погоды. Беритола также сошла на берегъ вмѣстѣ со всѣми; тутъ она нашла укромный уголокъ и вполнѣ предавалась своему горю, плача о Генрико. Такъ она уходила отъ взоровъ всѣхъ своихъ спутниковъ каждый день. Однажды, во время ея отсутствія, къ берегу причалила корсарская галера и увезла всѣхъ пріотившихся на островѣ пассажировъ корабля.

Беритола, вернувшись на берегъ, чтобы взглянуть на дѣтей, никого не нашла. Сначала это крайне ее удивило, но замѣтивъ вдали отплывавшую галеру, которая тащила за собой корабль, поняла, въ чемъ было дѣло. Не было конца отчаянію несчастной женщины; она не только теперь лишилась мужа, но даже потеряла и своихъ дорогихъ малютокъ: быть можетъ, ей никогда не удастся прижать къ сердцу дорогія для нея существа. Она плакала и молилась и, наконецъ, въ изнеможеніи упала на песокъ. Она совершенно потеряла сознание и была одна, совсѣмъ одна. Не было ни кого, кто бы оказалъ ей помощь—принесъ бы хотя воды, чтобы она могла выпить нѣсколько глотковъ или освѣжить живительной влагой свою разгоряченную голову. Но мало-по-малу, сознание вернулось къ ней, и она снова стала искать дѣтей по острову: заходя въ каждую пещеру, оглядывала каждый кустикъ, звала старшаго сына, кормилицу новорожденнаго, но отвѣта не было; бѣдная женщина въ ужасѣ ходила по острову и теперь вполнѣ убѣдилась, что тамъ никого не было. Наступила ночь, темная южная ночь. Беритола вернулась съ берега въ пещеру, гдѣ обыкновенно плакала и тосковала о Генрико. И какъ длинна показалась несчастной эта ночь! Стало свѣтать, былъ уже четвертый часъ! Беритола, не ужинавшая наканунѣ, ощущала сильный голодъ, но у нея не было ни крошки хлѣба; тогда она стала ѣсть траву. Поѣвъ сколько могла травы, она призадумалась о своей горькой участи. Въ это время она замѣтила лань, которая проскочила въ сосѣдную пещеру; немного погодя животное выбѣжало

оттуда и направилось къ роуцѣ. Беритола встала и пошла въ ту пещеру, изъ которой выбѣжала лань и къ удивленію увидала тамъ двухъ дѣтенышей, которые, вѣроятно, явились на свѣтъ въ тотъ же день; эти маленькіе дѣтеныши очень понравились Беритолѣ и показались ей пріятнѣе всего на свѣтѣ: у ней еще оставалось въ груди молоко послѣ недавнихъ родовъ и она стала ихъ кормить: тѣ стали сосать, какъ будто это была ихъ настоящая мать.

Такъ Беритола поселилась въ пещерѣ. Она кормила дѣтенышей, ѣла траву, пила воду, но какъ только вспоминала о мужѣ и дѣтяхъ, то горько плакала. Несчастная женщина порѣшила остаться въ пустынѣ съ ланью и ея дѣтенышами.

Отъ такой жизни Беритола очень одичала. Нѣсколько мѣсяцевъ снустя, къ острову Понцѣ пристало одно судно, плившее изъ Визы, которое уже стояло нѣсколько дней на якорѣ. На этомъ суднѣ находился знатный синьоръ, маркизъ Куррадо ди Малеспина вмѣстѣ со своей супругой. Чета возвращалась домой изъ путешествія къ Св. мѣстамъ въ Апулію.

Маркизъ для того, чтобы разогнать тоску, отправился прогуляться по острову вмѣстѣ съ женой и нѣкоторыми близкими друзьями; они также взяли съ собою собакъ. Близъ той пещеры, въ которой скрывалась Беритола, собаки побѣжали за двумя ланями, которыя подросли и паслись вблизи на лугу. Молоденькія животныя испугались собакъ и прямо побѣжали къ той пещерѣ, гдѣ была ихъ вторая мать. Беритола схватила палку и прогнала собакъ. Въ это время къ пещерѣ подошелъ и маркизъ Куррадо: увидѣвъ худую, съ взъерошенными волосами женщину, онъ крайне удивился. Отогнавъ собакъ, прибывшій подошелъ къ Беритолѣ и сталъ вмѣстѣ со своими спутниками просить ее рассказать свое приключеніе. Несчастная откровенно сообщила имъ все бывшія съ нею приключенія, а также сказала и свое званіе и то суровое рѣшеніе, къ которому она пришла.

Узнавъ исторію Беритолы, маркизъ даже пролилъ слезы отъ состраданія; онъ отговаривалъ ее отъ жестокаго намѣренія остаться на островѣ среди безмысленныхъ животныхъ. Маркизъ предлагалъ отвезти ее домой, онъ хорошо зналъ Генрико; предложилъ жить у него въ домѣ, какъ родной сестрѣ, пока она не найдетъ мужа. Но Беритола ни за что не соглашалась отказаться отъ принятаго ею намѣренія остаться на островѣ; тогда Куррадо оставилъ съ ней свою супругу, чтобы та уговорила ее уѣхать съ острова и дала ей какое-нибудь изъ своихъ платьевъ, потому что Беритола совершенно обносилась, и кромѣ того обѣщалъ ей прислать кушанье.

Молодая маркиза осталась съ Беритолой и много плакала надъ ея несчастьемъ; затѣмъ имъ прислали кушанье и платье; супругъ Куррадо еле удалось уговорить несчастную женщину что-нибудь съѣсть и переменить одежду. Въ это время въ пещеру вернулась лань, мать молоденькихъ ланей и стала нѣжно ласкаться къ Беритолѣ, что крайне

удивило маркизу. Последняя опять стала ее уговаривать ѣхать домой; послѣ долгихъ увѣщаній она согласилась съ тѣмъ только условіемъ, чтобы ее не разлучали съ ланями.

Нѣсколько дней спустя, подулъ благопріятный вѣтеръ и тогда Беритола вмѣстѣ съ маркизомъ и его супругою сѣла на корабль; взяли также и лань съ ея дѣтьми, почему и сама Беритола была прозвана Кавріолой, т. е. ланью, такъ какъ не все пассажиры корабля знали ея настоящее имя. Вѣтеръ дулъ благопріятный и корабль скоро достигъ устья Магры. Путешественники сошли на землю и прибыли въ замокъ маркиза. Здѣсь супруга Куррадо одѣла Беритолу во вдовье платье, какъ одну изъ дамъ своего штата и та жила скромно и тихо у маркизы, заботясь о своихъ ланяхъ.

Между тѣмъ, корсары захватившіе корабль и пассажировъ на островѣ Понцѣ, прибыли въ Геную и подѣлили между собою захваченную добычу. Между прочимъ одинъ изъ нихъ нѣкто Гаспарино д'Орїа получилъ на свою долю и кормилицу съ обоими дѣтьми Беритолы. Кормилица была отправлена въ домъ Гаспаррино д'Орїа, гдѣ ихъ предназначали для разныхъ мелкихъ услугъ какъ обыкновенныхъ рабовъ. Первое время она приходила въ отчаяніе и громко плакала о постигшей ее и благородныхъ дѣтей горькой участи, но потомъ увидавъ, что слезами не можешь, взялась за умъ и хотя была простой женщиной, но неглупой, и поняла, что если дѣтей узнаютъ, то они могутъ подвергнуться большимъ непріятностямъ. Поэтому кормилица говорила всемъ и каждому, что это ея собственныя дѣти и не рѣшалась открывать ихъ настоящаго званія, пока не наступитъ болѣе благопріятное время. Старшаго сына Беритолы, она переименовала изъ Джусфреди въ Джанотто изъ Прочиды: младшему же она оставила его прежнее имя. Кормилица всячески старалась втолковать мальчику, почему она его переименовала: Джусфреди былъ толковый мальчикъ, скоро смекнулъ, въ чемъ было дѣло, и во всемъ слушался кормилицу.

Такъ жили оба мальчика вмѣстѣ съ кормилицей въ домѣ Гаспаррино: ихъ плохо кормили, одѣвали и обували также плохо и принуждали къ разной грязной работѣ. Между тѣмъ, Джанотто уже исполнилось шестнадцать лѣтъ; онъ возмущался низкимъ положеніемъ холопа и всячески старался выбиться изъ него. Однажды онъ сѣлъ на галеру, которая отправлялась въ Александрію и, такимъ образомъ, разстался со своей службой у Гаспаррино. Юноша перепробовалъ множество занятій, но нигдѣ не могъ выбиться изъ своего унижительнаго положенія. Три или четыре года спустя Джанотто узналъ, что его отецъ еще живъ, но сидитъ въ тюрьмѣ и терпитъ тамъ много лишений. Тогда онъ совершенно отчаялся въ удачѣ и сталъ скитаться по свѣту, пробываясь кое-какъ. Случайно онъ забрелъ въ Луниджану; гдѣ поступилъ на службу къ Куррадо Малеспина; въ то время Джанотто былъ высокимъ, красивымъ молодымъ человѣкомъ; онъ сумѣлъ угодить

маркизу. Изрѣдка онъ видалъ свою мать, но они не узнавали другъ друга, такъ какъ время ихъ совершенно измѣнило.

Пока Джанотто былъ на службѣ у маркиза, одна изъ его дочерей, Спина, овдовѣла; она была замужемъ за Никколо ди Гриньяно и вернулась въ домъ родителей. Молодая вдова была очень красива, ей шелъ всего только семнадцатый годъ. Она обратила вниманіе на Джанотто, а онъ на нее и оба страстно полюбили другъ друга. Немного ихъ любовь оставалась безъ обычныхъ проявленій, но только этого никто не замѣчалъ. Молодые люди стали соблюдать еще меньшую осторожность, чего, конечно, не слѣдовало дѣлать при подобныхъ обстоятельствахъ. Однажды оба влюбленные гуляли по прекрасной рощѣ: молодая вдова



отдѣлилась отъ остальныхъ гуляющихъ и ей показалось, что она далеко ушла отъ нихъ впередъ и расположилась вмѣстѣ со своимъ возлюбленнымъ въ прелестномъ уголкѣ среди травы и цвѣтовъ, окруженныхъ деревьями. Предаваясь излияніямъ взаимной любви, молодые люди не замѣтили, какъ летѣло время и пробыли здѣсь довольно долго. Они были пойманы на мѣстѣ преступленія сначала матерью, а потомъ и самимъ маркизомъ. Послѣдній пришелъ въ такую ярость, что, не говоря ни слова, приказалъ своимъ слугамъ схватить ихъ, связать и отвести въ одинъ изъ своихъ замковъ; самъ же, дрожа отъ гнѣва, отошелъ прочь и порѣшилъ ихъ предать позорной смерти. Хотя и маркиза была возмущена поступкомъ дочери и слуги, но все же старалась всеми силами отворотить своего мужа отъ казни согрѣшившихъ;

она убѣдительно просила его не обагрять рукъ кровью дочери и своего слуги, а лучше ихъ заключить въ тюрьму, чѣмъ совершить надъ ними такую позорную казнь. Слова супруги убѣдили маркиза и онъ перемѣнилъ свое намѣреніе и приказалъ обоимъ виновныхъ заключить въ тюрьму, давать имъ очень мало пищи и заставлять ихъ терпѣть всевозможныя лишенія, пока онъ не распорядится объ ихъ дальнѣйшей участи.

Распоряженіе маркиза было приведено въ исполненіе въ точности; но казалось, маркизъ забылъ о нихъ и думать, такъ какъ прошелъ цѣлый годъ, а онъ ни разу не вспомнилъ о заключенныхъ.

Но въ это время аррагонскій король Пьетро вмѣстѣ съ Джачомъ изъ Прочиды возмутили Сицилію противъ короля Карла и отняли у него островъ. Такъ какъ маркизъ былъ гибеллиномъ, то былъ этимъ очень доволенъ. Между тѣмъ Джанотто, узнавъ объ этомъ событіи отъ одного изъ своихъ стражей, сказалъ:

— Вотъ уже четырнадцать лѣтъ, какъ я скитаюсь по бѣлому свѣту, ожидая настоящей минуты: она, наконецъ, наступила, а я въ тюрьмѣ и, пожалуй, выйду отсюда только мертвымъ!

— Неужели, — отвѣтилъ на это сторожъ — до тебя касается то, что дѣлаютъ великіе короли? Что ты думаешь предпринять въ Сициліи?

— У меня сердце разрывается на части, когда я вспомню, какъ мы жили при отцѣ, а потомъ намъ пришлось бѣжать и бросить все имущество. Тогда я еще былъ очень малъ, но помню то время и мой отецъ, при жизни короля Манфреда, самъ казался мнѣ государемъ.

— А кто былъ твой отецъ? — снова спросилъ Джанотто сторожъ.

— Теперь я смѣло могу открыть имя моего отца; его зовутъ, если онъ живъ, Генрико Капечи, а меня зовутъ Джусфреди, а не Джанотто. Я увѣренъ, что если бы меня выпустили изъ тюрьмы и я вернулся бы въ Сицилію, то занялъ бы тамъ высокое положеніе.

Сторожъ не сталъ болѣе допытываться, и найдя удобный случай, рассказалъ маркизу свой разговоръ съ заключеннымъ. Куррадо, однако, сдѣлалъ видъ, что не обращаетъ на это вниманія. Самъ же отправился къ Беритолѣ и сталъ ее разспрашивать, былъ-ли у нея отъ Генрико сынъ Джусфреди.

Бѣдная женщина расплакалась и сказала, что, если бы ея старшій сынъ, котораго дѣйствительно звали Джусфреди, былъ бы живъ, то ему исполнилось бы 22 года.

Тогда Куррадо убѣдился, что заключенный имъ человекъ и есть именно сынъ Беритолы. Маркизъ подумалъ, что теперь Джусфреди можетъ смыть позоръ съ его дочери, женившись на ней. Онъ велѣлъ привести къ себѣ заключеннаго и сталъ разспрашивать всѣ подробности о его прошлой жизни. Изъ разсказовъ Джанотто маркизъ еще болѣе убѣдился, что это былъ Джусфреди, сынъ Беритолы, и потому сказалъ:

— Джанотто, ты нанесъ мнѣ большое оскорбленіе, посягнувъ на честь моей дочери, другіе предали бы тебя позорной смерти, но я не

могъ этого сдѣлать, такъ какъ мое добросердечіе не допустило меня до этого. Теперь я хочу выдать замужъ за тебя Спину, потому что ты оказался сыномъ благородныхъ родителей. Тебѣ извѣстно, что Спина вдова и за ней было дано хорошее приданое. Теперь я положу конецъ всѣмъ твоимъ страданіямъ и оставляю тебя при себѣ вмѣсто сына.

Хотя тѣло Джузефреди много пострадало отъ лишеній и тяжелой жизни въ тюрьмѣ, но у него остался тотъ-же благородный духъ, которымъ онъ обладалъ отъ рожденія. Онъ страстно любилъ Спину и былъ готовъ соединиться съ ней на вѣки, но величіе его души принудило его высказать все откровенно маркизу и онъ отвѣтилъ:

— Маркизь, я не алченъ и не корыстолюбивъ; ничто не заставитъ меня предательски посягнуть на твою жизнь или на твое имущество. Я страстно люблю Спину и буду ее вѣчно любить; но совершенный мною грѣхъ былъ слѣдствіемъ молодости и увлеченія; если бы старики захотѣли припомнить свою молодость, то не были бы такъ безпощадны къ проступкамъ и увлеченіямъ молодыхъ людей. Повторяю тебѣ, что я безумно люблю Спину и, если бы это было возможно, давно соединился съ нею законнымъ бракомъ, но тебѣ было извѣстно мое положеніе и потому прошу тебя, не обольщай меня тщетной надеждой и не обманывай, а лучше отправь меня опять въ тюрьму и дѣлай со мной, что хочешь; изъ любви къ Спинѣ я всегда буду тебя почитать, какъ родного отца.

Маркизь былъ въ восторгѣ отъ словъ Джузефреди и вполне убѣдился въ его пылкой любви къ дочери; онъ всталъ, обнялъ и расцѣловалъ молодого человѣка и отдалъ приказаніе привести Спину; бѣдная женщина сильно похудѣла въ тюрьмѣ, ослабѣла и едва стояла на ногахъ; она стала теперь совершенно иной, чѣмъ была, да и Джанотто казался также другимъ.

Затѣмъ въ присутствіи Куррадо ихъ повѣнчали: никто еще не зналъ о всемъ происшедшемъ, но маркизь распорядился, чтобы новобрачнымъ доставляли все необходимое и все, что они пожелаютъ. Нѣсколько дней спустя, маркизь подумалъ, что наступило время обрадовать и матерей молодой четы и приказалъ позвать къ себѣ супругу и Беритолу и, обратясь къ послѣдней, сказалъ:

— Что вы сказали бы, почтенная синьора, если бы я возвратилъ вамъ вашего старшаго сына женатымъ на одной изъ моихъ дочерей.

— На это я могу только сказать, — отвѣчала Беритола, — что вы вернули бы мнѣ жизнь и счастье, вы воскресили бы во мнѣ всѣ погибшія надежды, — и бѣдная женщина, горько заплакавъ, замолчала.

Курридо, обратясь къ супругѣ, продолжалъ:

— А что ты скажешь на то, если у тебя будетъ такой же зять?

— Если нашъ зять нравится вамъ, — отвѣчала маркиза, — то будетъ ли онъ не только знатнымъ человѣкомъ, но и какимъ-нибудь проходимцемъ, то понравится и мнѣ.

— Я въ этомъ былъ всегда увѣренъ, — отвѣтилъ Куррадо — но надѣюсь доставить вамъ еще большую радость!

Затѣмъ маркизь отправился къ новобрачнымъ и, увидѣвъ, что они переодѣлись въ роскошные костюмы, сказалъ:

— Тебѣ, Джузефреди, вѣроятно, было бы приятно, чтобы, кромѣ того счастья, которое ты уже получилъ, ты увидѣлъ бы здѣсь твою мать?

— О, это было бы великое счастье! Но неужели моя бѣдная матушка пережила всѣ страданія, которыя выпали ей на долю; если она дѣйствительно жива, то это мнѣ было бы очень приятно, такъ какъ она могла бы дать мнѣ хорошей совѣтъ, какъ восстановить мое положеніе въ Сициліи, не говоря ужъ о томъ, что я несказанно буду счастливъ ее увидѣть послѣ четырнадцатилѣтней разлуки.

Тогда Куррадо приказалъ позвать обѣихъ женщинъ; онѣ обѣ обрадовались такому счастью и благодарили Бога, что Онъ смягчилъ гнѣвъ маркиза на милость, такъ что онъ даже благословилъ Джузефреди на бракъ со Спиной. Беритола, размышляя о словахъ Куррадо, стала вематриваться въ черты лица юноши и дѣйствительно узнала въ немъ сына; она бросилась въ его объятія; отъ волненія не могла выговорить ни слова и лежала безъ чувствъ на груди Джузефреди.

Молодой человѣкъ былъ сильно пораженъ: онъ, дѣйствительно, припомнилъ, что нерѣдко встрѣчалъ эту женщину въ замкѣ, но мало обращалъ на нее вниманія; теперь же, браня себя въ душѣ за свою прежнюю невнимательность, онъ сталъ цѣловать со слезами на глазахъ безчувственную Беритолу. Маркиза и Спина стали прыскать водой въ лицо Беритолы, давали ей нюхать спиртъ и, наконецъ, она открыла глаза. Припомнивъ все происшедшее съ нею, она опять стала цѣловать сына и называть его самыми нѣжными именами. Молодой человѣкъ нѣжно отвѣчалъ на ласки матери, и поцѣлуямъ и объятіямъ не было конца.

Эта трогательная сцена свиданія матери съ сыномъ произвела сильное впечатлѣніе на присутствующихъ. Затѣмъ Беритола рассказала сыну о всѣхъ своихъ приключеніяхъ, а онъ ей о своихъ. Маркизь объявилъ всѣмъ своимъ друзьямъ о своемъ новомъ родствѣ съ Беритолою и сдѣлалъ распоряженіе приготовить торжественный ширъ.

При этомъ Джузефреди обратился къ маркизу и сказалъ:

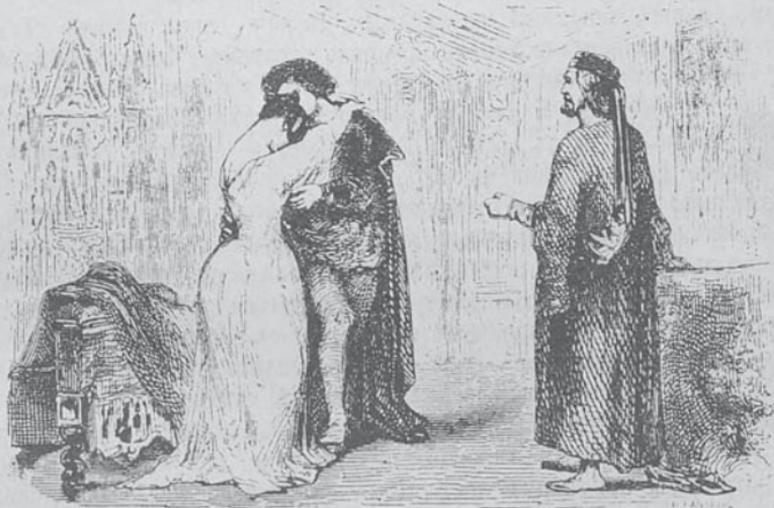
— Куррадо! вы много сдѣлали для меня и для моей матери, о которой вы заботились столько лѣтъ, какъ о родной сестрѣ. Теперь прощу васъ, довершите ваши благодѣянія и верните сюда также моего бѣднаго брата, который живетъ у Гаспарино д'Орѳа въ Генуѣ, въ качествѣ слуги; ему живется тамъ тяжело, и моя радость не можетъ быть полной, если я не буду видѣть моего брата свободнымъ. Еще прощу васъ, пошлите кого-нибудь изъ довѣренныхъ лицъ разузнать обо всемъ, что происходитъ въ Сициліи и живъ-ли мой отецъ Генрико.

Маркизь пришелъ въ восторгъ отъ словъ Джузефреди, онъ вполне понималъ мысли и чувства юноши. Великодушный Куррадо послалъ гонца въ Геную къ Гаспарино д'Орѳа и довѣренныхъ лицъ въ Сицилію.

Гонецъ, прибывшій въ Геную, тотчасъ отправился къ Гаспарино д'Орiа. Тотъ принялъ его очень любезно и сказалъ:

Я сдѣлаю для Куррадо все, что ему угодно и пошлю ему мальчика и его мать, которые уже четырнадцать лѣтъ живутъ у меня въ домѣ, но скажи отъ меня маркизу, что я ему не совѣтую довѣряться Джанотто, потому что это человѣкъ живой и порочный.

Послѣ того Гаспарино велѣлъ тайно позвать кормилицу и сталъ ее спрашивать обо всемъ относительно обоихъ мальчиковъ. Эта добрая женщина, видя, что уже скрывать больше нечего, рассказала откровенно все, что знала о судьбѣ Джусфреди и своего питомца. Гаспарино, какъ хитрый человѣкъ, задавалъ ей вопросы на разные лады и, въ концѣ концовъ, убѣдившись, что кормилица говоритъ правду, устыдился того, что такъ дурно обращался съ мальчикомъ. Чтобы наградить



его за все предыдущія лишенія, онъ женилъ его на одной изъ своихъ хорошенькихъ дочерей. По поводу свадьбы Гаспарино сдѣлалъ торжественный пиръ, послѣ котораго молодой, молодая, кормилица и самъ онъ съѣли на хорошо вооруженную галеру и отправились въ Леричи, гдѣ ихъ встрѣтилъ Куррадо, а оттуда все вмѣстѣ поѣхали въ замокъ маркиза, гдѣ ихъ ожидалъ новый праздникъ.

Прелестныя сеньоры, вы можете себѣ представить радость матери при свиданіи съ ея сыновьями, удовольствіе обоихъ братьевъ, матери и старшаго сына при видѣ вѣрной кормилицы и самого маркиза, который былъ виновникомъ счастья всѣхъ этихъ людей.

Къ довершенію благополучія явились посланные изъ Сициліи; во время самаго торжества они вошли въ залу и заявили, что Генрико живъ, здоровъ и занимаетъ почетное мѣсто въ государствѣ. Онъ былъ

брошенъ въ тюрьму королемъ Карломъ, гдѣ томился долгое время. Но въ Сицилиі произошло возстаніе; народъ бросился къ тюрьмѣ, перебилъ всѣхъ стражей, освободилъ заключенныхъ, а Генрико провозгласилъ главнымъ вождемъ; подъ предводительствомъ послѣдняго началось преслѣдованіе французовъ. За это онъ попалъ въ большую милость къ королю Пьетро; ему было возвращено все его имущество и почетные титулы.

Посланный прибавилъ, что Генрико его принялъ очень ласково и былъ очень доволенъ, что получилъ извѣщеніе о сынѣ и о женѣ, о которыхъ ничего не зналъ со дня своего ареста. Онъ посылаетъ за ними легкое судно съ нѣсколькими дворянами, которые скоро прѣдутъ. Услыхавъ объ этомъ, маркизъ Куррадо отправился съ нѣсколькими лицами навстрѣчу дворянамъ, встрѣтилъ ихъ очень радушно и проводилъ въ замокъ на торжество, которое было въ полномъ разгарѣ.

Беритола, Джузефреди и всѣ остальные встрѣтили дворянъ съ восторгомъ, какого эти люди не ожидали. Дворяне, прежде, чѣмъ сѣсть за столъ, поблагодарили отъ имени Генрико хозяевъ замка, жену и сыновей своего вождя. Они поблагодарили также маркиза за все, что онъ сдѣлалъ для Беритолы и для Джузефреди. Потомъ, обратившись къ Гаспарино, который счелъ это за неожиданную милость, сказали, что лишь только Генрико узнаетъ обо всемъ, что бывший господинъ Скаччато для него сдѣлалъ, то отвѣтитъ на это еще большею благодарностью.

Много дней кряду пировали родные и друзья въ замкѣ маркиза; несчетно разъ поздравляли новобрачныхъ и желали имъ всякаго благополучія, но, наконецъ, наступило время и отправляться въ Сицилію. Беритола и Джузефреди пролили не мало слезъ, прощаясь съ маркизомъ, его супругой и Гаспарино и, наконецъ, сѣли съ дворянами на судно, присланное Генрико. Спина также послѣдовала за своимъ мужемъ.

Судно вышло въ море; дулъ благоприятный вѣтеръ и вся компанія скоро достигла береговъ Сициліи. Въ Палермо всѣ синьоры и юноши были встрѣчены съ такимъ восторгомъ, который не поддается никакому описанію. Генрико нѣжно обнялъ и поцѣловалъ жену, обоихъ сыновей и ихъ юныхъ женъ; онъ уже потерялъ надежду увидѣть Беритолу и сыновей живыми.

Такъ милосердый Господь положилъ конецъ ихъ страданіямъ; всѣ они жили счастливо и, какъ люди благочестивые и признательные, никогда не забывали Всевышняго.





Новелла VII.

Алатъель или нареченная короля Дель-Гарбо.

Султанъ Вавилонскій отправляетъ одну изъ своихъ дочерей въ замужество къ королю дель-Гарбо. Вслѣдствіе различныхъ приключеній въ пути она проходитъ черезъ руки девяти мужчинъ въ разныхъ областяхъ. Затѣмъ она возвращается къ отцу, какъ дѣвица, и первоначальному плану опять ѣдетъ къ королю дель-Гарбо и выходитъ за него замужъ.

Если бы новелла о несчастіяхъ Беритолы протлилась еще нѣсколько времени, то горестная участь этой женщины вызвала бы слезы на глазахъ нашихъ молодыхъ синьоръ и юношей. Такъ какъ новелла была окончена, то королева выразила желаніе, чтобы Панфило рассказывалъ дальше. Это былъ человѣкъ стоворчивый и поэтому тотчасъ началъ:

Никто изъ васъ, прелестныя синьоры, никогда не можетъ угадать, что клонится къ нашей пользѣ и что нѣтъ; такъ, намъ нѣрѣдко случается видѣть, что многіе воображаютъ, будто только богатство можетъ имъ дать счастье; эти люди стремятся къ нему всеми силами своей души, несмотря на все труды и опасности. Но лишь только они достигнуть богатства, какъ находятся злодѣи, которые, завидуя благосостоянію ближняго, даже посягаютъ на его жизнь. Другіе настолько честолюбивы, что происходя изъ низкаго званія стремятся къ почестямъ и славы и даже для этого не стыдятся обогрять руки кровью своихъ ближнихъ, друзей и даже родныхъ, чтобы достигнуть королевскаго трона; они не понимаютъ, что жизнь сильныхъ міра сего полна заботъ и опасностей и что часто изъ золотого кубка за столомъ такіе люди пьютъ ядъ. Есть еще и другіе, которые стремятся къ обладанію тѣлесной силой или красотой, мечтаютъ о вѣнскихъ украшеніяхъ, но въ концѣ концовъ приходятъ къ тому убѣжденію, что ихъ стремленія совершенно неправильны и влекутъ за собою или смерть или страдальческую жизнь. Не стану болѣе говорить о всѣхъ людскихъ стремленіяхъ и желаніяхъ, но только могу положительно сказать, что нѣтъ ни одного изъ этихъ стремленій, которое было бы оград-

дено отъ страданій, поэтому слѣдуетъ вѣрить въ Бога, который знаетъ, что для насъ лучше и что можетъ насъ повести ко благу, и всегда надѣяться на Его милость. Обыкновенно мужчины грѣшатъ желаніемъ обладать различными благами, а вы, милыя синьоры, никогда не довольствуетесь данною вамъ отъ Бога природною красотою, а придумываете для себя еще и искусственныя украшенія. Поэтому я расскажу вамъ про одну сарацинку, которая отличалась дивною красотою и ради этой красоты ей, въ теченіе четырехъ лѣтъ, пришлось справиться девять свидѣбъ.

Въ Вавилоніи жилъ былъ одинъ султанъ по имени Беминедабъ; ему многое въ жизни удавалось. У него было много дѣтей, но изъ всѣхъ мальчиковъ и дѣвочекъ самая красивая была Алатель; она слыла самую красивую женщиною въ мірѣ; всякій, кто ее видѣлъ, приходилъ въ восхищеніе. На султана напали какъ-то арабы; ему оказалъ помощь король дель-Гарбо и онъ отогналъ арабовъ; въ видъ особой награды онъ попросилъ у султана его красавицу-дочь себѣ въ жены. Послѣдній согласился на это. вмѣстѣ съ большою свитою, состоящею изъ мужчинъ и женщинъ, со всѣми своими драгоценностями дочь султана была отпавлена къ королю дель-Гарбо; ее посадили на хорошее судно, прекрасно оснащенное; вѣтеръ дулъ благопріятный и они пустились въ море. Сначала погода имъ благопріятствовала и путники уже миновали Сардинію и надѣялись скоро причалить къ цѣли ихъ пути; но вдругъ поднялся сильный порывистый вѣтеръ, судно качало во всѣ стороны, какъ орѣховую скорлупу; но корабельщики, какъ опытные люди искусно боролись съ необъятною пучиной. Эти порывистые вѣтры длились двое сутокъ. На третью ночь разыгралась сильная буря, такъ что корабельщики не могли даже опредѣлить мѣста, гдѣ они теперь находятся ни на глазъ, ни морскимъ способомъ. Небо было покрыто тучами и господствовалъ сильный мракъ, точно въ полночь. Судно было уже за Маіоркой, какъ корабельщики замѣтили, что оно дало течь. Тогда спустили на море шлюпку, думая, что въ ней можно будетъ скорѣе спастись, чѣмъ на суднѣ. Въ лодку сѣли сначала хозяева, а потомъ за ними послѣдовали и всѣ остальные; сѣвшіе уже въ лодку отгоняли многихъ ножами; но всякій думалъ о своемъ спасеніи. Лодку качало изъ стороны въ сторону и такъ какъ въ ней оказалось слишкомъ много народу, то она пошла ко дну и всѣ бывшіе въ ней путешественники погибли. Между тѣмъ, корабль неся по морю съ такою ужасающею быстротою, какую рѣшительно нельзя себѣ представить. Нареченная невѣста лежала въ безпамятствѣ на кораблѣ вмѣстѣ со своими прислужницами; наконецъ, судно врѣзалось въ песчаный берегъ острова Маіорки и остановилось. Оно врѣзалось такъ глубоко въ землю, что несмотря на сильную качку оставалось на мѣстѣ. Завялся день; Алатель очнулась первая и оглядѣлась кругомъ, но кромѣ распростертыхъ женщинъ, не

видала никого. Она стала звать на помощь, но отвѣта никакого не было. Тогда невѣста, ослабѣвшая отъ перенесеннаго ею потрясенія и еле державшаяся на ногахъ, встала и начала толкать своихъ прислужницъ; но нѣкоторые изъ нихъ не шевелились, такъ какъ уже умерли, другія же были въ безпамяствѣ. Несчастливая не знала, что дѣлать и откуда ждать помощи. Наконецъ, она такъ тормозила нѣкоторыхъ прислужницъ, которыя остались живы, что тѣ начали подниматься. Никто изъ бывшихъ на суднѣ женщинъ не могъ себѣ представить, куда дѣвались всѣ мужчины. Былъ уже девятый часъ утра; всѣ, оставшіеся въ живыхъ женщины, собрались у носа судна и горько плакали. Въ это время возвращался изъ своего помѣстья одинъ дворянинъ, по имени Периконе да-Визальчо въ сопровожденіи своихъ слугъ, ѣхавшихъ верхами. Уви-



давъ судно, врѣзавшееся въ землю, онъ понялъ, въ чемъ дѣло, и послалъ одного изъ сопровождавшихъ его слугъ помотрѣть, нѣтъ-ли кого на суднѣ. Слуга съ трудомъ взобрался на корабль, наполненный водою, и увидѣлъ у носа нѣсколько пріотившихся женщинъ, которыя горько плакали. Увидавъ слугу, они стали рассказывать о постигшемъ ихъ несчастіи, но тотъ ничего не понималъ: тогда онъ старался объяснить съ нимъ знаками.

Слуга отправился обратно къ своему господину и доложилъ, что на суднѣ онъ видѣлъ только однѣхъ женщинъ, изъ которыхъ одна отличается дивною красотою. Тогда Периконе послалъ всѣхъ своихъ слугъ, чтобы тѣ захватили бы всѣхъ женщинъ и драгоценныя вещи, которыя тамъ найдутся. Периконе захватилъ и женщинъ и драгоценности съ

собою и отправился со своей добычей въ замокъ. Здѣсь невѣста и ея прислужницы подкрѣпили себя пищею и отдыхомъ, а Периконе убѣдился, что найденная имъ женщина была знатнаго рода, такъ какъ всѣ остальные обращались съ ней съ большимъ почетомъ. Алатъель побѣднѣла и подурнѣла во время пути, но все еще была прекрасна. Периконе порѣшилъ, что если она не замужемъ, то онъ на ней женится, а если она не можетъ стать его супругой, то сдѣлаетъ изъ нея возлюбленную. Периконе имѣлъ мужественный видъ и отличался большою силою. Прошло нѣсколько дней; въ теченіе этого времени Алатъель ѣла и пила очень хорошо и ей угождали во всемъ; невѣста опять похорошѣла и расцвѣла; Периконе скорбѣлъ только о томъ, что она не могла бесѣдовать съ нимъ, такъ какъ не понимала его языка; и онъ не могъ даже узнать, кто она такая; но влюбленный старался всевозможными ласками и жестами доказать ей свою любовь; молодая дѣвушка упорно отказывалась отъ сближенія съ нимъ. Между тѣмъ страсть Периконе къ красавицѣ разгоралась съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе. Однако, Алатъель догадалась по совершаемымъ обрядамъ, что находится среди христіанъ и не хотѣла открывать своего происхожденія. Бѣдная дѣвушка, однако, пришла къ тому заключенію, что рано или поздно, силой или по любви ей придется отдаться Периконе. Она позвала своихъ прислужницъ, изъ которыхъ при ней осталось только три и приказала имъ никому не открывать, кто она такая, развѣ если только случайно явится откуда нибудь какая либо помощь. Кромѣ того, она убѣждала ихъ хранить дѣвство и сказала, что и сама никому не отдастся кромѣ мужа. Прислужницы восхваляли свою повелительницу и обѣщали въ точности исполнить ея приказаніе.

Между тѣмъ Периконе все болѣе и болѣе разгорался страстью. Чѣмъ чаще онъ видѣлъ Алатъель, тѣмъ все болѣе онъ желалъ обладать ею. Тогда онъ порѣшилъ пустить въ ходъ хитрость. Устроивъ однажды большое торжество, на которомъ присутствовала и Алатъель, онъ замѣтилъ, что предметъ его страсти, эта дивная красавица, пристрастилась къ вину, хотя и избѣгала его, такъ какъ это запрещено ея закономъ. Устроивъ торжество, Периконе приказалъ слугамъ подносить Алатъель смѣшанное вино, которое ей очень понравилось, и она съ удовольствіемъ его пила. Вино придало веселость красавицѣ и видя, что другія женщины танцуютъ по обычаю Маіорки, она также пустилась въ танцы на александрійскій манеръ. Тогда Периконе подумалъ, что близко то время, когда Алатъель удовлетворитъ его страстнымъ желаніямъ; пиръ продолжался далеко за полночь и красавица все болѣе и болѣе пила смѣшаннаго вина.

Наконецъ всѣ гости развѣхались и онъ отправился въ свою комнату съ одною Алатъель. Красавица была до такой степени разгорячена виномъ, что забыла всякое приличіе, раздѣлась при Периконе безъ всякаго стѣсненія и легла въ постель, куда за нею послѣдовалъ и самъ хозяинъ....

Но судьба начала жестоко преслѣдовать несчастную Алатель, которая вмѣсто королевской супруги сдѣлалась возлюбленной вассала. Но этимъ страданія красавицы не кончились. У Периконе былъ братъ лѣтъ 25-ти, румяный юноша, которому также понравилась Алатель, и онъ воспылалъ къ ней сильною страстью. Изъ ея знаковъ онъ понялъ, что



и онъ ей также правится, но она не можетъ съ нимъ сблизиться только потому, что находится подъ строгой охраной, которую устроилъ надъ нею Периконе. Тогда Марато сталъ придумывать, какъ бы устроить это дѣло. Случай ему благоприятствовалъ. Въ это время въ гавани стоялъ

корабль, нагруженный разными товарами и уже готовый къ отплытію въ Бьяренцу въ Романіи. Это судно принадлежало двумъ молодымъ генуэзцамъ; они ожидали только попутнаго вѣтра. Марато, такъ звали брата Периконе, условился съ хозяевами судна, чтобы тѣ пріютили его на своемъ кораблѣ на слѣдующую ночь вмѣстѣ съ одной синьорой. Уладивъ все это, онъ проникъ въ жилище Периконе вмѣстѣ со своими товарищами и дождался тамъ наступленія ночи. Периконе ничего не подозрѣвалъ объ этомъ и спокойно легъ спать съ Алатъель въ своей комнатѣ. Когда наступила полночь, довѣренныя товарищи Марато, вмѣстѣ съ нимъ, вошли тихонько въ комнату, гдѣ почивали влюбленные, убили Периконе, разбудили Алатъель и ей угрожали также смертью, если красавица не послѣдуетъ за ними. Бѣдная женщина вся въ слезахъ позволила себя унести изъ замка на берегъ моря вмѣстѣ съ нѣкоторыми драгоценными вещами Периконе. Марато съѣлъ со своей дамой на корабль, а его товарищи вернулись домой. Алатъель очень плакала о Периконе, но Марато такъ ее утѣшалъ, что она скоро развеселилась, забывая о своемъ горѣ и совершенно отдалась ласкамъ Марато.

Между тѣмъ оба молодые судохозяева, увидѣвъ Алатъель, влюбились въ нее до безумія. Конечно, кому могла не понравиться такая дивная красавица. Оба брата порѣшили вмѣстѣ обладать этою женщиною поочередно, какъ будто можно было дѣлать раздѣлъ въ любви, словно это кака-нибудь добыча. Только молодые люди не знали, какимъ образомъ имъ отдѣлаться отъ Марато, который неусыпно слѣдилъ за дамой своего сердца, хотя и не имѣлъ никакого подозрѣнія относительно молодыхъ судохозяевъ, несмотря на то, что тѣ всегда были любезны съ Алатъель и старались всѣми силами ей угодить. Однажды судно мчалось на вѣсѣхъ парусахъ, а Марато стоялъ на кормѣ и смотрѣлъ на море. Судохозяева осторожно подкрались къ нему сзади и выбросили его въ воду. Судно продолжало мчаться на вѣсѣхъ парусахъ и сначала никто не замѣтилъ исчезновенія молодого человѣка, но когда корабль отплылъ на одну милю, то Алатъель хватилась Марато, нигдѣ не могла его найти и пришла въ отчаяніе, когда ей сказали, что онъ упалъ въ воду. Молодые судохозяева принялись ее утѣшать и успокаивать, но она не столько плакала о погибшемъ Марато, сколько о своей несчастной судьбѣ.

Послѣ долгихъ утѣшеній, судохозяевамъ показалось, что Алатъель пришла немного въ себя и они стали между собою спорить, кому первому вести красавицу къ себѣ. Каждому хотѣлось быть первому. Вслѣдствіе этого, произошелъ споръ и, наконецъ, они схватились за ножи: одинъ изъ нихъ палъ мертвымъ, а другой лежалъ тяжело израненный. Алатъель опасалась, чтобы родные судохозяевъ не стали бы ее преслѣдовать, но просьбы раненаго избавили ее отъ преслѣдованія. Судно уже пришло въ Бьяренцу и она сошла вмѣстѣ съ раненымъ на берегъ и поселилась вмѣстѣ съ нимъ въ одной гостиницѣ.

Конечно, по городу скоро разнеслась вѣсть о дивной красотѣ Алатъель и это дошло до принца Морейскаго, который какъ разъ былъ въ это время въ городѣ; онъ захотѣлъ видѣть это чудо и Алатъель показала ему еще прекраснѣе: онъ влюбился въ нее до безумія и искалъ только случая овладѣть красавицею. Къ этому скоро представился удобный случай: родственники судохозяина провѣдали, въ чемъ было дѣло, и отправили Алатъель къ принцу. Это было ему очень приятно, а красавица думала, что избѣжала большой опасности.

Принцъ былъ въ восторгѣ отъ Алатъель, потому что она обладала царственной граціею и хорошими манерами; онъ не зналъ дѣйствительно, кто она такая, но видѣлъ, что она принадлежала къ знатному роду, и еще болѣе полюбилъ ее. Принцъ оказывалъ большой почетъ красавицѣ



и она чувствовала себя хорошо и еще болѣе похорошѣла, такъ что слава о ея красотѣ разлетѣлась по всей Романи.

Герцогъ Авинскій, родственникъ принца, услышавъ о такомъ чудѣ, пожелалъ ее видѣть. Подъ предлогомъ, что хочетъ видѣть принца, какъ онъ это часто дѣлалъ, пріѣхалъ въ Бьяренцу съ блестящей и многочисленной свитой. Принцъ радушно принялъ герцога.

Нѣсколько дней спустя, герцогъ завелъ разговоръ объ Алатъель и спросилъ: правда ли, что дѣвушка такъ хороша, какъ о ней говорятъ.

— Совершенная правда, — отвѣчалъ принцъ, — я хочу, чтобы ты убѣдился въ этомъ твоими собственными глазами.

Герцогъ и самъ очень этого желалъ, и они вмѣстѣ отправились къ Алатъель. Красавица совершенно обворожила герцога; они посадили ее

между собою, но не могли наслаждаться ея бесѣдою, потому что она не понимала ихъ языка, такъ что они смотрѣли на нее, какъ на великое чудо. Герцогъ считалъ принца счастливѣйшимъ изъ смертныхъ, что онъ обладалъ такимъ сокровищемъ. Уѣхавъ отъ Алатъель вмѣстѣ съ принцемъ, онъ все время думалъ о красавицѣ. Она внушила ему такую сильную страсть, что онъ былъ не въ состояніи совладать съ собою и только о томъ и думалъ, какъ бы обладать Алатъелью. Онъ забылъ всякую порядочность и рѣшился на гнусный обманъ, лишь бы только достигнуть своихъ низкихъ желаній. Онъ вошелъ въ соглашеніе съ однимъ изъ довѣренныхъ слугъ принца, по имени Чурьяччи. Герцогъ тайнымъ образомъ распорядился приготовить своихъ лошадей и все прочее для отъѣзда. Когда настала ночь, герцогъ, вмѣстѣ со своимъ слугою, при помощи Чурьяччи, пробрались въ комнату принца съ оружіемъ въ рукахъ; они увидѣли, что принцъ совершенно нагой стоитъ у окна вслѣдствіе сильной жары и освѣжается вѣтеркомъ, дувшимъ съ моря. Оба сообщника, сговорившись обо всемъ, подкрались тихонько сзади къ принцу и ударили его ножомъ въ поясицу, который прошелъ насквозь, потомъ злодѣи схватили принца и бросили его изъ окна, подъ которымъ бушевало море; изъ замка виднѣлось только нѣсколько хижинъ, разрушенныхъ приливомъ; паденіе принца никто не замѣтилъ, потому что замокъ былъ очень высокъ и стоялъ надъ моремъ.

Тогда слуга герцога взялъ веревку и, дѣлая видъ, что ласкаетъ Чурьяччи, накинулъ ее послѣднему на шею и затянулъ такъ, что Чурьяччи не могъ вымолвить ни слова. Въ это время подошѣлъ герцогъ и задушилъ Чурьяччи, котораго они также бросили за окно.

Герцогъ же подошелъ къ спавшей Алатъель, раскрылъ одѣяло и сталъ ею любоваться. Безъ одѣянія она показалась ему еще прекраснѣе, чѣмъ въ одеждѣ; онъ осыпалъ ее похвалами; герцогъ не остановился ни передъ чѣмъ и съ руками, обогранными еще кровью, легъ подлѣ Алатъель, она, полусонная, думала, что это принцъ, и отдалась ему со всѣмъ жаромъ своей молодой души.

Спустя нѣсколько времени, герцогъ всталъ, велѣлъ позвать еще слугъ и тѣ такъ схватили Алатъель, что она была не въ состояніи произвести ни малѣйшаго шума, и вынесли ее черезъ потайную дверь, изъ которой пробрался герцогъ. Красавицу посадили на лошадь и осторожно отправились въ путь. Но такъ какъ герцогъ былъ женатъ, то ему пришлось помѣстить похищенную имъ красавицу въ одномъ изъ своихъ приморскихъ имѣній. Герцогъ распорядился, чтобы Алатъель ни въ чемъ не нуждалась и чтобы ей служили хорошо и исполняли всѣ ея желанія.

На другой день придворные, прождавъ принца до девяти часовъ утра, рѣшились, наконецъ, войти къ нему въ комнату, дверь которой оказалась не запертою, а только прикрытою. Придворные не нашли въ комнатѣ никого и думали, что принцъ отправился прогуляться или поѣхалъ куда-нибудь провести нѣсколько дней въ свое полное удовольствіе вмѣстѣ со

Самъ же онъ сѣлъ на судно и, не отходя отъ бывшей въ слезахъ Алатыли, старался ее утѣшить. Судно быстро полетѣло, такъ что на слѣдующій день къ вечеру оно уже подошло къ Эгинѣ. Тутъ они расположились на отдыхъ, а Константинъ овладѣлъ женщиной, которая не переставала плакать и проклинать свою несчастную красоту.

Отдохнувъ, путешественники опять сѣли въ шлюпку и шли также быстро, какъ и прежде, такъ что черезъ нѣсколько дней они прибыли въ Хиосъ: здѣсь Константинъ задумалъ остановиться, такъ какъ считалъ это мѣсто совершенно безопаснымъ, тѣмъ болѣе, что опасался упрековъ отца и боялся его гнѣва. Алатыль долго оплакивала свою судьбу, но, наконецъ, нашла утѣшеніе въ ласкахъ Константина и примирилась со своею участью, какъ это случалось и прежде.

Между тѣмъ, турецкій король Узбекъ, который постоянно велъ войну съ императоромъ, прѣхалъ въ это время въ Смирну. Тутъ до него дошелъ слухъ, что Константинъ находится на островѣ Хиосъ, ведетъ безнравственную жизнь съ одной красавицей и живетъ тамъ безъ всякой охраны. Узбекъ поѣхалъ туда и ночью вмѣстѣ съ воинами высадился на берегъ; онъ перехватилъ многихъ сонными въ постели, а тѣхъ, которые проснулись и схватились за оружіе, убилъ: всю область предалъ огню, нагрузилъ добычею суда и вернулся обратно въ Смирну.

Узбекъ былъ еще молодой человекъ и въ числѣ разной добычи увидѣлъ красавицу, которая была захвачена сонною въ постели вмѣстѣ съ Константиномъ. Турецкій король плѣнился красотой Алатыли, взялъ ее себѣ въ жены, сыгралъ свадьбу и прожилъ съ нею нѣсколько мѣсяцевъ.

Передъ этимъ событіемъ императоръ заключилъ трактатъ съ королемъ капшадокійскимъ, Базаномъ, требуя отъ него, чтобы тотъ сдѣлалъ нападеніе съ частью своихъ войскъ на Узбека, а самъ онъ будетъ атаковать его съ противоположной стороны. Но императоръ и король не могли долго придти къ окончательному соглашенію, потому что Базанъ предъявлялъ такія требованія, на которыя императоръ не могъ согласиться. Но лишь только императоръ узналъ о всемъ случившемся съ Константиномъ, то огорчился до такой степени, что тотчасъ же согласился на всѣ требованія Базана, прося его атаковать Узбека, а самъ сдѣлалъ на него нападеніе съ другой стороны.

Услышавъ объ этомъ, Узбекъ стянулъ всѣ свои войска, чтобы они не были разрѣзаны на двѣ части войсками такихъ могущественныхъ монарховъ, и пошелъ противъ Базана, оставивъ Алатыль въ Смирнѣ, поручивъ охрану красавицы своему вѣрному слугѣ. Черезъ нѣсколько времени онъ встрѣтился съ войсками Базана, былъ разбитъ и самъ вступилъ въ бою, а его войска разбѣжались. Базанъ, какъ побѣдитель, вступилъ въ Смирну; всѣ покорились ему, какъ королю, одержавшему побѣду.

Между тѣмъ, Алатыль находилась подъ охраною Антиоха, подданнаго Узбека. Это былъ уже человекъ старый, но и онъ не устоялъ

противъ дивной красоты этой женщины, избѣнилъ своему государю и влюбился въ нее до безумія. Онъ зналъ ея языкъ, чему Алатъель была очень рада, такъ какъ долгое время была обречена на молчаніе, потому что ни она никого не понимала, а также и ея языка никто не зналъ. Алатъель болтала безъ умолку, и старый Антіохъ восхищался ею еще болѣе; несмотря на то, что въ это время Узбекъ рисковалъ своею жизнью, сражаясь съ войсками Базана, Антіохъ вступилъ въ связь съ Алатъелью.

Наконецъ, пронесся слухъ, что Узбекъ убитъ въ сраженіи, а Базанъ идетъ съ войскомъ, разоряя все по пути. Тогда Антіохъ и Алатъель порѣшили не дожидаться появленія Базана, а, захвативъ съ собою, бывшее при нихъ имущество, тайно убѣжали на островъ Родосъ. Но



тутъ имъ пришлось недолго жить вмѣстѣ. Антіохъ заболѣлъ и почувствовалъ приближеніе смерти. Но къ счастью, въ это время заѣхалъ на островъ Родосъ одинъ кипрскій купецъ, другъ Антіоха. Послѣдній пожелалъ передать этому купцу и все имущество и свою возлюбленную. Передъ кончиною онъ позвалъ обоихъ къ себѣ и сказалъ имъ слѣдующее:

— Я чувствую, что часы мои сочтены и что долженъ скоро покинуть этотъ міръ; мнѣ это очень горько, такъ какъ я никогда въ жизни такъ не наслаждался, какъ теперь. Хорошо еще, что мнѣ приходится умереть на твоихъ

рукахъ, мой дорогой другъ, и на рукахъ этой женщины, которую я любилъ больше самого себя. Оставляю, мой дорогой другъ, тебѣ все мое имущество и Алатъель; она останется здѣсь одна безъ родныхъ и друзей, на чужой сторонѣ; не оставь ее своими заботами и добрыми совѣтами и это успокоитъ мою душу; заклинаю тебя, исполни мое желаніе и я умру утѣшеннымъ. А ты, Алатъель, прошу тебя, не забывай меня и послѣ кончины; я и послѣ смерти, на томъ свѣтѣ, буду помнить о томъ, что меня любила самая красивая изъ женщинъ, какая только существовала въ мірѣ. Если вы оба исполните мое предсмертное желаніе, то я умру спокойно.

Красавица и купецъ много плакали у смертнаго одра Антиоха и дали ему обѣщаніе исполнить его послѣднюю волю, если только ему суждено умереть, но, быть можетъ, онъ еще поправится отъ болѣзни и опять будетъ бодръ и счастливъ. Но Антиохъ вскорѣ умеръ и его похоронили съ большимъ почетомъ.

Когда купецъ окончилъ все свои дѣла на островѣ Родосѣ, то задумалъ вернуться домой на одномъ каталонскомъ суднѣ, которое стояло въ гавани. Передъ отъѣздомъ онъ обратился къ Алатель съ вопросомъ, хочетъ-ли она ѣхать съ нимъ на островъ Кипръ и удобно-ли ей это будетъ? Красавица отвѣчала, что она побѣдетъ съ нимъ куда угодно, если онъ ей обѣщаетъ, что изъ любви къ Антиоху станеть съ ней обращаться хорошо и будетъ смотрѣть на нее, какъ на сестру. Купецъ отвѣчалъ на это, что онъ исполнить все ея желанія, но чтобы ей не нанесли какой-нибудь обиды, онъ будетъ выдавать ее за свою жену.

Когда они сѣли на судно, то имъ отвели на кормѣ небольшую каютку, которую имъ пришлось занять вмѣстѣ, чтобы показать видъ, что они дѣйствительно мужъ и жена. Но здѣсь, лежа на узкой постели, окруженные мракомъ, возбуждаемые теплотою и уютностью ложа, они бросились другъ къ другу въ объятія, чего у нихъ ранѣе вовсе и не было въ мысляхъ; ихъ влекла другъ къ другу какая-то невѣдомая сила и заставила куща забыть о своей дружбѣ къ покойному Антиоху. Еще они и не прибыли въ Бафору, откуда былъ купецъ родомъ, какъ уже были очень близки другъ къ другу.

По пріѣздѣ въ Бафору Алатель долгое время жила съ кущомъ.

Какъ-то туда пріѣхалъ одинъ дворянинъ, по имени Антигонъ, по какому-то дѣлу. Это былъ пожилой человѣкъ, но очень умный; онъ былъ очень бѣденъ, потому что въ жизни ему не везло; хотя онъ и принималъ большое участіе въ дѣлахъ кипрекаго короля, но часто терпѣлъ неудачи. Какъ-то въ Бафорѣ Антигонъ проходилъ мимо дома, въ которомъ жила Алатель и пристально сталъ смотрѣть на красавицу, стараясь припомнить, гдѣ бы онъ могъ ее видѣть, но память измѣнила ему и онъ никакъ не могъ припомнить. Но у красавицы память была гораздо лучше и, увидѣвъ Антигона въ окно, она тотчасъ вспомнила, что этотъ человѣкъ находился на службѣ у ея отца и занималъ видную должность. Припомнивъ это, она, такъ какъ купецъ былъ въ это время въ Арменіи, велѣла позвать къ себѣ Антигона и, когда тотъ пришелъ, спросила, не онъ ли Антигонъ изъ Фамагосты. Онъ отвѣчалъ, что его дѣйствительно такъ зовутъ и что онъ изъ Фамагосты.

— Мнѣ тоже кажется, что я васъ когда-то видѣлъ, только не могу припомнить гдѣ?

Тогда Алатель бросилась къ нему на шею и плача въ отвѣтъ на его изумленіе, спросила, не видѣлъ-ли онъ ее въ Александріи?

Тутъ, Антигонъ тотчасъ узналъ въ ней Алатель, дочь султана, которую считали, погибшей въ морѣ. Антигонъ хотѣлъ оказать почтеніе,

подобающее ей сану, но красавица не допустила этого, а стала просить его посидѣть немного съ ней. Антигонъ началъ почтительно расспрашивать ее, какимъ образомъ она очутилась въ Бафоръ и что съ ней приключилось въ пути и сообщилъ ей что по всей египетской земли распространился слухъ, будто дочь султана погибла во время бури и всѣ считали ее мертвою.

На это Алатъель отвѣчала:

— Я желала бы лучше умереть, чѣмъ вести такую жизнь, какую я вела, и думаю, что и мой отецъ, если бы узналъ о моей жизни, то сказалъ бы тоже самое.

Сказавъ это, Алатъель опять зарыдала. Тогда Антигонъ сталъ утѣшать дѣвушку и замѣтилъ ей:

— Не печальтесь такъ, ради Бога! Если вы довѣритесь мнѣ и скажете все, что съ вами приключилось, быть можетъ, мы найдемъ средство, чтобы получить за все должное возмездіе.

— Антигонъ, — начала дѣвушка, — вѣришь-ли мнѣ, что я смотрю на тебя, какъ будто передо мною стоитъ отецъ. Мнѣ доставляетъ большое удовольствіе тебя видѣть, и очень мало найдется людей, къ которымъ я относилась бы такъ довѣрчиво, какъ къ тебѣ, и потому я открою тебѣ все, чего, быть можетъ, никогда не узнаетъ отецъ. Поэтому я, какъ отцу, расскажу тебѣ все откровенно. Если ты найдешь средство, чтобы вернуть меня къ моему прежнему высокому положенію, то я тебѣ буду очень благодарна, но если это не будетъ въ твоихъ силахъ, то прошу тебя никому объ этомъ не говорить и даже умолчать о томъ, что ты меня видѣлъ, или что-нибудь обо мнѣ слышалъ.

Послѣ этого вступленія дѣвушка начала свой печальный рассказъ обо всемъ, что съ нею случилось съ того часа, какъ судно вѣзало съ берегъ Маіорки, и до настоящаго момента. Алатъель рѣшительно ничего не скрыла отъ старика.

Выслушавъ печальную исторію Алатъели, Антигонъ заплакалъ и самъ послѣ небольшого раздумья онъ выразилъ дѣвушкѣ свое мнѣніе.

— Такъ какъ никому не было извѣстно, кто вы и откуда родомъ, то мнѣ легко будетъ вернуть васъ къ султану, которому вы сдѣлались еще милѣе, какъ неожиданно найденная дочь, а потомъ я сдѣлаю васъ женою короля дель-Гарбо.

Когда Алатъель полюбозытствовала узнать, какимъ образомъ онъ все это уладитъ, то Антигонъ объяснилъ, что именно нужно будетъ для этого сдѣлать. Но чтобы долго не медлить и чтобы никто не помѣшалъ ихъ плану, Антигонъ тотчасъ отправился въ Фамагосту и предсталъ тамъ передъ лицомъ короля со слѣдующими словами:

— «Государь, если вашей милости будетъ угодно, то вы можете въ одно и то же время сдѣлать себѣ большую честь, а мнѣ бѣдному человѣку, доставить большую выгоду, безъ всякаго для себя ущерба».

— Какимъ это образомъ? — спросилъ король.

На этотъ вопросъ Антигонъ отвѣчалъ:

— Въ Бафору пріѣхала одна прекрасная женщина, дочь султана, испытавшая много бѣдствій и считавшаяся погибшею; она находится въ жалкомъ состояніи и желаетъ вернуться къ отцу, но не имѣетъ на это средствъ. Если вы, государь отправите ее на родину подъ моей охраной, то это сдѣлаетъ вамъ большую честь, а мнѣ принесетъ нѣкоторую выгоду. Конечно, султанъ никогда не забудетъ такой услуги съ вашей стороны.

Король согласился на это и тотчасъ отправилъ за Алателью въ Фамагосту гонимую она была принята очень лобезно и королемою и королевою, оказавшіе ей все почести, подобающія ея сану. Когда-же король и королева стали разспрашивать молодую дѣвушку о происшедшихъ съ нею приключеніяхъ, Алатель отвѣчала такъ, какъ ее этому научилъ Антигонъ.

Нѣсколько дней спустя, король отправилъ дочь къ султану въ сопровожденіи блестящей свиты, состоящей изъ мужчинъ и женщинъ, во главѣ которыхъ былъ Антигонъ.

Султанъ былъ въ восторгѣ, что увидѣлъ дочь, которую считалъ погибшею. Онъ сталъ ее разспрашивать, почему она столько лѣтъ не давала о себѣ вѣсти и какимъ образомъ осталась жива при такихъ бѣдствіяхъ. Алатель хорошо помнила наставленія Антигона и согласно имъ начала свой рассказъ:

— Отецъ мой, на двадцатый день послѣ нашего путешествія поднялась жестокая буря и разбила нашъ корабль, который былъ выкинутъ ночью на западный берегъ близъ Агваморта. Я совершенно ничего не слыхала, что случилось съ людьми, бывшими на суднѣ; какъ только наступилъ день, мнѣ помнится, я словно вернулась отъ смерти къ жизни; однако, мѣстные жители замѣтили разбитое судно; эти люди собрались, чтобы ограбить корабль, на которомъ были драгоценныя вещи. Со мной остались въ живыхъ только двѣ прислужницы. Насъ всѣхъ троехъ вытащили на берегъ; изъ толпы вышли два юноша и увели моихъ прислужницъ: одинъ убѣжалъ со своею добычею въ одну сторону, а другой въ другую. Что потомъ съ ними сдѣлалось, я ничего не знаю. Затѣмъ ко мнѣ подошли двое юношей и стали тащить меня за косу; я плакала, оборонялась, но мужчины были сильнѣе меня и мнѣ было не справиться съ ними и пришлось отдаться въ ихъ руки. Эти люди протащили меня за косу по дорогѣ и, наконецъ, вступили въ огромный лѣсъ. Но въ это время намъ на встрѣчу скакали четыре всадника; завидѣвъ ихъ, юноши бросились бѣжать, оставивъ меня въ лѣсу. Всадники подѣхали ко мнѣ и стали меня разспрашивать о всемъ случившемся; я плакала и жаловалась имъ, но они не понимали моего языка, а я ихъ не понимала. Тогда всадники стали совѣтоваться между собою, потомъ посадили меня на одну изъ лошадей и увезли въ женскій монастырь ихъ вѣры. Монахини обращались со мной очень вѣжливо

и съ почетомъ. Эти отшельницы служили св. Кресцентію въ Глубокой Долинѣ. Этого святого всѣ женщины той мѣстности особенно почитаютъ. Научившись немного ихъ языку, я стала понимать ихъ разговоръ. Тогда монахини меня спросили, кто я такая и откуда. Я имъ отвѣчала, что родомъ изъ Кипра и была отправлена на островъ Критъ для бракосочетанія, но судно наше погибло во время бури, и что отецъ мой знатный человѣкъ.

Я очень боялась, чтобы меня не прогнали изъ монастыря, и потому всегда соблюдала всѣ ихъ обряды. Старшую надъ всѣми монахинями называли аббатиссой. Она разъ спросила меня, не хочу ли я вернуться на островъ Кипръ? Я ей отвѣчала, что ничего такъ пламенно не желаю, какъ возвращенія на родину. Но аббатисса боялась довѣрить меня какому-нибудь неизвѣстному проводнику и выжидала удобнаго случая, когда меня можно будетъ отправить на родину съ надежными провожатыми. Мѣсяца два тому назадъ пріѣхали въ монастырь изъ Франціи какіе-то добрые люди, съ ихъ женами; они отправлялись въ Иерусалимъ на поклоненіе св. мѣстамъ; жена одного изъ этихъ людей была родственницей нашей аббатиссы. Последняя и порѣшила меня отправить съ этими людьми на островъ Кипръ. Нечего и говорить, что какъ эти люди, такъ и ихъ жены обращались со мною хорошо и предупредительно.

Черезъ нѣсколько дней мы доѣхали до Бафоры. Я рѣшительно не знала, что сказать этимъ людямъ, взявшимъ меня доставить на островъ Кипръ по желанію аббатиссы, а между тѣмъ, я тамъ никого не знала и не могла придумать, что дѣлать. Но вѣрно Богъ скалился надо мною и послалъ мнѣ Антигона. Когда въ Бафорѣ я его увидѣла, то, обратясь къ нему на нашемъ родномъ языкѣ, чтобы не быть понятой моими провожатыми, объясняла ему, что онъ долженъ встрѣтить меня, какъ дочь и взять съ собою. Добрый старикъ исполнилъ мое желаніе. Когда мои провожатые отплыли далѣе, Антигонъ повелъ меня къ кипрекому королю и объяснилъ ему мое положеніе. Король принялъ во мнѣ участіе и отправилъ меня къ вамъ съ большимъ почетомъ и съ блестящею свитою. Если я что пропустила изъ своего разсказа, то вамъ это скажетъ Антигонъ.

— Государь,—началъ тогда Антигонъ,—я рѣшительно не имѣю ничего прибавить къ разсказу вашей дочери. Однако, объ одномъ вѣроятно, изъ скромности она промолчала, а именно о томъ, что провожавшіе вашу дочь мужчины и женщины много говорили о ея добродѣтельной жизни въ монастырѣ, о ея характерѣ, о ея безупречномъ поведеніи. Ея провожатые, разставаясь съ нею, проливали горькія слезы и вообще прощаніе съ Алателью было одно изъ самыхъ трогательныхъ. Если разсказать все, что эти люди говорили о вашей досточтимой дочери, то пришлось бы говорить весь день и всю ночь и то, пожалуй, было бы мало времени. Скажу вамъ только одно, что изъ всѣхъ

нынѣшнихъ вѣнценосцевъ вы имѣете право гордиться, что Богъ наградилъ васъ самою прекрасною, самою добродѣтельною дочерью.

Султанъ задалъ большой пиръ въ честь возвращенія дочери и молилъ Бога, чтобы Тотъ помогъ ему воздать должное каждому, кто почтилъ его дочь. Въ особенности же онъ благодаренъ былъ Кипрскому королю, который возвратилъ ему его дитя. Нѣсколько дней спустя, онъ послалъ Антигона на островъ Кипръ съ богатыми дарами кипрскому королю въ знакъ благодарности за возвращенную ему дочь.

Однако, этимъ дѣло не кончилось; султанъ хотѣлъ довершить начатое, а именно, выдать ее замужъ за короля дель-Гарбо. Онъ оповѣстилъ послѣднiя, что его дочь жива и если онъ хочетъ взять ее въ супруги, то пусть пошлетъ за нею. Король дель-Гарбо прислалъ за Алателю блестящую свиту и принялъ ее съ восторгомъ. Красавица, испытавшая еще до замужества наслажденiе съ восемью мужчинами, прiѣхала къ королю дель-Гарбо, какъ дѣвственница и заставила его повѣрить, что она именно и была ею. Они долго прожили въ счастливомъ супружествѣ, и добродѣтель прелестной королевы служила примѣромъ для всѣхъ женъ. Вспомнимъ пословицу: отъ поцѣлуевъ, уста не блѣднѣютъ, а какъ луна молодѣютъ.





Новелла VIII.

Злоключенія графа Антверскаго.

Вслѣдствіе ложнаго обвиненія графъ Антверскій изгоняется изъ отечества. Онъ оставляетъ двоихъ дѣтей въ разныхъ областяхъ Англіи. По возвращеніи графа дѣти его не узнаютъ, но онъ видитъ ихъ счастливыми; потомъ графъ служитъ простымъ конюхомъ въ войскахъ французскаго короля; вскорѣ обнаруживается его невинность и ему возвращаютъ всѣ его права.

Синьоры, слушая исторію о безчисленныхъ бѣдствіяхъ Алатыли, часто вздыхали; неизвѣстно только, что было причиною ихъ вздоховъ: жалость-ли къ прекрасной дѣвушкѣ или зависть къ ея столь частымъ любовнымъ утѣхамъ? Но оставимъ этотъ вопросъ открытымъ. Послѣднія слова разсказа Памфило были встрѣчены общимъ смѣхомъ; королева, видя, что исторія заканчивается, сказала Элизѣ, что теперь за нею очередь разсказывать. Эта послѣдняя повиновалась съ улыбкою на устахъ и начала свой разсказъ:

У насъ теперь такое обширное поле, что каждый изъ насъ, могъ бы сдѣлать не одинъ, а десять концовъ; сама Фортуна дала намъ столько случайностей, полныхъ новизны и значенія. Итакъ приступлю къ разсказу, избравъ одну изъ этихъ безчисленныхъ случайностей:

Въ то время, когда власть надъ Римомъ перешла отъ французовъ къ нѣмцамъ, между этими обѣими націями произошла сильная вражда, а затѣмъ возгорѣлась и война. Французскій король былъ вынужденъ защищать свою страну отъ нападенія; собравъ всѣ свои военныя силы и все то, что могли ему доставить его друзья и родственники, и образовавъ, такимъ образомъ, громадное войско, онъ двинулся съ однимъ изъ своихъ сыновей на непріятеля. Но прежде чѣмъ выступить въ походъ, король распорядился оставить вмѣсто себя правителемъ Франціи Гвальтиери, графа Антверскаго *) и затѣмъ уже пошелъ на

*) Герою этой новеллы послужило историческое лицо, а именно секретарь и совѣтникъ французскаго короля Филиппа Красиваго. Anguersa или Anversa, по французски Anvers—Антверпенъ.

врага. Графъ Антверскій былъ очень умный человѣкъ, вѣрный слуга короля, храбрый воинъ, но король почему то считалъ этого человѣка болѣе способнымъ къ мирнымъ занятіямъ гражданина, чѣмъ къ военному дѣлу. Гвальтиери при управленіи страню доказывалъ всегда и во всемъ мудрую распорядительность, а въ болѣе важныхъ дѣлахъ совѣтовался съ королевою и ея невѣсткою; онъ почиталъ ихъ, какъ это подобаетъ ихъ сану, хотя король и оставилъ ихъ на попеченіе графа Антверскаго. Графъ былъ человѣкъ лѣтъ сорока, очень красивый, статный, любезный и истинный царедворецъ, тонкій въ обхожденіи, настоящій рыцарь, который всегда тщательно заботился о своихъ костюмахъ и доспѣхахъ.

Въ то время, какъ король французскій былъ на войнѣ, у Гвальтиери скончалась жена, оставивъ ему послѣ себя двухъ малютокъ: мальчика и дѣвочку. Во время отсутствія короля, какъ мы уже замѣтили выше, графъ часто бывалъ при дворѣ, посѣщая королеву и ея невѣстку и совѣщаясь съ ними о государственныхъ дѣлахъ. Между тѣмъ, супруга королевскаго сына, видя постоянно графа и его утонченное обращеніе, плѣнилась также и его наружностью и имъ самимъ и безъ ума въ него влюбилась: такъ какъ ей было извѣстно,



что графъ лишился жены, то принцесса думала, что будетъ легко приобрести его любовь, тѣмъ болѣе, что она сама была и молода и свѣжа. Она даже не видѣла для себя въ этомъ никакихъ препятствій, кромѣ стыда, но думала, что и это можно будетъ побороть. Однажды, когда принцесса осталась совершенно одна, она послала за графомъ подъ тѣмъ предлогомъ, что желаетъ поговорить съ нимъ о разныхъ государственныхъ дѣлахъ. Графъ не замедлилъ къ ней явиться и съ почтительнымъ поклономъ осведомился, все-ли благополучно и что она желаетъ ему сообщить.

Принцесса усадила графа подлѣ себя и начала какой-то пустой разговоръ, вовсе не касающійся важныхъ дѣлъ. Гвальтиери нѣ-

сколько разъ предлагалъ принцессѣ вопросъ, по какому важному дѣлу она его требовала, но та опять начинала говорить о пустякахъ. Наконецъ, раскрасившись и пылая отъ стыда, она стала ему говорить, прерывающимся отъ слезъ, голосомъ.

— Милый и дорогой другъ! Вы, конечно, какъ умный человекъ легко поймете слабость въ мужчинѣ и въ женщинѣ и тѣ причины, по которымъ она проявляется въ большей степени у однихъ, чѣмъ у другихъ. Вѣдь, ни одинъ судья, отличающійся справедливостью, не подвергнетъ одному и тому же наказанію за одинаковое преступленіе людей совершенно различнаго общественнаго положенія. Я увѣрена, что всякій долженъ согласиться съ тѣмъ, что бѣдная женщина, добывающая хлѣбъ самымъ тяжелымъ трудомъ, или бѣдный мужчина, снискивающий себѣ пропитаніе непосильной работой, если и поддадутся любви, то заслуживаютъ большаго порицанія, чѣмъ богатая праздная женщина, имѣющая не только все необходимое, но даже живущая въ роскоши, или вполне обезпеченный человекъ? Поэтому, всякая богатая женщина вполне можетъ быть оправдана въ своемъ увлеченіи, особенно, если она выберетъ умнаго и подходящаго любовника. Мнѣ кажется, что я соединяю въ себѣ эти условія и, кромѣ того, меня влекутъ къ любви и моя молодость и еще то, что мой мужъ теперь отсутствуетъ. Откровенно признаюсь вамъ, что за отсутствіемъ мужа не имѣю больше силъ бороться ни противъ плотскихъ стремленій, ни противъ овладѣвшей мною любви. Вы должны меня понять, какъ умный человекъ. Я прекрасно знаю, что посторонніе люди станутъ считать мое поведеніе безнравственнымъ, но разъ мое увлеченіе будетъ тайною для всѣхъ, то врядъ-ли его можно будетъ и считать безнравственнымъ. Крылатый Амуръ отнесся ко мнѣ такъ милостиво, что не только не далъ мнѣ впасть въ заблужденіе при выборѣ возлюбленнаго, но и указалъ мнѣ на васъ, какъ на достойнаго любви человека для такой женщины, какъ я. Съ своей стороны, я держусь того мнѣнія, что вы самый красивый, самый изящный и самый любезный человекъ изъ всего королевства. Вы лишились жены, а мой мужъ въ отсутствіи, и потому не можетъ быть никакого препятствія къ нашему сближенію. Молю васъ, ради моей любви къ вамъ, не отказывайте мнѣ въ любви, подумайте о моей молодости и о томъ, какая сильная страсть бушуетъ въ моемъ сердцѣ.

Съ этими словами молодая принцесса заплакала; слезы душили ее и она не могла болѣе сказать ни слова. Она, какъ бы совершенно уничтоженная, склонила голову на грудь графа.

Графъ же въ суровыхъ выраженіяхъ сталъ осуждать ея пагубную страсть и замѣтивъ, что принцесса хочетъ броситься къ нему на шею, сказалъ, что скорѣе умретъ, чѣмъ допуститъ себя или кого-нибудь другого совершить такой подлый поступокъ противъ своего короля и государя. Услышавъ такія слова, молодая принцесса пришла въ неописуемую ярость.

— Недостойный человекъ!—воскликнула она.—Ты смѣешь не виноваться моимъ желаніямъ и отвергать мою любовь? Я тебя скину со свѣта и ты самъ скорѣе умрешь, чѣмъ я, какъ ты, можетъ быть, этого желаешь.

Она мгновенно растрепала волосы, разорвала платье и громкимъ голосомъ закричала.

— Ко мнѣ! На помощь! Скорѣе! Графъ Антверскій хочетъ опозорить меня!

Графъ, боясь зависти придворныхъ и зная хорошо, что скорѣе повѣрять клеветѣ принцессы, чѣмъ его собственному оправданію, всталъ поскорѣе съ своего мѣста, вышелъ изъ комнаты, мигомъ добѣжалъ до дома, усадилъ своихъ малютокъ на лошадь и какъ вихрь пустился въ Калэ.

Между тѣмъ, на крикъ принцессы со всѣхъ сторонъ сбѣжались люди: всѣ конечно, вполне повѣрили ея выдумкѣ относительно покушенія графа на такой подлый и низкій поступокъ. Къ тому же нѣкоторые изъ придворныхъ припомнили любезности графа, его постоянное ухаживаніе и пришли къ убѣжденію, что графъ именно этого и добивался. Затѣмъ бросились въ домъ графа съ цѣлью его арестовать, но такъ какъ его уже тамъ не нашли, то разграбили все его имущество, а его домъ превратили въ развалины. Вѣсть о такомъ ужасномъ происшествіи быстро разнеслась по всему городу и дошла до короля и его сына. Тогда и тотъ и другой сильно разгнѣвались и осудили графа на вѣчное изгнаніе и обѣщали большую награду тому, кто доставитъ графа, живымъ или мертвымъ.

Между тѣмъ, такъ невинно осужденный графъ пробрался въ Калэ, а оттуда въ Лондонъ. Здѣсь онъ объяснилъ своимъ малюткамъ, чтобы они никогда никому не говорили чьи они дѣти и откуда. Онъ счелъ за самое лучшее переимѣнить и ихъ имена. Мальчику въ то время было около девяти лѣтъ и его звали Луиджи, но графъ переимѣнилъ ему это имя на Перотто, а дѣвочкѣ минуло семь лѣтъ и ее звали Виоланта, а графъ сталъ называть ее Джанеттой. Переодѣвшись въ ветхія одежды, подобно французскимъ нищимъ, они стали ходить по улицамъ и просить милостыню у добрыхъ людей. Однажды, прося милостыню на паперти, хорошенькая дочь графа бросилась въ глаза одной богатой дамѣ, женѣ одного изъ англійскихъ маршаловъ. Дама, выйдя изъ церкви, стала спрашивать графа, его-ли это дѣти и откуда онъ пришелъ сюда, въ Лондонъ. Тогда несчастный отвѣчалъ, что онъ выходецъ изъ Пикардіи, гдѣ его старшій сынъ совершилъ преступленіе; этотъ негодяй, какъ называлъ его графъ, былъ причиною его бѣгства изъ отечества. Знатная дама еще разъ посмотрѣла на дѣвочку и хорошенькая малютка такъ ей понравилась, что она сказала графу:

— Видишь-ли что, твоя дочь мнѣ очень нравится и я хочу взять ее къ себѣ. Я ее воспитаю и выращу и если она окажется хорошей дѣвужкой, то я выдамъ ее замужъ и она будетъ счастлива.

Такое предложеніе очень понравилось графу при его бѣдственномъ положеніи. Онъ со слезами на глазахъ благодарилъ благодѣтельницу, просилъ ее беречь дѣвочку и распростился со своей малюткой. Устроивъ такимъ образомъ дочку, онъ подумалъ, что ему опасно оставаться въ Лондонѣ, и отправился съ сыномъ бродить по Англіи, питаясь милостынею. Такъ онъ дошелъ до самаго Валлиса. Конечно, графъ и его сынъ не привыкли ходить пѣшкомъ и дорога ихъ очень утомила. Въ Валлисѣ жилъ другой маршалъ короля, человѣкъ очень богатый; у него былъ большой замокъ и маршалъ держалъ многочисленную прислугу. Несчастный графъ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ часто заходилъ къ маршалу на дворъ и тамъ ему давали что-нибудь поѣсть. Во дворѣ часто рѣзвился сынъ маршала вмѣстѣ съ другими дѣтьми мѣстныхъ дворянъ. Перотто также принималъ участіе въ ихъ забавахъ и оказывалъ большую ловкость въ разныхъ играхъ. Разъ какъ-то во дворъ вышелъ самъ маршалъ, чтобы посмотреть на забавы дѣтей. Увидѣвъ хорошенькаго, ловкаго мальчика, онъ полюбопытствовалъ узнать, кто этотъ мальчикъ и чей онъ сынъ. Прислуга маршала объяснила ему, что это сынъ одного бѣднаго человѣка, которому они часто подаютъ милостыню и даютъ чего-нибудь съѣстнаго. Маршалъ просилъ передать графу, что желаетъ взять мальчика къ себѣ и воспитать его какъ сына. Несчастный отецъ весьма обрадовался этому предложенію, потому что очень желалъ устроить какъ-нибудь сына, хотя ему и тяжело было съ нимъ разставаться. Онъ согласился и мальчикъ остался у маршала.

Самъ же графъ отправился въ Ирландію. Въ Англіи ему нечего было дѣлать, разъ его дѣти были въ надежныхъ мѣстахъ. Въ Ирландіи онъ поступилъ въ услуженіе къ одному изъ рыцарей тамошняго владѣтельнаго графа и работать, какъ простой слуга.

Тамъ онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ.

Между тѣмъ, дочь графа, подъ именемъ Джанетты, жила въ Лондонѣ у своей пріемной матери. Джанетта сдѣлалась уже взрослою, отличалась умомъ, красотою и изящными манерами. Благодѣтельница и ея мужъ отъ души привязались къ своей воспитанницѣ и заботились о ея судьбѣ. Жена маршала уже стала подумывать о томъ, какъ бы пристроить дѣвушку замужъ. Она знала о дѣвушкѣ только то, что ей рассказала отецъ; сообразуясь съ этимъ, она хотѣла устроить и ея бракъ; но Всевѣдущій Богъ не допустилъ, чтобы дѣвушка знатнаго рода соединилась бракомъ съ человѣкомъ низкаго происхожденія. Во всемъ этомъ слѣдуетъ видѣть персть Божію. У маршала и его жены былъ единственный сынъ, котораго они обожали до безумія. Онъ былъ на шесть лѣтъ старше Джанетты и отличался красивою внѣшностью, умомъ и тонкими, изящными манерами; отецъ и мать не могли на него наглядѣться. Но вдругъ этотъ, такъ страстно любимый сынъ занемогъ. Пригласили врачей, но никто не понималъ его болѣзни. А между тѣмъ, молодой человѣкъ, видя постоянно Джанетту и плѣняясь

ей красотою и граціею, полюбилъ дѣвушку до безумія. Но свою любовь онъ хранилъ въ тайнѣ отъ всѣхъ и сильно тосковалъ. Онъ не рѣшался открыть своего сердца ни матери, ни отцу, такъ какъ думалъ, что тѣ станутъ порицать его за такой дурной выборъ дѣвушки изъ простаго званія и потому-то онъ хранилъ въ тайнѣ это чувство, которое сильно его мучило. Родители пристунили къ нему съ разспросами, но онъ на всѣ ихъ мольбы отвѣчалъ, что чувствуетъ приближеніе смерти и скоро долженъ будетъ съ ними разстаться. Мать и отецъ пришли въ сильное отчаяніе и рѣшительно не знали, чѣмъ бы помочь дорогому сыну. Однажды, къ больному зашелъ молодой врачъ, человѣкъ очень умный и ученый; онъ взялъ больного за руку и сталъ изслѣдовать его пульсъ. Въ это время въ комнату вошла Джанетта, такъ какъ она, уважая горе матери, ухаживала за больнымъ. Но какъ только дѣвушка вошла въ комнату, такъ пульсъ больного сталъ биться усиленнѣе. Врачъ замѣтилъ это и сталъ со вниманіемъ слѣдить за повышеніемъ пульса больного. Но лишь только Джанетта вышла изъ комнаты, какъ пульсъ опять пришелъ въ нормальное состояніе. Тогда врачъ, какъ ему показалось, нашелъ причину болѣзни и съ умысломъ велѣлъ позвать Джанетту, какъ будто желая ее о чемъ то спросить. И опять, когда дѣвушка явилась, пульсъ больного сталъ биться усиленно. Тогда врачъ отвелъ родителей въ сторону и сказалъ имъ:

— Полное выздоровленіе вашего сына находится въ рукахъ Джанетты. Онъ пламенно ее любитъ и отъ этого происходитъ и его болѣзнь. Дѣвушка же, какъ мнѣ кажется, даже не подозрѣваетъ этого. Теперь вы, конечно, сами знаете, что нужно сдѣлать для леченія вашего сына.

Маршалъ и его супруга были очень довольны, такъ какъ имъ было указано средство, которымъ можно спасти сына, но имъ не правилось только то, что необходимо было его женить на Джанеттѣ.

По уходѣ врача мать больного подошла къ нему и сказала:

— Дорогой мой, мнѣ никогда не приходило въ голову, что ты скроешь отъ меня какое-нибудь изъ твоихъ желаній, и между тѣмъ, ты отъ меня скрылъ такое желаніе, отъ неисполненія котораго твоя жизнь висѣла на волоскѣ. Ты долженъ былъ быть убѣжденъ, что я готова для тебя все сдѣлать и все исполнить, лишь бы ты только не подвергался опасности. Но Всевышній былъ такъ милостивъ къ намъ, что не допустилъ тебя до гибели. Я знаю причину твоей болѣзни; ты страдаешь отъ любви и это весьма естественно въ твои годы. Прошу тебя, скажи мнѣ откровенно о твоей любви и тогда пройдетъ вся твоя тоска и твоя болѣзнь. Вѣрь мнѣ, что я исполню всѣ твои желанія, потому что я люблю тебя больше всего на свѣтѣ. Брось всякую стыдливость и скажи мнѣ, какъ я могу помочь тебѣ. Если я не сдѣлаю, что слѣдуетъ, то считай меня за самую жестокосердную изъ матерей, которая когда-либо производила на свѣтѣ дѣтей.

Молодой человекъ сначала смутился, потомъ пришелъ въ себя, подумалъ, что только одна мать можетъ удовлетворить его желанія и сказалъ ей въ отвѣтъ:

— Милая матушка, до сихъ поръ я скрывалъ свою любовь, какъ отъ тебя, такъ и отъ отца, потому что былъ того мнѣнія, что люди старые всегда забываютъ, что и они когда-то были молоды. Но изъ вашихъ словъ я вижу, что вы очень снисходительны ко мнѣ и потому расскажу вамъ все откровенно, такъ какъ и я съ своей стороны надѣюсь, что вы исполните мои желанія въ предѣлахъ возможнаго, потому что это вернетъ мнѣ здоровье.

Супруга маршала уже составила въ головѣ цѣлый планъ, которому однако не суждено было осуществиться, и умоляла сына быть съ нею откровеннымъ, обѣщая ему все устроить къ его пользѣ.

— Я дошелъ до такого состоянія, — сказалъ молодой человекъ, — вслѣдствіе моей безнадежной любви къ Джанеттѣ. Ея красота и ея дивный характеръ произвели на меня сильное впечатлѣніе: но я былъ настолько робокъ и застѣнчивъ, что не рѣшался ей признаться въ любви и возбудить въ ней, если и не сочувствіе, то, по крайней мѣрѣ, хотя сожалѣніе. Но я страшился открыть мою любовь кому бы то ни было. Вотъ это и были главные причины и моей тоски, и моей болѣзни. Если вамъ не поможетъ Господь Богъ исполнить ваше обѣщаніе, то знайте, что я уже болѣе не жилецъ на бѣломъ свѣтѣ.

Матери вполне было все ясно и она хорошо понимала, что теперь вовсе не время въ чемъ-либо упрекать сына, и потому обѣщала ему все устроить къ лучшему, какъ только онъ поправится отъ своей болѣзни.

Дѣйствительно, молодой человекъ, утѣшенный матерью, сталъ быстро поправляться, а жена маршала стала обдумывать планъ, какъ бы лучше устроить дѣло.

Она послала за Джанеттой и ласково спросила, есть-ли у нея возлюбленный. Джанетта смутилась, но твердо отвѣчала:

— Какъ мнѣ, бѣдной дѣвушкѣ, сударыня, живущей у чужихъ людей думать о любви?

— Если его у тебя нѣтъ, то мы его тебѣ доставимъ, — отвѣчала на это супруга маршала. — Ты будешь пользоваться жизнью, а то такой хорошенькой дѣвушкѣ скучно жить одной.

На эти слова благодѣтельницы дѣвушка отвѣчала:

— Сударыня, вы приняли меня къ себѣ въ домъ, воспитали, какъ родную дочь, и я, конечно, обязана вамъ повиноваться, но въ данномъ случаѣ, я осмѣлюсь васъ ослушаться. Если вы пожелаете мнѣ найти мужа, то я буду его любить и повиноваться ему, но возлюбленнаго я вовсе не желаю заводить. Изъ всего завѣщаннаго мнѣ предками у меня осталась только честь и я постараюсь сохранить это сокровище на всю жизнь.

Тутъ жена маршала убѣдилась, что настроеніе дѣвушки совер-

шенно уничтожило все ея первоначальные планы, но все же постаралась еще раз испытать ее.

— Ну, Джанетта, а если бы самъ король, молодой и прекрасный, пожелалъ бы твоей любви, то неужели ты отвергла бы и его?

Но та твердо возразила:

— Король могъ бы взять меня силою, но никогда не добился бы моего добровольнаго согласія.

Тогда благодѣтельница не пожелала болѣе напрасно говорить съ дѣвушкою: она отправилась къ сыну и предложила ему, что когда онъ совершенно поправится отъ болѣзни, то она дастъ ему и Джанеттѣ одну и ту же комнату и тогда пусть ея сынъ уговорить дѣвушку сойтись съ нимъ; но ей, матери, не подобаеъ являться въ этомъ дѣлѣ посредницей и упрашивать дѣвушку полюбить ея сына. Но на такое дѣло сынъ не согласился ни подъ какимъ видомъ. И его здоровье опять стало хуже. Мать, видя такое положеніе юноши, съ глазу на глазъ поговорила съ Джанеттою, но та наотрѣзъ отказалась отъ всякаго сближенія съ ея сыномъ. Мать, убѣдившись, что ея планъ не удался, передала все мужу и оба порѣшили, что нужно женить сына на Джанеттѣ; они лучше мирились съ тѣмъ, чтобы сынъ повѣнчался съ неравною себѣ по рожденію особой, чѣмъ сошелъ бы въ могилу въ такихъ юныхъ лѣтахъ. Джанетта благодарила Бога, что Всевышній не оставилъ ее своими милостями. Молодой человѣкъ, видя, что все такъ хорошо устроилось, сталъ быстро поправляться и, весело отпраздновавъ свою свадьбу, счастливо зажилъ со своею молодою женою, любви которой онъ добивался столько времени.

Перотто все время жилъ у королевскаго маршала, который съ нимъ обращался ласково и милостиво. Молодой человѣкъ выросъ, возмужалъ и считался самымъ красивымъ и самымъ ловкимъ юношею на всемъ островѣ *). Не было ни одного человѣка, который побѣдилъ бы Перотто на турнирахъ, на скачкахъ, въ фехтованіи и вообще во всѣхъ подобныхъ упражненіяхъ. Во всей странѣ онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Перотто Пикардійца. Господь Богъ не оставилъ Перотто, какъ не оставилъ и его сестру, прозванную Джанеттой. Но вдругъ въ Валлисѣ появилась чума; многіе жители отъ страха бѣжали въ другія мѣста, такъ что страна казалась точно покинутою. Во время этой эпидеміи умеръ маршалъ, благодѣтель Перотто, а также его жена и сынъ, его братья и родственники. Только дочь маршала осталась въ живыхъ, да нѣкоторые изъ его слугъ. По прекращеніи чумы, дочь маршала по совѣту нѣкоторыхъ сосѣдей вышла замужъ за Перотто; она знала его какъ умнаго и хорошаго человѣка. Перотто, женившись на дочери маршала, приобрѣлъ и все состояніе послѣдняго, которое перешло къ женѣ по на-

*) Авторъ называетъ Англию—Isola, что значить островъ; это слово онъ употребляетъ нѣсколько разъ, когда заходитъ рѣчь о Великобританіи.

слѣдству. Англійскій король много слышалъ о подвигахъ Перотто Пикардійца и назначилъ его своимъ маршаломъ.

Такова была участь дѣтей графа Антверекаго, которыхъ ему пришлось покинуть положительно на произволъ судьбы; но Господь Богъ заботился объ этихъ совершенно невинныхъ дѣтяхъ и даровалъ имъ такую счастливую участь.

Минуло уже восемнадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ графъ Антверекій спасся бѣгствомъ изъ Парижа вмѣстѣ со своими двумя дѣтьми. Онъ очень постарѣлъ за послѣдніе годы, но отъ постоянной работы чувствовалъ себя болѣе крѣпкимъ, чѣмъ въ то время, когда велъ праздную и беззаботную жизнь. У графа явилось сильное желаніе узнать что-либо о своихъ дѣтяхъ. Съ этою цѣлью онъ оставилъ своего хозяина и отправился въ путь. Сначала онъ пошелъ въ Валлисъ, гдѣ оставилъ Перотто. И какъ забилось сердце бѣднаго графа, когда онъ увидѣлъ сына, окруженнаго почестями и богатствомъ. Въ то время Перотто уже былъ маршаломъ; но графъ рѣшилъ прежде найти Джанетту, а потомъ уже открыться сыну, и поэтому отправился въ Лондонъ. Тутъ графъ узналъ, что Джанетта сдѣлалась женою сына своей благодѣтельницы. Это извѣстіе отъ души порадовало графа. Онъ считалъ все свои страданія и невзгоды совершенно ничтожными, найдя своихъ дѣтей счастливыми и довольными судьбой. Но у него было непреодолимое желаніе увидѣть Джанетту; съ этою цѣлью онъ сталъ ходить одѣтый нищимъ около ея дома. Мужъ Джанетты, котораго звали Джакетто Ламіенсъ увидѣлъ его, почувствовалъ нѣкоторую жалость къ этому старику-нищему и распорядился, чтобы слуга привелъ его въ домъ и накормилъ. Конечно, слуга съ удовольствіемъ исполнилъ приказаніе своего господина. У Джанетты было нѣсколько сыновей; старшему былъ уже десятый годъ; когда дѣти увидѣли графа, то окружили его и стали ласкать, точно предчувствовали, что это ихъ дѣдъ. Графъ же зналъ, что это его внуки и сталъ также ихъ ласкать; дѣти ни за что не хотѣли уйти отъ него, несмотря на то, что воспитатель ихъ звалъ нѣсколько разъ къ себѣ. Джанетта, услыхавъ шумъ, вышла изъ комнаты и сказала дѣтямъ, чтобы они шли къ воспитателю, иначе она ихъ накажетъ; но мальчики расплакались и заявили, что этотъ старичекъ ихъ любитъ и ласкаетъ гораздо больше, чѣмъ ихъ воспитатель. Подобное возраженіе размѣшило мать и графа. Когда Джанетта вошла, графъ всталъ съ своего мѣста и почтительно поклонился не какъ отецъ дочери, а какъ бѣдный нищій богатой и знатной дамѣ; но сердце графа наполнилось сильною радостью при видѣ ея. Она же совершенно не узнала его; онъ сдѣлался тощимъ, смуглымъ и совершенно другимъ человѣкомъ. Вида, что дѣти не хотятъ разстаться со старикомъ и плачутъ, Джанетта сказала воспитателю, чтобы онъ оставилъ дѣтей со старикомъ, и малютки были этимъ очень довольны. Отецъ Джакетто также вошелъ въ комнату и когда воспита-

тель сообщилъ ему всю эту исторію, онъ сказалъ, такъ какъ не любилъ Джанетты, въ особенности со времени ея замужества:

— Ужъ вѣрно такъ Господь ихъ уродилъ, пусть они остаются со старикомъ; мать ихъ была дочь бродяги-нищаго, а потому имъ и нравятся всѣ нищѣ.

Графъ, услыхавъ такую обиду, не произнесъ ни слова; ему много приходилось сносить подобныхъ обидъ во время своей скитальческой жизни.

Отецъ мальчиковъ, узнавъ, что они встрѣтили старика съ такимъ восторгомъ, хотя это ему было и не очень пріятно, но онъ такъ любилъ ихъ, что не могъ видѣть ихъ слезъ и, желая утѣшить ихъ, распорядился оставить старика при домѣ, если онъ только въ состояніи исполнять какую-нибудь работу; старикъ сказалъ, что онъ знаетъ только ухаживать за лошадьми, такъ какъ всю свою жизнь больше ничего не дѣлалъ; тогда ему дали лошадь, за которую онъ ходилъ, а въ свободное время возился съ дѣтьми и забавлялъ ихъ, какъ умѣлъ.



Въ то время, какъ графу Антверскому удалось увидѣть своихъ дѣтей и найти ихъ счастливыми и довольными своей судьбой, французскій король скончался во время перемирія съ нѣмцами. На престолъ вступилъ его сынъ, тотъ самый, изъ-за супруга котораго графъ Антверскій былъ обреченъ на изгнаніе. По истеченіи срока перемирія новый король опять началъ войну съ нѣмцами. Такъ какъ англійскій король приходился родственнымъ французскому, то онъ оказалъ ему помощь, приславъ ему многочисленный отрядъ подъ начальствомъ Перотто и Джакетто Ламіенеа, а вмѣстѣ съ послѣднимъ отправился также въ походъ и графъ Антверскій, въ качествѣ простаго конюха. Однако, графъ былъ человѣкъ опытный и своими умными совѣтами приносилъ столько пользы для военныхъ дѣйствій, что трудно было отъ него и ожидать.

Между тѣмъ, во время этой злополучной войны французская королева сильно заболѣла и, почувствовавъ приближеніе смерти, захотѣла исповѣдываться и причаститься передъ отходомъ въ вѣчность. Ея духовникомъ былъ руанскій архіепископъ, человѣкъ благочестивый и добрый. Королеву тяготила, въ числѣ прочихъ прегрѣшеній, ея клевета, возведенная на графа Антверскаго. Она не только исповѣдывалась въ своемъ тяжкомъ грѣхѣ епископу, но даже рассказала о немъ и многимъ знатнымъ лицамъ, прося ихъ убѣдить короля вернуть графу его имущество и возстановить его права, а если графъ умеръ, то вернуть его дѣтей и отдать имъ все отцовское имущество. Король, когда ему доложили объ этомъ, долгое время скорбѣлъ о той жестокой несправедливости, которую оказали умному и храброму человѣку. Кромѣ того, онъ велѣлъ объявить по всеѣмъ войскамъ, что, если кто укажетъ мѣстопробываніе графа Антверскаго или его дѣтей, тотъ получитъ большую награду, такъ какъ король постановилъ вернуть графу все его права и все его имущество.

Между тѣмъ графъ Антверскій все время служилъ простымъ конюхомъ: услыша объявленіе, сдѣланное королемъ войскамъ, и зная, что все, что сказалъ король, было совершенно справедливо, онъ явился къ Джакетто и сталъ умолять его идти вмѣстѣ съ нимъ къ Перотто, такъ какъ онъ можетъ указать того, кого ищетъ король.

Между тѣмъ Перотто уже думалъ объявить о себѣ королю, но графъ и Джакетто его предупредили.

Когда оба вошли къ маршалу, то графъ началъ такъ:

— Перотто, вотъ Джакетто, женившійся на твоей сестрѣ безъ копейки денегъ. Для того, чтобы онъ получилъ что-нибудь, въ видѣ приданого за Виоланту, я хочу, чтобы ему именно досталась награда, которую общалъ король тому, кто дастъ свѣдѣнія о нашемъ мѣстопробываніи. Такъ ему слѣдуетъ донести его величеству, что ты сынъ графа Антверскаго, Луиджи, а онъ женатъ на твоей родной сестрѣ Виолантѣ, а я и есть самъ графъ Антверскій, отецъ его жены и твоей.

Послѣ этихъ словъ, Перотто сталъ пристально всматриваться въ графа и, хотя старикъ сильно измѣнился, все же узналъ его и бросился, рыдая, къ нему и воскликнулъ:

— Дорогой родитель! Да благословить Господь Богъ ваше возвращеніе!

Джакетто же, услышавъ то, что сказала графъ и увидѣвъ, какъ Перотто съ плачемъ бросился къ его ногамъ, былъ такъ удивленъ и такъ радъ, что рѣшительно не зналъ, какъ ему и быть; но, вспомнивъ тотчасъ, что часто обращался къ своему конюху съ дерзкими выраженіями, зарыдалъ и бросился къ его ногамъ, моля о прощеніи. Великодушный графъ отъ души простилъ ему все прежнія обиды, поднялъ его и расцѣловалъ, какъ мужа своей дочери. Все трое сѣли и долгое время бесѣдовали. Перотто и Джакетто предлагали графу одѣться прилично, согласно его положенію, но графъ рѣшительно этому вос-

противился и хотѣлъ, чтобы его представили королю именно въ такой одеждѣ нищаго, въ какой онъ ходилъ восемнадцать лѣтъ. Послѣ долгихъ разговоровъ Джакетто отправился къ королю, ему сопутствовали Перотто и графъ. Явившись къ его величеству, онъ просилъ его позволенія представить ему графа Антверскаго и его сына, если ему дадутъ ту награду, которая обѣщана. Король, конечно, согласился и велѣлъ тотчасъ принести обѣщанныя награды. Указывая на нихъ, онъ сказалъ:

— Джакетто, ты можешь взять это себѣ, если, дѣйствительно, укажешь мѣстопробываніе графа и его сына.

Джакетто обернулся и, пропуская впередъ графа и Перотто, доложилъ:

— Вотъ, государь: отецъ, графъ Антверскій и его сынъ, что же касается до дочери, то это моя жена, она осталась въ Англии со своими дѣтьми и, если прикажете, также пріѣдетъ сюда.

Король сталъ вематриваться въ представленнаго старика въ убогой одеждѣ и хотя послѣдній сильно измѣнился, но король все же припомнилъ черты его лица и узналъ его. Графъ преклонилъ колѣно передъ королемъ. Тотъ поднялъ его, поцѣловалъ нѣсколько разъ; затѣмъ милостиво обошелся и съ Перотто. Потомъ король распорядился, чтобы графу были отпущены кони, одѣяніе и все вооруженіе, какъ причествуетъ его сану. Воля короля была тотчасъ приведена въ исполненіе. Затѣмъ король разспросилъ и Джакетто о его прошломъ.

Графъ же, обратясь къ Джакетто, замѣтилъ:

— Прими эти дары отъ милостей нашего короля и передай твоему отцу, что его и мои внуки, а твои дѣти совершенно не нищие и не бродяги по матери.

Принявъ милостивые дары короля, Джакетто написалъ своей женѣ и матери, чтобы тѣ пріѣхали въ Парижъ, а Перотто также выписалъ и свою жену, такъ что собралась вся семья и окружила графа заботами и попеченіями; всѣ поздравляли его съ такимъ хорошимъ исходомъ дѣла. Король вернулъ графу всѣ его права и все бывшее его имущество. Проживъ нѣсколько времени въ Парижѣ, жена Перотто и Виоланта уѣхали въ Лондонъ, а графъ остался въ Парижѣ, окруженный почестями, потому что король возвысилъ его еще болѣе, чѣмъ прежде.





Новелла IX.

Ревнивый Бернабо.

Нѣкто Бернабо, родомъ изъ Генуи, проигрываетъ обманнымъ образомъ пари Амброджоло. Вслѣдствіе этого онъ велитъ убить свою ни въ чемъ невиновную жену. Послѣдняя спасается бѣгствомъ и поступаетъ на службу къ султану, переодевшись въ мужское платье. Ей удается найти обманщика и она вызываетъ Бернабо въ Александрію и уличаетъ обманщика, который несетъ должное наказаніе. Затѣмъ эта женщина снова надѣваетъ женское платье и уѣзжаетъ съ мужемъ на родину, богато одаренная.

Разсказъ Элизы былъ оконченъ и всѣ остались имъ очень довольны. Королева Филомена была очень красивая женщина, высокаго роста; ея веселое смѣющееся лицо выдѣляло ее среди всѣхъ присутствовавшихъ. Задумавшись нѣсколько минутъ, она подняла голову и замѣтила:

— Намъ необходимо держаться нашего условія съ Діонео; теперь осталось разсказывать только ему и мнѣ. Онъ просилъ меня быть послѣднимъ и потому очередь за мною и я начну свой разсказъ:

— Нерѣдко бываетъ такъ, что человѣкъ обманувшій кого-нибудь, постоянно попадаетъ послѣднему въ руки; объ этомъ гласитъ также и народная пословица. Конечно, такую вещь очень трудно растолковать, но доказательствомъ справедливости такой пословицы служатъ самые непреложные факты. Поэтому я и думаю привести вамъ въ своемъ разсказѣ такой фактъ, что люди совершенно правы въ данномъ случаѣ. Кромѣ того, мнѣ было бы желательно, чтобы и вы, дорогія подруги, вполнѣ это поняли и всегда держались бы въ сторонѣ отъ обманщиковъ.

Въ Парижѣ, въ одной изъ его многочисленныхъ гостиницъ, собралась компанія италіанскихъ купцовъ. Это были люди богатые и опытные въ своихъ дѣлахъ. Однажды вечеромъ, за ужиномъ они развлека-

лись за бутылкой вина, бесѣдовали о томъ о семъ и, наконецъ, разговоръ зашелъ о женахъ, которыхъ они оставили на родинѣ. Одинъ изъ купцовъ, замѣтилъ:

— Право не знаю, какъ жить безъ меня на родинѣ моя жена, но я съ своей стороны никогда не зѣваю, если мнѣ встрѣтится какая-нибудь смазливенькая дѣвченокка. Жена сама по себѣ, а если является случай немного развлечься, то зачѣмъ же его и пропускать.

Другой сказалъ на это.

— И я тоже развлекаюсь, сколько могу; мнѣ все равно, развлекается-ли моя жена тамъ, у себя, или нѣтъ, но полагаю, что она не остается безъ приключеній, и потому нахожу, что почему же и мнѣ не позабавиться, когда къ этому представляется удобный случай.

Третій купецъ опять сказалъ тоже самое. Словомъ, всѣ согласились, что ихъ жены, конечно, развлекаются, сколько возможно, въ ихъ отсутствіи. Одинъ лишь Бернабо Ломелленъ изъ Генуи былъ другого мнѣнія: онъ увѣрялъ, что его жена составляетъ исключеніе изъ общаго правила: она женщина благочестивая, богобоязненная, обладаетъ всеми добродѣтелями, какъ любой рыцарь. Такой женщины не найдете во всей Италіи. Кромѣ того, она хороша собой и молода, очень ловка и граціозна: искусна во всѣхъ женскихъ рукодѣліяхъ: умѣетъ хорошо вышивать шелками и вообще врядъ-ли можно найти равную ей женщину. Она умѣетъ также прислуживать за столомъ, ѣздить верхомъ, охотиться и, кромѣ того, умѣетъ читать, писать и считать, какъ любой купецъ. Затѣмъ онъ сказалъ, что его жена цѣломудренная женщина, и онъ вполне увѣренъ, что если бы пробылъ нѣсколько лѣтъ въ отсутствіи, то она никогда не измѣнила бы ему, всегда осталась бы ему вѣрна и никогда не завела бы никакой интриги.

Въ этой компаніи былъ одинъ молодой купецъ, по имени Амброджоло. Услышавъ слова Бернабо, онъ засмѣялся. Похвала, которую послѣдній высказывалъ относительно своей жены, казалась ему слишкомъ преувеличенной и потому онъ сказалъ:

— Ужъ не даль-ли тебѣ императоръ привилегію, которою никто не обладаетъ, кромѣ тебя, и которая пожалована тебѣ по особой милости.

Бернабо, нѣсколько возбужденный вынитымъ за ужиномъ виномъ, отвѣчалъ, что такую привилегію онъ получилъ не отъ императора, а отъ Самого Бога, Который много сильнѣе земного царя.

Но Амброджоло не унимался.

— Слушай, Бернабо, — продолжалъ тотъ свое, — ты, какъ я полагаю, мало вникаешь въ самую суть дѣла: мнѣ извѣстно, что ты человекъ неслухъ, и тебѣ слѣдовало бы разсуждать о такихъ вещахъ не такъ горячо, какъ ты это дѣлаешь. Неужели у всѣхъ насъ, здѣсь присутствующихъ, жены совершенно нины, чѣмъ твоя, и что если мы

говоримъ такъ о нихъ, то это дѣлается въ силу опыта и пониманія вещей. Впрочемъ, я хотѣлъ поговорить съ тобою совершенно отдѣльно объ этомъ. Приходится слышать вездѣ и ото всѣхъ, что мужчина существо истинно благородное и стоитъ много выше женщины. Последнія далеко не такъ совершенны, какъ мужчины, это видно и изъ ихъ дѣйствій: поэтому, разъ что мужчина существо болѣе совершенное, чѣмъ женщина, то онъ и отличается болѣе постоянствомъ, чѣмъ она. Это можно было бы доказать и фактами, но объ этомъ я говорить здѣсь не стану. Теперь, если мужчина, обладающій и твердостью и постоянствомъ неизмѣримо болѣе, чѣмъ у женщины, не можетъ устоять противъ женщины не только, когда она сама льнетъ къ мужчине, но даже и тогда, когда онъ первый начинаетъ въ ней заискивать, то какъ же устоитъ женщина со своей непостоянной подвижной природой противъ лести, ласкъ и дорогихъ подарковъ мужчины, разъ онъ въ нее влюбленъ и избираетъ такія средства. Неужели ты вѣришь въ то, что найдется женщина, которая устоитъ противъ такихъ упорныхъ ухаживаній? Вѣдь твоя жена—женщина, а слѣдовательно у ней могутъ явиться и тѣ же желанія, которыя являются у другихъ женщинъ; вѣдь, она также состоитъ, какъ и всѣ прочія, изъ плоти и костей. Положимъ она самая честная и добродѣтельная женщина, но примѣръ другихъ, ей подобныхъ, можетъ увлечь и ее. Поэтому я считаю, что съ твоей стороны крайне неблагоприятно съ такимъ жаромъ становиться на ея сторону и защищать ее.

— Видишь ли что,—возразилъ на это Бернабо,—я простой купецъ, а не ученый философъ и на твои доводы отвѣчу только то, что такія вещи могутъ произойти съ дурами, которыя не понимаютъ, что такое честь. Умныя же женщины всегда стоятъ за свою честь и лучше мужчинъ ее цѣнятъ, такъ какъ послѣдніе мало о ней думаютъ; но моя жена именно изъ числа тѣхъ умныхъ женщинъ.

Но на эту тираду Бернабо опять послѣдовало возраженіе молодого купца:

— Если у женщины выросло бы по рогу на лбу послѣ каждой интриги, то, быть можетъ, онѣ были бы тогда и осторожнѣе, но у нихъ не выростаеъ не только что роговъ, но даже не остается никакихъ признаковъ; попадаютъ въ своихъ шапкахъ однѣ только глупыя женщины, а умныя всегда выйдутъ сухими изъ воды. Убѣдись въ томъ, что добродѣтельною женщиною остается такая, за которой никто не ухаживалъ, или еще тѣ, которыя сами льнутъ къ мужчинамъ, но имъ отказываютъ. Я никогда не сталъ бы этого утверждать, если бы не видѣлъ этого много разъ на примѣрѣ разныхъ женщинъ. Если бы мнѣ довелось встрѣтиться съ твоей женою, то я готовъ биться объ закладъ, что совершенно легко добился бы ея благосклонности, какъ это мнѣ часто случалось видѣть и на другихъ женщинахъ.

Бернабо разразился гнѣвомъ:

— Всё твои доказательства ни къ чему не приведутъ: мы можемъ спорить три дня и не переспоримъ одинъ другого; но я готовъ отдать голову на отсѣченіе, что моя жена никогда не измѣнитъ своему долгу и своей чести: я готовъ биться объ закладъ, ибо вполне увѣренъ, что тебѣ никогда не удастся склонить ее къ невѣрности, и ты тогда долженъ мнѣ уплатить тысячу золотыхъ флориновъ.

Амброджоло также пришелъ въ сильное раздраженіе и сказалъ:

— Побереги голову для себя и твоя кровь мнѣ вовсе не нужна, а ты лучше поставь пять тысячъ флориновъ, если проиграешь пари; т. е. если мнѣ удастся добиться благосклонности твоей жены. Если ты не назначишь срока, то я обязуюсь привести это въ исполненіе черезъ три мѣсяца, считая отъ сегодняшняго дня. Я поѣду въ Геную и въ доказательство, что выигралъ пари, привезу тебѣ какую-нибудь самую дорогую для нея вещь, или если хочешь самъ выбирай, какое хочешь доказательство. Но, кромѣ того, ты долженъ мнѣ дать слово, что не поѣдешь въ Геную въ теченіе этихъ трехъ мѣсяцевъ и не будешь ничего писать женѣ о нашемъ уговорѣ.

Другіе купцы старались отговорить спорившихъ отъ держанія пари, но оба такъ разгорячились, что никого не хотѣли слушать; между тѣмъ, присутствовавшіе хорошо понимали, что изъ этого спора не выйдетъ добра, но спорщиковъ нельзя было ни какъ уговорить. Они написали письменное условіе и подписали его.

Послѣ этого Бернабо остался въ Парижѣ, а Амброджоло поѣхалъ въ Геную; проживъ нѣсколько дней въ городѣ, онъ узналъ адресъ жены Бернабо и, кромѣ того, ему сообщили, что это женщина самыхъ строгихъ правилъ; тогда купецъ увидѣлъ, что затѣялъ неподходящее дѣло, однако, онъ все же не терялъ надежды на успѣхъ. Молодому купцу удалось познакомиться съ одной пожилой и очень бѣдной женщиной, которая часто бывала въ домѣ жены Бернабо и видѣла много благодѣяній отъ этой дамы. Амброджоло удалось подкупить эту бѣдную женщину и уговорить ее внести въ домъ жены Бернабо самого молодого купца, запертымъ въ сундукъ, устроенномъ согласно его указанію. Этотъ сундукъ былъ даже внесенъ въ спальню дамы, такъ какъ бѣдная женщина просила свою благодѣтельницу побереечь ея сундукъ во время ея отсутствія изъ города. Сундукъ былъ внесенъ въ комнату вмѣстѣ съ находившимся въ немъ Амброджоло. Когда наступила ночь и всѣ уснули, молодой купецъ открылъ сундукъ захваченными имъ съ собою инструментами, вылезъ изъ него и, неслышно ступая, очутился въ спальней, гдѣ горѣлъ огонь; онъ замѣтилъ живопись по стѣнамъ и всѣ предметы, которые были въ комнатѣ, и все это старался запомнить. Затѣмъ онъ подошелъ къ кровати и увидѣлъ, что хозяйка дома и ея ребенокъ спятъ крѣпкимъ сномъ; онъ открылъ одѣяло со спящей и полюбовался ея красивыми и изящными формами и замѣтилъ, что у нея подъ лѣвою грудью есть небольшое родимое пятнышко, окруженное волосами. Налюбовавшись

вдоволь созерцаніемъ нагой красавицы, онъ охотно прилегъ бы къ ней, но боялся, что жена Бернабо подниметь шумъ и переположить весь домъ, и поэтому закрылъ спящую одѣяломъ, а самъ пробрался къ шкафу, вынулъ оттуда кошелекъ, мантилью, нѣсколько колець и поясковъ и, взявъ все эти вещи съ собою, опять влѣзъ въ сундукъ и заперъ его. Двѣ ночи кряду провелъ молодой купецъ въ комнатѣ жены Бернабо, которая ничего и не знала о пребываніи въ ея комнатѣ такого нежеланнаго гостя. На третій день сундукъ былъ опять унесенъ. Амброджоло вылѣзъ изъ сундука, отдалъ старухѣ деньги, слѣдующія ей по уговору, и поспѣшилъ въ Парижъ много ранѣе назначеннаго въ условіи, срока.

Приѣхавъ въ Парижъ, Амброджоло собралъ всю компанію купцовъ, при которыхъ онъ держалъ пари съ Бернабо, и сказалъ, что выигралъ пари; ему удалось исполнить то, что онъ предполагалъ. Тутъ же онъ описалъ самую спальню жены Бернабо, живопись на стѣнахъ и обстановку комнаты; затѣмъ показавъ вещи, и Бернабо былъ долженъ признать описаніе спальни совершенно вѣрнымъ и вещи гдѣйствительно принадлежащими его женѣ; но при этомъ замѣтилъ, что купецъ могъ узнать описаніе комнаты за деньги отъ прислуги и такимъ же путемъ получить и привезенныя имъ вещи.

Купецъ возразилъ на это, что, по его мнѣнію, достаточно и этихъ доказательствъ, но если онъ желаетъ еще большихъ, то онъ скажетъ это при всѣхъ.

— У синьоры Циневры, твоей жены, есть подъ лѣвою грудью родимое пятнышко, окруженное золотистыми волосами.

Бернабо весь побагровѣлъ отъ негодованія на свою жену и не сказалъ ни слова, но все было ясно, что Амброджоло говоритъ правду. Оправившись отъ первой вспышки, Бернабо сказалъ:

— Амброджоло выигралъ пари; пусть онъ придетъ за своимъ выигрышемъ. На другой день выигрышъ былъ уплаченъ и Бернабо уѣхалъ въ Геную.

Бернабо сильно вознегодовалъ на жену и приѣхавъ въ Геную даже и не вѣхалъ въ городъ, а остановился въ двадцати миляхъ отъ него, въ одномъ изъ своихъ имѣній. По прибытіи на мѣсто, онъ послалъ своего вѣрнаго слугу въ Геную съ двумя верховыми лошадьми и съ письмомъ къ женѣ; онъ сообщалъ ей о своемъ приѣздѣ и просилъ, чтобы она приѣхала бы къ нему вмѣстѣ съ посланнымъ слугою. Синьора Циневра очень обрадовалась приѣзду мужа, ласково приняла слугу и стала вмѣстѣ съ нимъ собираться въ путь. Между тѣмъ, Бернабо далъ слугѣ тайное порученіе убить жену во время пути, выбравъ для этого удобное мѣсто. Синьора Циневра сѣла на верховую лошадь и, ничего не подозрѣвая объ ожидавшей ее участи, отправилась въ дорогу вмѣстѣ со слугою и весело съ нимъ разговаривала о разныхъ предметахъ. Такимъ образомъ они доѣхали до небольшой лощины, окруженной деревьями. Это было очень пустынное мѣсто, и слуга подумалъ, что здѣсь

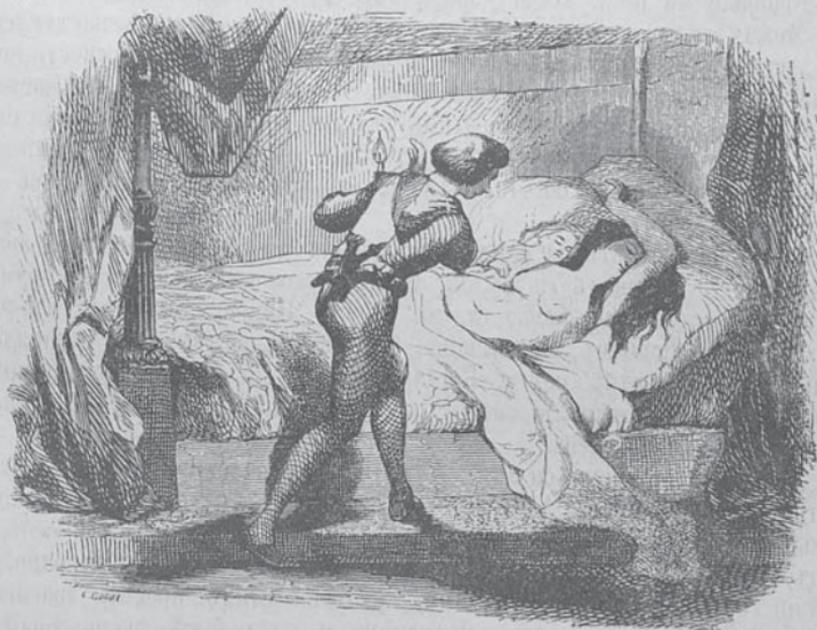
будет вполнѣ удобно исполнить возложенное на него порученіе куша.

— Помолитесь Богу, синьора,—сказалъ онъ,—мы не побѣдемъ далѣе, вамъ здѣсь суждено разстаться съ жизнью.

Синьора Циневра пришла въ ужасъ, тѣмъ болѣе, что увидѣла, какъ свергнуть ножъ въ рукахъ слуги.

— Что же это такое?—воскликнула она,—что я тебѣ сдѣлала? За что ты хочешь меня лишити жизни?

— Вы мнѣ ничего не сдѣлали, синьора, но вы сильно оскорбили вашего мужа, и онъ приказалъ мнѣ дорогою убить васъ, а въ противномъ случаѣ онъ прикажетъ повѣсить меня самого. Вы хорошо знаете



мою преданность къ нему и понимаете, что я не осмѣлюсь ослушаться его приказанія. Я отъ души васъ жалю, синьора, но на это воля моего хозяина.

— Ради Бога, не убивай меня,—упрашивала его Циневра со слезами.—Неужели ты, въ угоду моему мужу, сдѣлаешься убійцею чловѣка, который тебѣ не сдѣлалъ ни малѣйшаго зла? Я рѣшительно ни въ чемъ не виновата передъ мужемъ и не понимаю, за что онъ хочетъ убить меня? Но теперь не время долго толковать объ этомъ; ты можешь одновременно сдѣлать угодное и Богу, и твоему господину и спасти меня! Дай мнѣ твой кафтанъ, а я отдамъ тебѣ мое платье и ты скажешь, что умертвилъ меня. Клянусь тебѣ всѣмъ, что для меня дорого

въ мірѣ, что никто объ этомъ ничего не узнаеть; я уйду далеко отсюда и обо мнѣ не будетъ ни слуху, ни духу.

Слуга сжался надъ бѣдною женщиною, такъ какъ не имѣлъ противъ нея ни малѣйшаго зла, и отдалъ ей свой кафтанъ, взявъ ея платье. Онъ оставилъ Циневрѣ деньги, которыя были при ней, и умолялъ ее какъ можно скорѣе уйти изъ этой мѣстности, а самъ ускакалъ съ ея платьемъ. Такъ синьора Циневра осталась одна въ этой пустынной мѣстности. Слуга, пріѣхавъ къ своему господину, сказалъ, что привелъ въ исполненіе его приказаніе и самъ видѣлъ, какъ тѣло его жены было растерзано волками.

Нѣсколько дней спустя, Бернабо вернулся въ Геную, и всѣ жители вознегодовали на него, когда узнали объ его убійствѣ жены.

Между тѣмъ, синьора Циневра дождалась въ лоцигѣ наступленія ночи; затѣмъ, измѣнивъ, по мѣрѣ возможности, свою наружность, она вошла въ одну избушку, гдѣ жила какая-то старушка. Здѣсь она достала для себя все необходимое; укоротивъ кафтанъ, она перешила его на свой ростъ, изъ рубашки сшила себѣ панталоны, отрѣзала волосы, такъ что имѣла видъ не жены богатаго купца, а матроса, и отправилась къ морю.

Здѣсь ей встрѣтился одинъ каталонскій дворянинъ, котораго звали Энкараркъ; онъ сошелъ съ судна, чтобы нѣсколько освѣжиться у ручья, а его судно стояло по близости, въ Альбѣ. Циневра вступила въ разговоръ съ каталонцемъ, назвавшись Сикураномъ изъ Финале, и нанялась къ нему, въ качествѣ слуги. Когда они вернулись на судно, Сикурано такъ ловко прислуживалъ своему новому господину, что тотъ остался имъ совершенно доволенъ.

Нѣсколько времени спустя, этотъ каталонецъ отправился на своемъ суднѣ съ грузомъ въ Александрію и привезъ въ даръ султану нѣсколько охотничьихъ соколовъ. Султанъ часто приглашалъ къ себѣ на обѣдъ каталонца, который всякій разъ бралъ съ собою и Сикурано; послѣдній очень понравился султану и тотъ сталъ просить дворянина уступить ему своего слугу. Дворянинъ и самъ былъ очень доволенъ Сикурано, но нечего дѣлать—пришлось его уступить султану. Сикурано такъ-же угодилъ султану, какъ угождалъ каталонцу.

Въ то время, въ городѣ Акрѣ было ежегодное собраніе многихъ купцовъ, какъ христіанъ, такъ и сарацинъ, словомъ тамъ устраивалось нѣчто въ родѣ ярмарки. Для охраны купцовъ и ихъ товаровъ султанъ обыкновенно посылалъ кромѣ другихъ чиновниковъ еще небольшой военный отрядъ. На этотъ разъ султанъ отправилъ Сикурано, изучившаго уже мѣстный языкъ. Такимъ образомъ, Сикурано попалъ въ Акру, какъ предводитель охраны купцовъ и ихъ товаровъ; молодой человѣкъ и здѣсь, какъ и вездѣ, аккуратно исполнялъ возложенныя на него обязанности и самъ за всѣмъ присматривалъ и наблюдалъ. Здѣсь ему привелось встрѣтиться и даже подружиться со многими венеціанскими, сицилійскими,

генуэскими, пизанскими и другими итальянскими торговцами, съ которыми онъ вмѣстѣ вспоминалъ о своей далекой родинѣ.

Разъ какъ-то онъ остановился у лавки венеціанскихъ купцовъ и сталъ разсматривать лежавшіе тамъ товары; вдругъ онъ увидѣлъ кошелекъ и поясъ, которые принадлежали когда-то ему. Но молодой человекъ не подалъ виду, что узналъ эти вещи, а только задалъ вопросъ, чьи онѣ и продаютъ-ли ихъ? Въ Акру въ это время прѣбывалъ Амброджоло на одномъ венеціанскомъ суднѣ; услышавъ о томъ, что начальникъ отряда спрашиваетъ о вещахъ, Амброджоло вышелъ и отвѣтилъ:

— Это мои вещи, сударь, но только онѣ не продаются, а если пожелаете, я вамъ ихъ подарю.

При этомъ Амброджоло засмѣялся и Сикурано подумалъ, ужъ не узналъ-ли онъ его, и потому замѣтилъ:

— Тебѣ вѣрно смѣшно, что мнѣ, военному человеку, понравились женскія вещицы?

— Вовсе нѣтъ, — отвѣтилъ купецъ, — я смѣюсь потому, что вспомнилъ о случаѣ, какимъ образомъ, мнѣ достались эти вещи?

— Тогда расскажи намъ объ этомъ, если можно, — попросилъ Сикурано.

— Съ удовольствіемъ, сударь, это самая обыкновенная любовная исторія. Эти вещи мнѣ подарила одна синьора изъ Генуи, ее звали Циневра, жена купца Бернабо Ломеллина, который со мною бился объ закладъ на пять тысячъ золотыхъ противъ тысячи, что его жена ни въ какомъ случаѣ ему не измѣнитъ, а она между тѣмъ провела почь со мною и подарила мнѣ эти вещи на память о ея любви. Теперь мнѣ такъ смѣшно, какъ я вспомню этого глупаго Бернабо, проигравшаго пять тысячъ флориновъ, которые, я, конечно, выигралъ. Взбѣшенный Бернабо приказалъ убить свою жену, вмѣсто того, чтобы казнить самого себя за свою глупость.

Сикурано сдѣлалъ видъ, будто эта любовная исторія его очень позабавила, взялъ отъ Амброджоло вещи и даже вступилъ съ нимъ въ дружбу; когда кончилась ярмарка, онъ поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ въ Александрію; здѣсь молодой человекъ далъ ему денегъ, чтобы начать торговлю и Амброджоло сталъ жить въ Александріи. У Сикурано-же только и было въ головѣ, чтобы доказать Бернабо свою невиновность. Онъ вездѣ разыскивалъ Бернабо; при помощи разныхъ богатыхъ генуэзскихъ купцовъ ему удалось его разыскать и вызвать въ Александрію; въ это время Бернабо былъ въ самомъ жалкомъ положеніи, и Сикурано помѣтилъ его у одного изъ своихъ пріятелей, гдѣ онъ могъ жить до тѣхъ поръ, пока Сикурано не удастся привести въ исполненіе задуманный имъ планъ.

Между тѣмъ, Сикурано устроилъ такъ, что Амброджоло въ присутствіи султана разказалъ свой эпизодъ съ женою Бернабо и эта исторія очень позабавила султана. Тогда Сикурано увидѣлъ, что нечего болѣе откладывать дѣла, и попросилъ султана призвать Амброджоло и

Бернабо на очную ставку и заставить первого рассказать сущую истину, а если онъ заупрямится, то пригрозить ему наказаніемъ.

Бернабо и Амброджоло предстали передъ лицо султана, который строго спросилъ молодого купца, какимъ способомъ ему удалось выиграть съ Бернабо пять тысячъ золотыхъ флориновъ? При этомъ свиданіи былъ также и Сикурано; Амброджоло надбился, что любимецъ султана ему поможетъ въ этомъ дѣлѣ; но послѣдній угрожалъ ему, что если онъ не будетъ говорить правду, то его подвергнуть наказанію. Амброджоло почувствовалъ, что ему грозитъ бѣда со всѣхъ сторонъ, и предполагалъ, что его заставятъ отдать обратно Бернабо его пять тысячъ флориновъ, и потому рассказалъ все чистосердечно. Когда Амброджоло кончилъ, то Сикурано обратился къ Бернабо съ вопросомъ:

— А что ты сдѣлалъ со своею женою?

— Меня такъ разсердила потеря денегъ и позоръ, который мнѣ нанесла жена, что я приказалъ слугѣ убить ее, и тотъ мнѣ сказалъ, что ее растерзали волки.

Все это было сообщено при султанѣ, который не могъ понять, къ чему Сикурано возбудилъ всю эту исторію.

Тогда Сикурано обратился къ султану и сказалъ:

— Ваше величество, вы могли убѣдиться изъ всего слышаннаго, что этой женщиной есть чѣмъ похвалиться — и мужъ, и любовникъ, оба достойны одинъ другого! Одинъ лишаетъ ее добраго имени ложною клеветою и разоряетъ ее мужа, а другой вмѣсто того, чтобы разобрать дѣло и узнать о поведеніи жены, приказываетъ своему слугѣ заманить ее въ лѣсъ и отдать на съѣденіе волкамъ; онъ осуждаетъ ее на ужасную смерть, когда могъ бы разузнать все и убѣдиться въ ея невинности, а не карать ее зря, какъ какую-нибудь негодную женщину. Если вы позволите, ваше величество, обратился Сикурано къ султану, то я пришло сюда эту несчастную женщину, чтобы вы наказали виновнаго и оказали вашу милость обманутому; пусть она предстанетъ передъ вашими очами, государь.

Султанъ позволилъ, чтобы жена Бернабо явилась къ нему. Купецъ несказанно удивился, что его жена, которую онъ считалъ мертвою, оказалась жива. Амброджоло же чувствовалъ, что ему будетъ очень скверно и что ему не отдѣлаться одними деньгами; онъ рѣшительно не зналъ, что ему дѣлать и какъ быть; онъ ждалъ появленія Циневры съ большимъ нетерпѣніемъ.

Лишь только султанъ далъ свое согласіе, какъ Сикурано упалъ передъ нимъ на колѣни и заговоривъ женскимъ голосомъ, сказалъ:

— Ваше величество, должна признаться, что я и есть та самая несчастная женщина, которой пришлось переодѣться въ мужской костюмъ, чтобы избавиться отъ смерти; вотъ почему мнѣ довелось бродить по свѣту въ мужскомъ платьѣ; ложно оклеветанная этимъ злымъ Амброджоло, я была осуждена несправедливымъ мужемъ на смерть!

Разорвавъ свое платье, она обнажила свою грудь, желая убѣдить султана, что передъ нимъ дѣйствительно женщина. Затѣмъ, обратившись къ Амброджоло, она спросила его строгимъ голосомъ, когда онъ проводилъ съ нею ночь, и зачѣмъ этимъ похвалялся? А этотъ жестокой и несправедливый мужъ, зачѣмъ приказалъ убить ее безъ всякой вины? Султанъ былъ до такой степени пораженъ всеѣмъ этимъ, что думалъ, что все это онъ видитъ во снѣ, а не на яву; онъ привыкъ считать Сикуруано за мужчину, а это оказалась женщина.

Однако замѣшательство султана продолжалось недолго; онъ скоро пришелъ въ себя и увидѣлъ, что женщина, стоявшая передъ нимъ, отличается постоянствомъ, нравственностью и добродѣтелью; онъ тотчасъ же приказалъ принести для Циневры женское платье и назначилъ ей въ услуженіе женщинъ. По просьбѣ ея онъ простилъ Бернабо, хотя послѣдній и заслуживалъ смертной казни. Бернабо, узнавшій свою жену, бросился ей въ ноги съ громкими рыданіями и умолялъ ее о прощеніи, хотя и мало этого заслуживалъ; Циневра подняла его, отъ души простила и нѣжно поцѣловала, какъ мужа. Султанъ же распорядился относительно Амброджоло, чтобы его привязали къ столбу, обмазали медомъ и поставили на солнце, пока онъ не упадетъ. Затѣмъ онъ приказалъ, чтобы все имущество Амброджоло было отдано Циневрѣ, а его состояніе составляло около десяти тысячъ двойныхъ дукатовъ. Кромѣ того, султанъ сдѣлалъ великолѣпный пиръ, на которомъ онъ больше всѣхъ чествовалъ Циневру, какъ добродѣтельную и вполне достойную женщину; онъ сдѣлалъ ей много подарковъ, состоящихъ изъ золотыхъ украшеній, серебряныхъ вещей, посуды и денегъ; у ней составилась еще новый капиталъ въ десять тысячъ двойныхъ дукатовъ. Далѣе султанъ позволилъ имъ, если они хотять, вернуться въ Геную; для переѣзда супруговъ онъ велѣлъ приготовить корабль, который чета Бернабо нагрузила всеѣмъ своимъ богатствомъ. Они счастливо доѣхали до родины, гдѣ ихъ встрѣтили съ восторгомъ, особенно же Циневру, которую все считали погибшею отъ руки мужа.

Съ тѣхъ поръ добродѣтельная женщина всю свою жизнь пользовалась особымъ почетомъ за свои рѣдкія качества.

Амброджоло же, котораго обмазали медомъ и привязали къ столбу, въ тотъ же день былъ съѣденъ мухами, оводами и осами и умеръ въ жестокихъ мученіяхъ. Кости его побѣлѣли и еще долго сдерживались связками и были у всѣхъ на виду, напоминающая о его злодѣйскомъ преступленіи. Такимъ образомъ и оправдалась пословица, что обманщикъ былъ поцѣпанъ ногами обманутаго.





Новелла X.

Календарь престарѣлаго мужа.

Нѣкто, по имени Паганино да-Монако увозить супругу Ричардо да-Кинцика; послѣдній, разузнавъ, куда она отправилась, вступаетъ въ дружбу съ Паганино и просить его возвратить ему жену; Паганино изъявляетъ свое согласіе, если это только будетъ и желаніемъ синьоры. Она же не желаетъ вернуться къ мужу и послѣ смерти Ричардо вѣнчается съ Паганино.

Всѣ отозвались съ особою похвалою о разказѣ королевы; онъ произвелъ особенно сильное впечатлѣніе на Діонео, за которымъ была послѣдняя очередь въ этотъ день разказать новеллу. Онъ сначала совершенно искренно похвалилъ разказъ королевы и затѣмъ началъ:

— Прелестныя синьоры! Въ только что оконченной исторіи королевы есть нѣкоторая подробность, которая принудила меня не говорить вамъ другой. Поводомъ къ этому была глупость Бернабо, которая, къ его счастью, благополучно для него кончилась; многіе такіе люди воображаютъ, что если они наслаждаются жизнью во время своего отсутствія изъ дома, то съ одною, то съ другою женщиною, то въ это время ихъ жены, оставленныя дома, примѣрно себя ведутъ и отличаются добродѣтелью, точно мы, выросшіе и воспитанные среди женщинъ, не знаемъ, что ихъ доводитъ до соблазна. Моею исторіею я хочу вамъ выставить глупость подобныхъ господъ и еще бѣльшую глупость такихъ людей, которые воображаютъ, что могутъ быть сильнѣе самой природы; эти люди выдумываютъ разные факты, дабы убѣдить, самихъ себя, будто могутъ сдѣлать болѣе своихъ силъ; да кромѣ того и другихъ ставятъ на одну доску съ собою, тогда какъ другіе совершенно иного склада.

Въ Пизѣ былъ одинъ судья, человѣкъ уже старый и обладавшій скорѣе духовными достоинствами, чѣмъ физическими; онъ почему то вообразилъ, что, если женится, то его супруга можетъ быть вполне имъ удовлетворена. Онъ былъ человѣкъ богатый и искалъ себѣ въ жены дѣвушку непременно молодую и красивую; но именно такой жены ему и не слѣдовало бы выбирать себѣ, если бы онъ сумѣлъ дать себѣ такіе же благіе совѣты, какіе такъ щедро давалъ другимъ. Однако, его бракъ состоялся. Нѣкто Лотто Гваланди согласился выдать за него свою дочь, молоденькую и хорошенькую дѣвушку, Бартоломео, которая отличалась необыкновенною веселостію и бойкостью и была одна изъ тѣхъ вертушекъ, которыхъ много встрѣчается въ Пизѣ.

Судья справилъ пышную свадьбу и ввелъ въ свой богатый домъ молодую супругу. Но въ перву же брачную ночь старику-судѣе не



посчастливилось; онъ былъ человѣкъ тонкій, сухой, что называется еле еле душа въ тѣлѣ. Послѣ первой ночи онъ почувствовалъ себя такъ худо, что пришлось прибѣгнуть къ лекарствомъ, вину и къ разнымъ другимъ средствамъ, чтобы только вернуть его къ жизни. Послѣ такого случая ему пришлось обратить на себя и на свое здоровье больше вниманія и быть осмотрительнѣе. И вотъ онъ придумалъ особаго рода календарь, который и сталъ преподавать своей молодой супругѣ. Этотъ календарь былъ изданъ, кажется, въ Равеннѣ и былъ пригоденъ развѣ только для дѣтей, обучающихся грамотѣ; по этому календарю на каждый день приходится какой-нибудь одинъ, а то и два праздника, и

изъ благоговѣнія къ этимъ днямъ супруги должны были соблюдать воздержаніе; къ этимъ праздникамъ присоединялись еще великій постъ, кануны памяти святыхъ, апостоловъ, сочельники, пятницы и субботы, воскресные дни, нѣкоторые переменны луны и пр. Словомъ на брачномъ ложѣ являлись такія же отерочки, да проволоочки, какъ въ какомъ-нибудь судопроизводствѣ. На долю молодой жены мало перепало дней, въ которые она могла пользоваться ласками мужа. Кромѣ того, судья зорко слѣдилъ затѣмъ, чтобы ктонибудь не научилъ его молодую супругу также хорошо различать рабочіе дни, какъ она различала праздники.

Настало жаркое лѣто и синьору Ричардо вздумалось посѣтить одно изъ своихъ помѣстій, находившееся въ Монте-Неро и пожить тамъ нѣкоторое время, чтобы попользоваться чистымъ сельскимъ воздухомъ; онъ взялъ въ деревню и молодую жену. Желая развлечь ее, судья устроилъ рыбную ловлю; они поѣхали на нее смотрѣть въ двухъ лодкахъ; въ одной изъ нихъ онъ сѣлъ самъ съ рыбаками, а въ другой синьора Бартоломея со знакомыми дамами. Сами того не замѣчая, они зашли слишкомъ далеко въ море. Вдругъ откуда-то явился на своемъ суднѣ знаменитый морской разбойникъ Паганино да-Маре въ то время, какъ дамы смотрѣли на рыбную ловлю. Завидѣвъ лодки, Паганино бросился за ними, лодки обратились въ бѣгство, но разбойникъ нагналъ ту лодку, въ которой сидѣли дамы и, замѣтивъ красавицу-Бартоломею, перетащилъ ее къ себѣ на галеру передъ самымъ носомъ синьора Ричардо, и уѣхалъ, находя, что и этой добычи для него достаточно.

Конечно, судья былъ сильно огорченъ исчезновеніемъ жены; онъ былъ человѣкъ ревнивый и ко всякому ревновалъ свою жену. Онъ сталъ жаловаться сначала въ Пизѣ, потомъ въ другихъ городахъ, что увезли его жену, но такъ какъ онъ не зналъ даже имени того корсара, который похитилъ Бартоломею, то изъ этихъ жалобъ и не вышло никакого проку.

Тѣмъ временемъ, корсаръ, любуясь своей добычею, остался очень доволенъ; онъ былъ холостой и порѣшилъ оставить красавицу у себя. Бартоломея горько плакала, разбойникъ же старался нѣжно утѣшить ее, но и это несколько не помогало. Когда наступила ночь, онъ попробовалъ приласкать ее; календаръ онъ затерялъ и давно уже не помнилъ ни праздниковъ, ни кануновъ, ни сочельниковъ. На этотъ разъ утѣшенія разбойника имѣли успѣхъ и, прежде чѣмъ, галера подошла къ Монако, молодая женщина совершенно забыла о мужѣ, о его странномъ календарѣ и уставахъ. Когда Паганино привезъ жену Ричардо въ Монако, то привелъ ее къ себѣ въ домъ, окружилъ роскошью и почетомъ и обращался съ нею, какъ съ женою.

Однако, до слуха Ричардо дошли вѣсти, что корсаръ Паганино увезъ его жену и что она находится у него въ Монако. Судья порѣшилъ отправится туда самъ, думая выкупить у Паганино жену, сколько

бы онъ не спросилъ за нее денегъ. Рѣшивъ такимъ образомъ, онъ не медля отправился въ Монако и здѣсь ему удалось видѣть жену, которая также его видѣла; она сообщила объ этомъ Паганино, а также и объявила ему свое рѣшеніе. На слѣдующій же день Ричардо



встрѣтился съ нимъ и даже старался снискать его дружбу. Разбойникъ же притворился, что не знаетъ, кто такой этотъ Ричардо, и выжидалъ, что будетъ дальше. Выбравъ подходящую минуту, судья объявилъ корсару, зачѣмъ онъ пріѣхалъ въ Монако, и сталъ умолять Паганино возвра-

тить ему жену и взять за нее какой угодно выкупъ, присовокупивъ при этомъ, что онъ не постоитъ за суммою.

На это Паганино отвѣчалъ:

— Дѣйствительно, у меня живетъ одна молодая дама, но не знаю, ваша ли это жена или кого-нибудь другого; васъ я совершенно не знаю, да и ее я знаю только съ тѣхъ поръ, какъ она поселилась у меня въ домѣ. Если она, дѣйствительно, ваша супруга, какъ вы это говорите, то мнѣ мало дѣла до этого. Я вижу, что вы человѣкъ очень вѣжливый, и если она васъ признаетъ своимъ мужемъ и согласится съ вами уѣхать, то я не стану задерживать эту красивую даму и потребую съ васъ небольшой выкупъ; если же она не согласится съ вами жить, то съ вашей стороны будетъ крайне предосудительно отнять ее у меня; вы видите, я еще молодъ, и мнѣ никто не можетъ пренятствовать держать при себѣ женщину, въ особенности такую красивую, какая живетъ у меня.

— Но увѣрю васъ, что эта красавица—моя жена,—настаивалъ на своемъ Ричардо.—Прошу васъ сведите меня къ ней и вы увидите, какъ она бросится въ мои объятія. — Хорошо, пойдемте, — согласился корсаръ. Судья пошелъ вмѣстѣ съ Паганино въ его домъ и прошелъ въ залу, куда пригласили и Бартоломею. Молодая синьора поклонилась Ричардо, какъ совершенно незнакомому лицу, которое посѣтило Паганино; она была очень нарядна и очень похорошѣла. Судья, увидя такой холодный пріемъ со стороны своей жены, пришелъ въ удивленіе и думалъ, что постоянная его тоска объ исчезнувшей женѣ такъ измѣнила его лицо, что она его не узнала.

Судья сказалъ:

— Ты не повѣришь, моя милая Бартоломея, во что мнѣ обошлась эта ненавистная рыбная ловля? О, сколько она мнѣ причинила горя! Когда ты исчезла, я метался какъ угорѣлый, рвалъ на себѣ волосы; повсюду бѣгалъ и розыскивалъ тебя, пока не узналъ, что ты въ Монако. Я пріѣхалъ сюда, познакомился съ Паганино, добился, чтобы онъ отпустилъ тебя, и онъ согласился на это подъ тѣмъ условіемъ, что я внесу за тебя выкупъ, а ты вдругъ дѣлаешь мнѣ такой пріемъ, котораго я не ожидалъ!

— Что вы мнѣ такое говорите, синьоръ?—спросила съ улыбкою на устахъ Бартоломея. По всей вѣроятности вы принимаете меня совершенно за другую женщину; я право не помню, чтобы видѣла васъ когда нибудь въ своей жизни.

Тогда судья подумалъ, что Бартоломея стѣсняется Паганино и не хочетъ признать мужа въ его присутствіи, и сталъ умолять корсара позволить ему переговорить съ женою съ глазу на глазъ. Тотъ согласился и на это, только предупредилъ судью, чтобы онъ не смѣлъ цѣловать синьору противъ ея желанія. Затѣмъ корсаръ обратился къ синьорѣ и позволилъ ей выйти съ судьею въ другую комнату для пе-

реговоровъ, на которые она пусть отвѣтитъ то, что ей вздумается. Когда Ричардо и молодая синьора ушли въ другую комнату, судья началъ первый:

— Неужели ты, радость моя, ангель мой, совѣтъ не узнала твоего Ричардо, который любить тебя больше жизни? Неужели это возможно? Или я такъ сильно перемѣнился, тоскуя о тебѣ? Очи мои ясныя, взгляните на меня, хотя одинъ только разъ.

Синьора расхохоталась и сказала:

— Неужели вы думаете, что время отшибло у меня память? Я прекрасно знаю, что судья Ричардо да-Кинцико мой благовѣрный; а вотъ вы, во время нашего сожителства, совершенно не понимали меня. Вы хотѣли казаться человѣкомъ умнымъ и разсудительнымъ, а между тѣмъ своимъ умомъ не дошли до того, что мнѣ, какъ молодой женщинѣ, необходимо кромѣ нищи и нарядовъ еще что-то, о чемъ изъ стыда дамы не говорятъ. Если вамъ лучше было возиться съ судопроизводствомъ, чѣмъ со мною, то въ такомъ случаѣ не слѣдовало и вступать въ бракъ, а прозябать холостякомъ, какъ вы жили до своей свадьбы. Впрочемъ, я васъ не считаю и за судью. Въ моемъ воображеніи вы являлись мнѣ какимъ-то живымъ календаремъ, въ которомъ обозначаются праздники, кануны, сочельники, посты большіе и малые и проч. Видите-ли, если бы вы давали столько льготныхъ дней вашимъ рабочимъ, сколько давали тому, который обязанъ былъ позаботиться и о моемъ счастьѣ, то ручаюсь, что вамъ не удалось бы собрать такой обильной жатвы, какую вы собираете въ ваши житницы. Однако, судьба смилостивилась надъ моею загубленною молодостью и послала мнѣ хорошаго человѣка. Мы съ нимъ проводимъ ночи въ этой комнатѣ и не соблюдаемъ никакихъ ни праздниковъ, ни сочельниковъ, ни кануновъ, ни субботъ, ни пятницъ, тутъ идетъ кипучая работа. Я порѣшила жить съ нимъ и предаваться наслажденіямъ, не соблюдая ни праздниковъ, ни постовъ; такіе дни пусть останутся къ тому времени, когда я буду стара. А вы лучше отправляйтесь на родину и соблюдайте сами безъ меня всѣ посты и сочельники вашего календаря, такъ какъ это доставляетъ большую радость!

— О, ненаглядная моя! Ты говоришь ужасныя вещи! Вспомни только, что ты позоришь твоихъ родителей и пятнаешь свою собственную честь. Неужели ты такъ низко упала, что предпочитаешь лучше жить здѣсь, какъ возлюбленная Паганино, чѣмъ вернуться въ Пизу и жить со мною, какъ законная супруга, и пользоваться всеобщимъ почетомъ и уваженіемъ. Вѣдь этотъ человѣкъ выгонитъ тебя, какъ послѣднюю собаку, когда ты ему прискучишь, а мнѣ ты всегда будешь дорога и всегда будешь считаться хозяйкою въ моемъ домѣ. Неужели ты изъ-за пустой прихоти рѣшаешься забыть совѣсть и стыдъ и бросить меня, который любить тебя больше всего на свѣтѣ. О, моя радость, мое счастье, умоляю тебя, возвратись ко мнѣ въ домъ, и мы заживемъ счаст-

ливо! Разъ мнѣ извѣстны теперь твои желанія, то я постараюсь исполнять ихъ по мѣрѣ возможности!

— Это мое дѣло думать о моей чести, — отвѣчала синьора, — а другимъ не слѣдуетъ заботиться о ней; впрочемъ, теперь уже прошла пора о ней думать. На обязанности моего отца и моей матери было поразмыслить о моей чести, когда они согласились повѣнчать меня съ вами, но такъ какъ въ тотъ моментъ они объ этомъ не подумали, то я даже не хочу и вспоминать о нихъ. Что же касается того, что въ данномъ случаѣ на мнѣ лежитъ смертный грѣхъ, то мнѣ за него придется и отвѣчать въ свое время, а вамъ до этого нѣтъ никакого дѣла. Кромѣ того, я держусь того мнѣнія, что здѣсь въ Монако, я дѣйствительно сдѣлалась женою Паганино, а тамъ въ Пизѣ была только вашей любовницей. Такъ мы съ вами сходились только по извѣстнымъ днямъ... Вы говорите, что сдѣлаете все возможное, но позвольте васъ спросить, какимъ образомъ вы достигните того, чтобы имѣть возможность удовлетворять моимъ желаніямъ? Станете заниматься гимнастикой? Куда вамъ! Вы такой хилый, тощій... Что изъ васъ можетъ выйти порядочное? Я удивляюсь еще, какъ васъ земля носитъ? Потомъ, вы еще говорите, что этотъ человѣкъ можетъ меня покинуть, но врядъ-ли онъ это сдѣлаетъ, если я сама не пожелаю съ нимъ разстаться, — то и въ такомъ случаѣ я ни за какія блага въ мірѣ не буду жить съ вами! А вы лучше отправляйтесь-ка въ вашу Пизу по добру по здорову и живите тамъ, какъ вамъ заблагоразсудится; я не возлагаю на васъ никакихъ надеждъ: изъ васъ нельзя выжать соку; а если Паганино меня и броситъ, то я надѣюсь найти для себя другого подходящаго человѣка. Еще разъ скажу вамъ, что у насъ тутъ нѣтъ ни кануновъ, ни сочельниковъ, и потому я непременно хочу остаться. А вы уходите себѣ по добру по здорову къ себѣ на родину, въ противномъ случаѣ, я позову людей на помощь и скажу, что вы хотѣли совершить надо мною насиліе.

Ричардо теперь вполне убѣдился, что остался въ дуракахъ, и теперь только понялъ, что сдѣлалъ непростительную глупость, взявъ себѣ въ супруги такую молодую и красивую женщину. Онъ наговорилъ Паганино много неприятныхъ вещей, но изъ этого не вышло никакого результата, такъ что судьѣ пришлось вернуться обратно въ Пизу. Тутъ онъ сильно тосковалъ и на него напало какое то странное тупоуміе; если кто-нибудь обращался къ нему съ какимъ либо вопросомъ, то онъ отвѣчалъ ни къ селу ни къ городу. «Бойкой бабѣ нѣтъ никакого дѣла до праздниковъ!» Другого отвѣта отъ него никогда не получали. Вскорѣ послѣ того онъ умеръ.

Паганино, узнавъ о его смерти, вступилъ въ бракъ съ синьорою Бартоломеею, такъ какъ она сильно его полюбила. Они живутъ тихо и счастливо, не знаютъ ни праздниковъ, ни постовъ и наслаждаются жизнью.

Вотъ поэтому я и полагаю, мои дорогія слушательницы, что купецъ

Бернабо заведя споръ съ Амброджою пускался на своемъ конѣ вскачь по откосу, который былъ слишкомъ крутъ.

Эта исторія Діонео заставила всѣхъ слушателей разразиться самымъ единодушнымъ, неудержимымъ смѣхомъ. Всѣ синьоры сказали въ одинъ голосъ, что Діонео совершенно правъ, потому что генуэзскій купецъ сдѣлалъ великую глупость. Когда всѣ присутствовавшіе насмѣялись вдоволь, королева вспомнила, что уже поздно, и день кончился. Она встала, подошла къ Неифиле, надѣла на ея голову вѣнокъ, предвзрительно снявъ его со своей головы, и улыбувшись сказала:

— Съ этого времени я передаю тебѣ власть надъ нашимъ собраніемъ, моя дорогая. И королева опять сѣла на свое мѣсто.

Неифиле вспыхнула отъ оказанной ей чести; она походила на розу, когда та распускаетъ свои лепестки утромъ; синьора сидѣла молча, опутивъ блестящіе глаза. Всѣ присутствовавшіе стали хвалить новую королеву за ея замѣчательную красоту. Когда похвалы кончились и всѣ успокоились, Неифиле, оправившись отъ смущенія, встала и обратилась къ окружающимъ со слѣдующими словами.

— Разъ меня выбрали королевою, то я утверждаю прежніе порядки, которые вы всегда исполняли, затѣмъ вкратцѣ объясню вамъ, что я предполагаю устроить, и если вы будете согласны съ моимъ мнѣніемъ, то попрошу васъ привести это въ исполненіе. Какъ вы всѣ хорошо знаете, завтра пятница, а затѣмъ суббота: это такіе дни, въ которые ѣдятъ постное, почему многіе люди не любятъ этихъ дней; между тѣмъ какъ въ пятницу потерѣлъ страданіе Христосъ, ради нашего искупленія, поэтому въ такой день слѣдуетъ молиться, а не проводить время въ рассказываніи разныхъ исторій. Въ субботу слѣдуетъ омыться отъ той пыли и грязи, которая набралась и на нашемъ тѣлѣ и въ домѣ за семь дней; въ этотъ день благочестивые люди обыкновенно постятся во славу Дѣвы Маріи, Матери Божіей, и потомъ, чтобы воздать честь наступающему воскресенью, отдыхаютъ отъ всѣхъ своихъ трудовъ; поэтому и въ субботу намъ нужно оставить наши новеллы, и такимъ образомъ мы измѣнимъ утвержденный порядокъ. Мы уже здѣсь пробыли четыре дня и намъ нужно перейти куда-нибудь въ другое мѣсто, а то сюда явится еще кто-нибудь, а поэтому я думаю переселиться. Потомъ я думаю измѣнить и самый складъ нашихъ исторій такъ, чтобы онѣ всѣ относились, къ какому либо одному дѣйствию рока. Я думаю на этотъ разъ выбрать такую тему, гдѣ рассказывалось бы о судьбѣ очень ловкихъ людей, которые приобрѣли то, чего добивались всѣми силами своей души, или же сдумали вернуть себѣ то, что потеряли. Поэтому каждый изъ васъ можетъ поразмыслить на такую тему; изъ этого я исключая Діонео, пусть онъ повѣтствуетъ тотъ рассказъ, который уже придумалъ; королева позвала своего мѣтръ д'отеля приказала ему накрыть столъ для ужина и затѣмъ всякій могъ дѣлать, что хочетъ. Какъ

кавалеры, такъ и синьоры пошли въ садъ для прогулки, а между тѣмъ подоспѣлъ и ужинъ, за который и сѣли все присутствовавшіе. Послѣ ужина, по приказанію королевы Эмилиа устроила танцы, а Пампиния исполнила съ хоромъ пѣсенку.

Затѣмъ, снова, пѣли, плясали и наконецъ не забыли и музыку. Когда настало время ложиться спать, то по приказанію королевы, каждому сопрождали до его комнаты съ факеломъ въ рукахъ. Въ пятницу и субботу ѣли постное, совершали молитву и проводили время именно такъ, какъ распорядилась королева. Все общество съ нетерпѣніемъ ожидало наступленія воскресенія.

